

Т 327.

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

(по поводу брошюры: „земство и расколъ“, А. Щапова, 1862 г.)

Никто, надѣмся, не будетъ спорить, что расколъ составляетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, изслѣдованіемъ котораго должна заняться съ полнымъ вниманіемъ не только литература, но и сама власть какъ духовная, такъ и свѣтская. Литературѣ предстоитъ блестящее поприще вывести на свѣтъ Божій закулисныя тайны раскола и разъяснить обществу двухвѣковую страдальческую жизнь отдѣлившихся отъ него членовъ. Тогда, быть можетъ, видно будетъ, что нужно сдѣлать для примиренія братій съ братьями. На власти духовной лежитъ священная обязанность—отыскать средства для успокоенія немощной совѣсти миллионовъ христіанъ, для которыхъ вѣчное спасеніе составляетъ предметъ до того дорогой, что ему жертвуется всѣмъ, нерѣдко самую жизнь. Правительство свѣтское имѣетъ свои причины такъ или иначе покончить дѣло съ расколомъ. Въ немъ оно встрѣчаетъ перваго и самаго сильнаго противника всѣмъ своимъ прогрессивнымъ стремленіямъ. А послѣ этого само собой понятно, что вопросъ: что такое расколъ? становится вопросомъ первой важности. Рѣшить его правильно значить ни больше, ни меньше, какъ указать средства, которыя одни и могутъ быть дѣйствительными къ врачеванію больныхъ,

Что же такое расколъ? Читатели наши, зная, конечно, какъ давно и много пишутъ объ этомъ предметѣ, пожалуй, сочтутъ вопросъ нашъ если не пустымъ, то, по крайней мѣрѣ, излишнимъ, рѣшеніе котораго можно найти въ любой книгѣ о расколѣ. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то. Не говоря уже о сочиненіяхъ по расколу давно минувшихъ дней, которыя знакомятъ насъ больше съ внѣшними отличіями раскола отъ православія, чѣмъ съ самою сущностью дѣла, даже въ книгахъ о расколѣ послѣдняго времени трудно, если не невозможно, найти прямой, опредѣленный, цѣлый, а главное—справедливый отвѣтъ на предложенный нами вопросъ. „Надо откровенно сознаться, говоритъ одинъ современный намъ изслѣдователь раскола (1), что въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ ни русская администрація, ни русская литература ничего почти не сдѣлали для разъясненія этого предмета, предмета темнаго, нелюбимаго свѣта, и къ тому же, по стеченію обстоятельствъ, на долгое время протавленнаго въ потемки тайны. Администрація сначала воздвигала костры, потомъ собирала податъ съ бороды и рядила раскольниковъ въ кафтаны съ козыремъ и знакомъ на вороту, а въ послѣдствіи облекла все дѣло раскола въ непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно разсуждала о томъ, сколькими пальцами, ради спасенія души, надо креститься и сколько разъ говорить аллилуія, а потомъ стала искать въ расколѣ воображаемыхъ качествъ, основывая свои воззрѣнія не на личномъ знакомствѣ съ расколомъ и раскольниками и не на взглядѣ ихъ на рели-

(1) Письма о расколѣ *Мельникова*, 1862 г., стр. 2 и 3.

гию и социальныя отношенія. Теперь, когда мы пережили и страшную пору костровъ, и темную пору схоластическаго словопревенія о сложеніи перстовъ и ходахъ по солодѣ, теперь, когда все это признано несчастными и неудачными попытками уничтожить расколъ, теперь мы знаемъ о немъ все-таки немного того, сколько знали наши дѣды и отцы, во времена страшныхъ костровъ, странной тайны и темной, раздражительной, схоластической поэмннн. Мы даже меньше ихъ знаемъ, ибо больше, чѣмъ они, удалились отъ простаго народа. А что слова эти не риторика, а горькая правда, въ этомъ можетъ каждый убѣдиться тѣмъ разнообразіемъ взглядовъ на расколъ, какое находимъ мы въ литературѣ послѣдняго времени. Одни, напр., видятъ въ расколѣ невѣстивенную, развратную толпу, другимъ онъ кажется лучшею, передовою и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи частью нашего простонародья. Одни смотрятъ на расколъ, какъ на окаменѣлый остатокъ руской старины церковной и гражданской, другіе находятъ въ немъ такіе либеральныя и прогрессивныя стремленія, до какихъ православные еще не додумались и не скоро додумаются. Есть писатели, которые утверждаютъ, что расколъ—чисто религіозное явленіе, другіе, наоборотъ, даютъ ему значеніе гражданское, политическое. Наконецъ, по мнѣнію однихъ, въ расколѣ, кромѣ нерасположенія его къ церковной и свѣтской власти въ свѣдствіе религіознаго разномыслія съ одной и немирнолюбиваго отношенія къ нему другой, нѣтъ ничего больше, по другимъ, расколъ— оппозиція правительству церковному и гражданскому— съ демократическими тенденціями. Всякій согласится, что такое множество различныхъ взглядовъ на расколъ

прямо показываетъ, что онъ остается явленіемъ еще неразгаданнымъ.

Г. Шаповъ смотритъ на расколъ съ своей точки зрѣнія. По его мнѣнію, расколъ есть ничто иное, какъ оппозиція податнаго земства противъ всего государственнаго строя — церковнаго и гражданскаго (стр. 28); какъ отрицанье массою народною греко-восточной никоніанской церкви и государства или Имперіи Всероссійской съ ея иноземными чинами и установленіями (стр. 30). Надѣмся, читатели наши знаютъ, съ какимъ умиленнымъ восторгомъ отнеслась литература къ такому взгляду на расколъ г. Шапова. По мнѣнію большинства, г. Шаповъ сказалъ послѣднее и самое правдивое слово о расколѣ. Онъ разгадалъ тайну, о которую такъ долго разбивалась проницательность другихъ писателей, онъ нашелъ смыслъ въ расколѣ, котораго не видѣли въ немъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, — его взглядъ на расколъ, какъ основанный на изученіи исторіи, а не на безплодныхъ умствованіяхъ, долго и долго проживетъ въ лучшей нашей литературѣ; по крайней мѣрѣ *теперь* сказать противъ него рѣшительно нечего (1). Послѣ такихъ отзывовъ о взглядѣ г. Шапова на расколъ, кажется, дѣло слишкомъ рискованное *смытъ свое* сужденіе имѣть какъ о расколѣ вообще, такъ въ частности о пониманіи его г. Шаповымъ. И однакожь мы позволяемъ себѣ эту смѣлость не изъ желанія лишь не согласиться съ тѣмъ, что признано большинствомъ за несомнѣнное и чрезъ то заявить свою самостоятельность, — мы еще не на столько знаемъ рас-

(1) Этотъ панегирикъ находится особенно въ XLIV № «Сына Отечества» за 1862 годъ.

кодъ, чтобы могли считать себя въ правѣ судить объ немъ, не подчиняясь такимъ авторитетамъ, каковъ—г. Щапова,—а просто по любви къ истинѣ, которую, разумѣется, руководствовался въ своихъ изслѣдованіяхъ и г. Щаповъ, и которая, намъ кажется, неотыскана еще имъ окончательно.

И прежде всего мы находимъ несовсѣмъ вѣрною общую мысль г. Щапова, будто расколъ есть оппозиція только *податнаго земства* противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго. Подъ податнымъ земствомъ г. Щаповъ, какъ и слѣдовало ожидать, разумѣеть „весь *простой народъ*,—земскихъ людей, гостей, купецкихъ и посадскихъ людей, крестьянъ, стрѣльцовъ, казаковъ“ (стр. 32 и 59). И однакожь исторія свидѣтельствуетъ, что расколъ находилъ себѣ послѣдователей и въ роскошныхъ палатахъ бояръ и князей, и въ скромныхъ хижинахъ протопоповъ и поповъ, и въ тихихъ кельяхъ архіереевъ, архимандритовъ, іеромонаховъ и вообще иноковъ. Однимъ словомъ: лица всѣхъ сословій и званій, не исключая самыхъ высшихъ, часто становились на сторону раскола и связывали свои интересы съ земствомъ. И это было не только тогда, когда расколъ, какъ явленіе новое, могъ имѣть обаяніе новизны, но и послѣ, когда быть послѣдователемъ его стало дѣломъ небезопаснымъ. Такъ мы знаемъ, что даже въ прошломъ столѣтіи къ числу лицъ, сочувствовавшихъ расколу, принадлежали и епископы въ родѣ Игнатія тамбовскаго, и князья, напр., „бояринъ-князь Иванъ Ивановичъ Хованскій“ (1), или „князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій“ (2), и протоіерей и священники

(1) Раскольникъ дѣла XVIII стол., т. I, стр. 5—8.

(2) Раскольникъ дѣла, т. II, 194—5.

и другія лица, невходившія въ составъ земства, въ родѣ; напр., пензенскаго помѣщика Левина, тамбовскаго дворянина Игнатія Иванова, княгини Марьи Алексѣевны Львовой и др. (¹). Правда, подобныхъ раскольниковъ-аристократовъ мы можемъ насчитать въ прошломъ столѣтіи очень мало сравнительно съ числомъ раскольниковъ изъ земства. Но подобное явленіе можно объяснить не тѣмъ только, будто расколь защищала интересы только земства и, слѣдовательно, людямъ непринявшимъ къ этой категоріи, не было расчета дѣлать его послѣдователями, а и тѣмъ, что статистики раскола въ данное время, хотя бы, напр., за прошлое столѣтіе, у насъ еще нѣтъ, слѣдовательно, можетъ быть, исторія откроетъ намъ, кромѣ извѣстныхъ, еще другихъ послѣдователей раскола не изъ земства; а главное, лица болѣе образованныя, чѣмъ земскіе люди, могли вести дѣла свои такъ искусно, что, и принадлежа всей душой расколу, казались, когда этого требовали обстоятельства, вполне православными. Въ подтвержденіе этой послѣдней мысли мы укажемъ на слѣдующій поразительный примѣръ. У князя Меншикова, любимца и приверженца Петра I, такъ сурово относившагося къ расколу, былъ духовникъ попомъ Лебедева— заклятый раскольникъ, который, покровительствуя своимъ собратіямъ, велъ себя; однакожь, до того осторожно, что Меншиковъ и не подозрѣвалъ въ немъ раскольника (²). Если же въ настоящее время расколь сосредоточивается по преимуществу въ земствѣ (³); это

(¹) Раскольниковъ дѣла XVIII стол., т. I, стр: 44, 614, 618, см. стр. 188.

(²) Расколн. дѣла, т. I, стр. 13.

(³) Мы сказали по преимуществу, потому что и въ недавнія времена въ сектанствѣ были обличены лица высшихъ сословій. См. Исторію Министер. внутрен. дѣлъ, кн. 8, 1863 г., стр. 192, 315 и др.

значить только, что люди болѣе развитые и образованные, чѣмъ купцы, мѣщане и крестьяне, могли убѣдиться въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, что полагать спасеніе въ двуперстїи или въ сугубой аллилуїа—значить слишкомъ узко смотрѣть на дѣло вѣры, или считать существующій порядокъ вещей антихристіанскимъ значить не понимать истиннаго христіанства. Есть и другія причины указанному явленію. Какъ бы искусно ни рисовали *нѣкоторые* мрачную сторону раскола, во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что онъ требуетъ по крайней мѣрѣ отъ своихъ послѣдователей жизни болѣе простой, трезвой, церковной, чѣмъ какая замѣтна въ классахъ болѣе образованныхъ, въ сословіяхъ высшихъ. И если во времена Алексѣя Михайловича и даже Петра Перваго, сами бояре непрочь были считать проклятымъ землемъ табакъ, видѣть образъ Божій въ бородахъ, смотрѣть, какъ на бѣсову потѣху, на театръ и другія увеселенія, полагать спасеніе въ томъ, чтобы не ѣсть въ постъ рыбы и проч. и проч., то послѣ, особенно со временъ Екатерины II, когда философія энциклопедистовъ, бывшая въ милости у самой Императрицы, перевернула убѣжденія въ русскихъ головахъ; когда быть преданнымъ вѣрѣ значило сдѣлаться посмѣшникомъ для другихъ, когда жизнь высшихъ классовъ, а за ними и среднихъ—по подражанію, получила направленіе чисто-мірское, житейское, когда соблюденіе древнихъ народныхъ обычаевъ стало считаться признакомъ отсталости и невѣжества, когда, по остроумному выраженію одного проповѣдника XVIII столѣтія, большинствомъ „въ постъ святой за курочку душу готово было промѣнивать“,—понятно, послѣ такого рѣзкаго переворота въ жизни нашихъ высшихъ классовъ не-

много можно было найти между ними людей, которые рѣшились бы, слѣдуя расколу, обречь себя на многочисленные земные поклонны, на строгіе посты, на точное соблюденіе другихъ религіозныхъ обрядовъ. Только народъ, еще не заразившійся иноземными обычаями, неподдавившій въ себѣ нравственно-религіознаго чувства, но въ то же время все еще стоящій на самой невысокой степени умственнаго и религіознаго развитія, только народъ можетъ въ настоящее время увлекаться строго-степенной доктриной раскола и быть въ состояніи устроить по ней свою безыскусственную жизнь. Вотъ, по нашему мнѣнію, причины, по которымъ расколъ въ наше время, какъ и прежде, сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ простомъ народѣ, въ низшихъ слояхъ общества.

Но не въ томъ одномъ ошибка г. Шапова, что онъ ограничилъ послѣдователей раскола только податнымъ земствомъ. Главная ошибка его заключается во взглядѣ его на самый расколъ. По мнѣнію г. Шапова, расколъ—это оппозиція земства противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго,—отрицанье массою народною греко-восточной никоніанской церкви, и государства или Имперіи Всероссійской съ ея иноземными нѣмецкими чинами и установленіями. При первомъ взглядѣ на дѣло, мнѣніе г. Шапова кажется вполне справедливымъ. Что раскольники недовольны не только господствующею церковію, но и существующимъ государственнымъ устройствомъ, это, кажется, истина, которую давно сознавали всѣ и само правительство. Еще Петръ I, задѣвшій своими реформами самыя живыя и чувствительныя струны народа, видѣлъ, что расколъ затѣваетъ „измѣну или бунтъ на

государя или на государство“, т. е. противится государственными реформамъ, какія вводилъ Великій Преобразователь. И послѣ Петра до послѣдняго времени все знали, что расколу не нравятся между прочимъ и многія гражданскія учрежденія и порядки. И если писатели прежняго времени не останавливались *особенно* на этой сторонѣ раскола, то не потому, чтобы не замѣчали ея, а просто потому, что причиной нерасположенія раскольниковъ къ свѣтской власти и ея учрежденіямъ считали религиозные принципы раскольниковъ, которые прежде всего и старались опровергнуть. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ г. Шаповъ (*). Въ брошюрѣ: „Земство и расколъ“ мы видимъ уже совершенно другое. Здѣсь нѣтъ уже длинныхъ разсужденій о мертво-обрядовомъ направленіи религиозной жизни большинства нашихъ предковъ, о суевѣрной привязанности ихъ къ одной внѣшней буквѣ, о мистико-апокалипсическихъ воззрѣніяхъ раскольниковъ не только на разнаго рода церковныя исправленія, но и на гражданскія преобразованія, чѣмъ объясняютъ появленіе и распространеніе раскола г. Шаповъ въ своемъ первомъ трудѣ. Тутъ совершенно другая рѣчь. Религиозные принципы, преслѣдуемые раскольниками, это — ни больше, ни меньше, какъ внѣшняя оболочка раскола, которою онъ прикрываетъ совершенно другія цѣли, неимѣющія никакого отношенія къ вѣрѣ и церкви. Догматы и обряды, защищаемые раскольниками, это — только личина, подъ которою они скрываютъ чисто-политическія тенденціи. Самое убѣжденіе, будто нынѣ уже царствуетъ антихристъ, не имѣетъ для

(*). См. его „Русскій расколъ старообрядства“, 1859 г., стр. 87—132.

раскола, по мнѣнію г. Шацова, никакого жизненнаго значенія, не составляетъ главнаго мотива его жизни и дѣятельности, а есть только апокалипсическая оболочка, которую раскольники прикрываютъ свои реальныя, практическія, положительныя, непосредственно-жизненныя цѣли (стр. 89—91). Мало этого: желая доказать, что у раскола нѣтъ рѣшительно никакихъ редигіозныхъ интересовъ, г. Шаповъ говоритъ, что расколъ, сосредоточившись въ массахъ земства, и не могъ взять на себя защиты вѣры, такъ какъ „христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне болѣею частію не знали, да и знать не могли, потому что они, по словамъ египетскаго архіепископа Маркеда, какъ „люди глѣбо простыя, отъ времени Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христоръ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнію, „елико кто что умѣюще“. Притомъ самая большая часть великорусскаго народа была не что иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ выигамъ, и слѣдовательно еще менѣе могла возставать противъ мнимаго поврежденія этихъ книгъ патріархомъ Никономъ (стр. 38).

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ на расколъ г. Шацова. Что сказать объ немъ? Прежде всего то, что онъ, какъ справедливо замѣчено было въ „Сынѣ Отечества“, составляетъ въ литературѣ *новость*. Во вторыхъ, намъ кажется, что г. Шаповъ, смотря такъ на расколъ, впалъ въ преувеличеніе и за тѣмъ въ ошибку. Постараемся

доказать последнюю мысль. Первая не требует подтверждения.

Никто, надѣмся, не будетъ спорить, что для того, чтобы узнать, какіе интересы преслѣдуетъ расколъ, всего лучше обратиться къ сочиненіямъ самихъ раскольниковъ и послушать, что сами они говорятъ о своемъ дѣлѣ. Мысль, будто въ сочиненіяхъ раскольническихъ нельзя найти полной правды, потому что писатели ихъ боялись высказывать свои задушевные желанія, опасаясь преслѣдованій правительства, не имѣетъ для себя никакой опоры. Если раскольники не затруднялись и устно и письменно величать напр. власть антихристомъ и за это жертвовали иногда спиною и головою, то еще меньше они могли стѣсняться высказывать свои менѣе санатичныя стремленія, хотя бы эти стремленія выражали недовольство земства абсолютизмомъ власти, нарушавшей древнія права и преимущества народа. Раскольники очень хорошо знали, что и за одно двуперстіе, такъ же, какъ за неповиновеніе власти, можно было въ былыя времена попасть въ Сибирь или Рогервикъ, и даже испытать удовольствіе отъ батога, кнута, плетей и проч. Значитъ, скрываться и лицемерить имъ не было побужденій и расчета. Что же представляетъ намъ литература раскольническая касательно кѣлей, преслѣдуемыхъ расколомъ? Что собственно заставляетъ раскольниковъ удалиться отъ церкви и православнаго общества и жить своею отдѣльною, самостоятельною жизнью? Въ этомъ случаѣ мы рѣшительно затрудняемся въ выборѣ сочиненій раскольническихъ для рѣшенія указанныхъ вопросовъ, — затрудняемся не многочисленностію этихъ сочиненій, а одинаковостію ихъ содержанія, тождественностію причинъ, которыя указы-

ваются во всѣхъ ихъ для объясненія того, почему раскольники составляютъ въ церкви и государствѣ *status in statu*. Прочитайте любое сочиненіе раскольническое второй половины и конца XVII вѣка, и вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ горькихъ, слезныхъ жадобъ на то, что Никонъ повредилъ древнюю, правую вѣру, что русская церковь впала въ ереси, что принадлежать къ ней нынѣ значитъ подвергать опасности вѣчное спасеніе, что всякій, кто дорожитъ царствомъ небеснымъ, долженъ оставить церковь и ея послѣдователей, бѣжать въ пустыни и тамъ устроить свое спасеніе, а въ случаѣ нужды, въ случаѣ преслѣдованій со стороны еретиковъ, даже сожигаться. А что все это были не фразы, а искреннія убѣжденія, которымъ масса, народъ вѣрилъ со всею искренностію простой, довѣрчивой души, на это, къ сожалѣнію, существуютъ самыя неотразимыя доказательства. Вотъ на Тирмени (въ Сибири) является расколоучитель чернецъ Іосифъ, и совращаетъ въ расколъ тамошняго попа, по имени Дометіана. Этотъ послѣдній начинаетъ проповѣдывать окрестнымъ поселянамъ, чтобы всѣ они оставляли церкви и дома свои и бѣжали къ нему въ пустыню: потому что настало уже царство антихриста и скоро будетъ второе пришествіе Христова. Народъ вѣритъ словамъ Дометіана, оставляетъ свои жилища и имущества, толпами спѣшить на зовъ новаго учителя и, по слову его, въ числѣ 1700 человекъ, сожигается, чтобы избѣжать мукъ антихриста и сдѣлаться мучениками за вѣру. Подобныя явленія, а ихъ было много, лучше всякихъ разсужденій доказываютъ, что дѣйствительно, спасая свои души отъ мнимыхъ ересей и вѣчной гибели, защищая древнюю правую вѣру, а не что либо другое, на-

речь оставила царевъ и уклонилась въ расколь, бросивъ свои книгица и бѣжать въ пустыню. Впрочемъ и г. Щаповъ, считая у раскола религіозный элементъ, объявляетъ, что на первомъ порахъ расколъ въ лицѣ великорусскихъ московскихъ протопоповъ и поповъ возставалъ противъ греко-киевского исправленія старыхъ великорусскихъ книгъ и противъ суроваго строгата патріаршества Никона (стр. 30). Но это, по словамъ г. Щапова, продолжалось недолго. Скоро, проникнувъ въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись помимо поповъ, безъ поповъ, толкомъ гражданиковъ народныхъ, безпоповщиной (стр. 33—4), расколъ отдалъ ученью, толкомъ, соглашенью земскихъ, народныхъ (стр. 32) и, оставивъ въ стороне вопросы вѣры, взялъ на себя одно земское дѣло и сталъ его продолжать, развивать помимо дѣла государева (стр. 30). Г. Щаповъ не указываетъ опредѣленнаго времени, когда расколъ получилъ такое новое направление. Судя, впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ (стр. 70), можно думать, что, по мнѣнію г. Щапова, расколъ принялъ гражданское, политическое направленіе въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, со временъ Петра (1). Обратившись къ сочиненіямъ раскольническихъ этого времени и посмотримъ, то ли говорятъ они. Вотъ прелевъ. Пятиримъ спрашиваетъ, чрезъ посланіе, раскольниковъ нижегородской губерніи, что заставляеть ихъ удалиться отъ церкви, и пребывать въ расколѣ (*). Въ отвѣтахъ своихъ раскольники доказываютъ и разви-

(1) Въ первомъ своемъ трудѣ г. Щаповъ говоритъ, что расколъ получилъ „чисто народно-гражданскій характеръ“ еще въ царствование Алексѣя Михайловича (Русск. раск. старообр. стр. 91).

(*) Раскольничья дѣла... т. I, стр. 624.

вали только одну мысль, что церковь этого мистика „новшества“, которая смущает советъ раскольниковъ и не позволяетъ имъ признать церковь православную. На вопросъ: „чего ради съ восточною церковью вы нынѣ согласія и соединенія не имѣете въ тайнствахъ и въ догматахъ ея“, раскольники отвѣчали: «согласія и соединенія не имѣемъ съ *новопреданными* догматахъ и чинѣхъ и обычаяхъ, имѣ видныя съ *мозолечинныя* *книга* *сверха* съ *ароматными* *свещами*...». Впрочемъ это — отвѣтъ на заданную тему, следовательно въ немъ раскольники могли не высказать всего, что знали мало ихъ, а отвѣчали только, приспособившись къ мысли вопроса. Но вотъ нижегородскіе же раскольники сами пишутъ Питириму вопросы — съ цѣлію показать, что собственно удерживаетъ ихъ въ расколѣ. И въ этихъ вопросахъ опять нѣтъ ничего другаго, кроме указанія нововведеній, странностей, противорѣчій въ новыхъ церковныхъ книгахъ и въ образѣ дѣйствій православной церкви (1), которая смущала советъ раскольниковъ. Впрочемъ отвѣты и вопросы, на которые мы ссылаемся, касаются собственно *положины*, которая, замѣтимъ однакоже здѣсь, существуетъ и нынѣ, и притомъ въ размѣрахъ почти наименьшихъ безпоповщины, и которую однакожъ г. Шаповъ почему-то совершенно упустилъ изъ вида, рассуждая о расколѣ, о его гражданскихъ демократическихъ стремленіяхъ. Какія же требованія предъявляла въ это время безпоповщина, которая собственно, по мнѣнію г. Шапова, и преслѣдуетъ гражданскія цѣли и интересы земства? Къ ея мнѣнію г. Шапова, мы должны сказать, что и безпо-

(1) Описание расколы. соч. А. Б. Ч. II, стр. 146.

неодинако смотрѣлъ на причины своего отъѣздки отъ грѣбни и православнаго общества съ той же самой релігіозной точки зрѣнія, какъ и поповщина, съ тѣмъ однимъ различіемъ, что тогда, какъ поповщина видѣла въ расколѣхъ перагивалъ, допущенныхъ церковно, непозволительныя и тишины для свѣдѣн «новшества», безпопощи смотрѣлъ на все это, какъ на заблужденія, на ереси. Въ 1722 году въ Поморье — въ Выговскій скитъ посланъ былъ Святѣйшимъ Синодомъ іеромонахъ Неофитъ для утѣщенія расколѣнниковъ. Неофитъ, какъ иавѣстко, послалъ Выговцамъ 106 вопросовъ, на которые требовалъ отъ нихъ отвѣта. И вотъ что писали Выговцы въ предисловіи къ своимъ отвѣтамъ: *чии не въ оныхъ, но въ древлепреданныхъ церковныхъ уставныхъ пребываемъ: и чесо ради въ тѣхъ пребиваемъ и съ книжамъ наипредѣжъ отъплство сіе творимъ.* понеже въ великороссіи до Никона патріарха царьковъ бѣ святаго афотствовакая православно-каволическая: иже содержанная благочестно отъ всероссійскихъ православныхъ и чудотворныхъ архіереевъ: иже заведательствованная и похваленная отъ восточныхъ патріарховъ: иже свѣтаго украшенная и достовѣрствуемая отъ многочюдотворныхъ всероссійскихъ чудотворцевъ: иже снѣмъ Богомъ: снѣмъ пребезчсленными знаменіи и чудеса обиагодитствованная и прославленная. Егда же отъ Никона патріарха и прочихъ по немъ премѣнишася, припокипшася и отложипшася древлецерковная много содержанія: еже о крестномъ персты знаменѣваніи, еже о печатѣваніи креста на пресеокрахъ, еже о аллилуіа, еже во многокъ чинѣхъ и словословіхъ и тайнодѣятельныхъ церковныхъ, еже старопечатныхъ книги отложипшася, еже съ истокими шлѣтвми нововводства

удрѣнилася, емо съ гонимыхъ и крѣпостствомъ на древлеправославное содержаніе тая премоудрѣнася. Тогда иже древлеправославныя перше содержанія неостесниа; иже въ довопреданіяхъ иконовоыхъ воздѣлаша: священныи списоукъ Повесть Коломенскій, и премоудрыи Соловецкіи обители священныи отцы, и прочіи многочисленныи священнаго и инокеснаго и мирскаго чина: аще и гоненія, оземствованія, бѣганія, смерти претерпѣша, но въ древлеправославныи церкви угавахъ сеоблюдахуся, отгуду пустыни и свѣты и неоселенныи мѣста древлеправославныи церкви: во старопечитныи книгамъ славословіе Богу приноситъ: отгуду прародителей и отецъ богопросвященное благочестіе отделебнѣи дѣти россійскіи и въ нуждахъ сохраниють: отгуду и мы древлеправославныи церкви осталии, отъ православныхъ прароцель и оцель родившіися и научившіися, православныхъ древнихъ архіереевъ и прочіихъ священныхъ отецъ и свѣтыхъ россійскихъ чудотворецъ святое и богопросвященное благочестіе по старопечатнымъ книгамъ соблюдаютъ. Не возныи какия затѣхомъ, не догматы своеосмысленныи новонисоздохъ, не за своесвольная преданія утверждаемъ: но готовымъ древлеправославныи церкви преданія содержимъ, во готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу иривошамъ: еше естъ въ готовій древлеправославній церкви пребываемъ, по божественному Златоусту: церковь естъ нестѣныи и покровъ, не вѣра и житіе; нестѣныи церковныи, но задоныи церковныи. Но чоего же ради таша въ древлеправославныи церкви уставыи утверждаемъ быти, еде славы ради мира сего; не ошаченное отъ еданныхъ мира сего в чести и славы мира сего немущее сиротское житіе живемъ: замученики ради божь

ство; но ублаженность и милость ради хранения древлеправославныхъ обрядовъ: лицевъ ли ради на земли; лицевъ въ тѣхъ пребываетъ, усердствуемъ; но въ нужныхъ востынныхъ лѣтствѣхъ, нужное богородное житіе; ширинце, ома, додѣломъ и ширини ненадемо. Тѣмъ же дню ради древлеправославныя цркви уставы соблюдаемъ, да вѣчно спасеніе душамъ своимъ получимъ; того ради въ святоотеческихъ преданіяхъ утверждаемъ, да вѣчнаго дѣла участія насъ надемъ; того ради древлецерковныя уставы нарушить не можемъ, да подѣ церковныя заповѣди не надѣдемъ. Но яже святѣхъ въ тѣхъ древлецерковныхъ уставѣхъ, знаменующе: двѣмъ перстомъ, Богу угодиша; тако и мы знаменуемъ двѣмъ перстомъ, въ тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ, желаемъ и мышамъ угодити Богу. И яже ома на древлецерковныхъ святыхъ книгъ спасеніе получима; тако и мы по тѣмъ святыхъ книгъ просимъ отъ Господа милости спасеніе получить. И яже древлеправославныя рессіе, и градѣ и прашныя вещи, и святѣхъ россійскѣхъ мѣстотворимъ, въ тѣхъ древлецерковныхъ уставѣхъ пребывающе, по старопечатнымъ видамъ Богу служаща, пребываху въ святѣхъ прешеславныхъ вѣдѣлчестѣхъ цркви; тако и мы, въ томъ древлецерковномъ святоотеческомъ содержаніи пребывающе, пребываетъ надѣмся во оной святѣхъ древлеправославныя вѣдѣлчестѣхъ цркви. Но ежели нынѣ цркви расколѣнныя неприобщаемъ, и дого ради отъ всѣхъ оудаемъ яко расколѣнныя: но понеже мы въ древлеправославныя цркви преданыхъ раскола какова не сотворимъ; но тѣхъ спасеніе соблюдаемъ и съ намъ реніемъ спасеніемъ любительнымъ въ древлецерковныя догматы пребывающе; сего ради тѣмъ расколо-

творца. А приобщеніе ильшанъ русифікаціи цѣркви оубо-
сасема, не цѣрковныхъ собраній гнушающася, не свя-
щенныя санъ отъстающе, не тайнодѣйствіе цѣрковныхъ
пенавидище, не жеванъ отъ Николюныхъ временъ но-
вовнесенныхъ опасася, древлецѣрковная заповѣда-
нія соблюдающе, подѣ древлецѣрковная загращеніа да
не подпадемъ опасасема, съ новоцоложенными клятвами
и порицаніями на древлецѣрковная содержанія согла-
ситися ужасасема, о чемъ во отвѣтъкѣ пространнѣе
засвидѣтельствовуется». Цѣль этихъ словъ, кажется,
нѣтъ нужды объяснять, какіе собственно интересы пре-
следуетъ расколъ даже безноповашинскій, релігіозныя,
или политическіе. А что приведенныя слова Выгов-
цевъ выражали ихъ искреннія убѣжденія, а не были
только личиною, подѣ которой Поморцы желали скрыть
свои задніа мысли, въ этомъ уѣвѣрнотъ насъ сама въну-
тренняя жизнь Выговской пустыни. Напрасно г. Ша-
цевъ думаетъ, что «въ существѣ Выговская пустыня
имѣла характеръ чисто-мирскаго согласія», что «обита-
тели ея житейскими житіемъ жили» (стр. 120); что
«матеріальный бытъ общины имѣлъ мирское, житейско-
хозяйственное устройство», и въ подтвержденіе своей
мысли ссылается на то, что «въ Выговской общинѣ
были особыя кельи или строенія для работныхъ людей»,
особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати»,
особая «келья чоботная швальни», особыя больницы
«немецкимъ людемъ и старымъ», особая «портальца
швальни швальни», особое помѣщеніе для мастеровыхъ
людей мѣдниковъ, что «было въ екаму конюшество, и
конюше и скотныя двори; были широчныя заводы» и
проч. (стр. 129—130). Все это правда, но все это го-
ворить только о томъ, что и людемъ, повѣтвеннымъ

себя дѣлу вѣры и спасенія, нужно жить, бѣдѣ и жить, а Выговцамъ, принимавшимъ въ свои обители всякаго, кто бѣжалъ отъ антихриста спасень души свою въ пустынь, нужно было особенно позаботиться о болѣе широкомъ устройствѣ своего хозяйства, чтобы имѣть возможность пропитывать дѣвья сотни артельцевъ. Выговца перваѣ попытани; до нѣмкихъ дурныхъ посядствій можетъ довести недостатокъ материальныхъ средствъ въ обители. Въ свѣдѣствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій перваѣ дѣло доводило до того, что постоянный лѣдъ вымерзала, сборъ скопана бывалъ до того незначительный, что, по изразличію поворота пустыни, «въ иные годы и на лѣсъ не приходило», и жители пустыни должны были изыскать лѣдбому, пригодивленнымъ изъ соломенной жужыль ржаную закваскою. И если между ними изстрѣлялись зима, поворота готовы были, по настоященію настоятелей, терпѣть голодъ и даже рѣшались «господную смерть прияти», ради вѣры и спасенія, за то было пошло и тѣмъ, которые, въ свѣдѣствіе голода, оставали смуть и расходились въ разныя стороны искать себѣ пропитанія, чрезъ что подвергались опасности попасть въ руки антихриста и изгнаны дредостотельному содержанію. Съ другой стороны, въ свѣдѣствіе недостатка диваеннаго принасебъ въ пустынь появлялись разнаго рода бѣснороди, воровство, враньѣ и вад. (1). По изысканію подобныхъ то несчастій, настоятели Выговскаго свята и рѣшили заняться устройствомъ хозяйства пустыни со всевозможнымъ усердіемъ и въ послѣдствіи времени дѣйствительно довели его до блестящаго состоянія.

(1) Истор., Выговской пуст.: изд. 1861 г. стр. 281—2, 289.

Были и еще причины, по которым Выгоицы, рѣшив-
шіеся «ради: хранивъ древнеправославнаго содержанія
на, убежденство и сиротское житіе», хлопотали о матери-
альныхъ средствахъ обители. Они знали, что анти-
христость въ лицѣ разнаго рода чиновишковъ, въ родѣ
генерала Ягужинскаго или начальнииа Петровскихъ за-
водовъ Бейлинга, при всей своей суровой экономіи,
иногда являлся и исключительнымъ, если въ его мощную
руку попадали разнаго рода «гостинцы». Были у Вы-
говцевъ и другіе экстраординарные расходы. Они по-
сылали иногда «гостинцы» даже къ Двору, нѣрвдко по
распоряженію высшей власти (*), содержали въ раз-
ныхъ городахъ, и особенно въ столицахъ, повѣрен-
ныхъ по своимъ дѣламъ, а на что также нужны были
деньги. Однимъ словомъ: матеріальное богатство Вы-
говскаго оуста являемо не говоритъ въ пользу той
мысли, будто Поморцы усвоили свою общину, и вѣли
въ виду не религіознаго цѣли, а чисто жрскія, траг-
данскія; потому что явля не исключаетъ заботъ о сред-
ствахъ къ поддержанію жизни. Что же касается внут-
ренней жизни Выговцевъ, то она тримо показывается,
что Поморцы всего болѣе заботились «о сохраненіи
древнеправославнаго содержанія» и въ этой цѣли на-
правленіи всей своей дѣла. Порядокъ домашней жизни въ
Выговцехъ снгу былъ часто *монашескимъ* (*): Въ
обыкновенные будничные дни вся братія обязана была
являться въ утреню. После утреди, принявъ благосло-
веніе отъ настоятеля, все приходило въ столовую и
здесь должны были слушать часы, а по окончаніи ихъ

(*) Тамъ же, стр. 408—9.

(*) Поэтому Поморскій толкъ называется нѣрвдко монастырскимъ.

каждый удалялся на свое келью или въ пеще для работы. Въ определенное время снова собирались все въ столовую для обѣда. На одной сторонѣ сидѣли женщины, а на другой мужчины ('). Тамъ и здѣсь на особенныхъ местахъ кто либо изъ грамотныхъ братьевъ читалъ что-либо изъ житій святыхъ, или изъ Св. Писанія. Дога дожна было длаться и въ время ужина. Во время трапезы соблюдалось строгое молчаніе. Въ праздничные дни кромѣ того между утрачено и вечерами, соединенными съ молебномъ, читалась канца либо назидательная книга. Подобное чтеніе должно было продолжаться послѣ обѣда, вечеромъ и ужина. Нынешнии въ богѣ торжественные дни совершиа братія поученія, въ которыхъ на драматическую убавляли слушателей своихъ быть твердыми: въ драматическомъ преданіи. Словомъ: Выгорская пустыня по внутренней своей снѣди представляла собой чисто раннехристианскую, съ уставами и порядками строго-монастырскаго жизни. Самыя названія должностныхъ лицъ въ снѣду прямо показываютъ, что поморны хотѣли устроить свою общину на началѣхъ религиозныхъ монастырскихъ. Тутъ были: келаря, подкеларя, благочинныя, уставники, псаломщикъ, певцы, псаломщикъ, — все такіа имена; кромѣхъ, кромѣ монастырей, не услышишь именъ. А: что поморны, уставная все по чину монастырскаго, замаскированысь, а дѣлали такъ потому, что дѣйствительно жили въ виду, оныхъ религиозныхъ именъ — содержаніе драматическаго благочестія, въ этомъ могутъ убѣдить каждаго еще слѣдующія обстоятельства. Не разъ между жителями пустыни

(') Съ тѣхъ поръ, какъ устроенъ былъ отдѣльный женскій снѣдъ, всѣ женщины жили въ немъ.

являлись лица, которые, по личным неудовольствиям на настоятельской службе, дѣлали на выговцев разнаго рода доносы правительству. Какъ всякій согласится, отъ доносовъ подобныхъ людей можно было ожидать полнаго разъясненія вѣщамъ и стремленій поморянъ. И что же мы видимъ въ этихъ доносахъ? — Обвиненія выговцевъ въ томъ, что „они живутъ въ старовѣрствѣ“ (1), что настоятели монастыря „по градамъ и по селамъ бѣдять и людей прещипаютъ ущемля своимъ и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестятъ и исповѣдуютъ и свадьбы вѣчаютъ и людей причащаютъ“ (2). Правда Круглиѣ въ доносѣ своемъ обвиняетъ выговцевъ; между прочимъ, и въ томъ, что они „Богачи молятъ за Ея Императорское Величество“, что „въ трюмбахъ и въ стихахъ, гдѣ начекалено, не поминаютъ“ (3). Но напрасно г. Щаповъ видитъ въ этомъ обвинительствѣ доказательство демократизма поморянъ (стр. 95), антагонизма ихъ противъ „Москва, и дасть учению выговцевъ: не молиться за царя, — значеніе гражданское, политическое. Выговцы не, молиться за царскую власть единственно по религиозной причинѣ — пощину; что считали эту власть неправою, архаическою, даже антихристіанскою; а потому считали дѣломъ вѣрнымъ для совѣсти помянуть ее въ своихъ молитвахъ; и особенно называть ее благопріятною, благочестивою. Не споримъ, что поморяне вдались жь отъ этого случая въ крайность, поступили попреки учении Слова Божіа и примѣру древней Церкви,

(1) История Выговской пустыни стр. 152.

(2) Тамъ же стр. 233. Раскольникы дѣла XVIII столѣтія Т. I, стр. 314—15.

(3) Ист. Выг. пустыни стр. 382—3; снес. Раскол. дѣла XVIII в. Т. I, стр. 374—381.

мелившейся за власть даже языческую. Но нужно не обращать вниманія на то обстоятельство, что власть, за которую не молились поморцы, преслѣдовала и гнала расколъ, чтобы строго судить увлеченіе выговцевъ. Правда къ поморцамъ свѣтская власть была болѣе снисходительна, чѣмъ къ другимъ раскольникамъ. Еще въ 1702 году Петръ первый, когда доложили ему, что на рѣкѣ Выгу, чрезъ которую Государь переправлялся тогда по пути изъ Архангельска на Ладожское озеро, живутъ раскольники, отвѣчалъ: „пускай живутъ, и проѣхалъ смирно, иже отецъ отечества благоутробившій“ (1). А потомъ, когда понадобились люди для работъ на вновь устроенныхъ въ олонечной губерніи заводахъ, въ Выговскомъ скиту былъ полученъ слѣдующій милостивый указъ: „слышно Его Императорскому Величеству, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ собравшіеся въ Выговской пустыни, и службу отправляютъ Богу по старопечатнымъ книгамъ, а нынѣ Его Императорскому Величеству для войны Шведской и для умноженія оружія и всякихъ воинскихъ матеріаловъ ставити два желѣзныхъ завода, и одинъ близъ ихъ Выговской пустыни и чтобы оныя въ работахъ повѣщенскимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей, и за то Императорское Величество дастъ имъ свободу жити въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправляти“ (2). Но за то и выговцы не оставались въ долгу предъ властію за такія ея къ нимъ милости. Получивъ позволеніе на безпреткновенное пребываніе въ

(1) Ист. Выг. пуст. стр. 113.

(2) Расколъ дѣла XVIII в. Т. I. стр. 288.

расколѣ, они съ готовностію согласились работать на заводахъ, и тѣмъ ясно засвидѣтельствовали, что имъ не нравилась не власть собственно и не подчиненіе власти, а вмѣшательство ея въ ихъ религіозные интересы. И вотъ когда Петръ предоставилъ имъ полную свободу въ отправленіи богослуженія, выговцы не нашли противнымъ своимъ убѣжденіямъ „быти подѣ игомъ работъ его императорскаго величества у повѣнцевыхъ заводъ“ (1), хотя въ тоже время не считали особенно нужнымъ молиться за власть, хотя и милостивую, но все-таки еретическую. Мы сказали: не считали особенно нужнымъ, и это не безъ причины. Какъ показываетъ исторія, поморцы неполнѣ были увѣрены въ справедливости своего догмата: „не молиться за царя“ и далеко не считали его основнымъ въ своемъ вѣроученіи; что утверждаетъ г. Шаповъ (стр. 34, 55, 76—7). Потому что, когда, въ слѣдствіе доноса Круглаго, назначена была въ Выговскій скитъ комиссія подъ начальствомъ Самарина, поморцы опредѣлили на совѣтѣ: „чтобы не навести на себя и другихъ напраснаго гнѣва: въ тропаряхъ и кондакахъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ, Ея Императорское Величество почитать вездѣ по высшнему обыкновенію, хотя у первыхъ вообще се просто было и не было нужды до сего времени“ (2). И замѣчательно: составляя такое опредѣленіе, выговцы сами сознались, что и „Писаніе“ не только не запрещаетъ, но напротивъ повѣлываетъ молиться за власть, и что если этого не было въ скиту прежде, то единственно потому, что „о томъ неспросилося ни отъ кого“, т. е.

(1) Ист. Выг. пуст. стр. 114.

(2) Ист. Выг. пуст. стр. 384.

ниги того не требовалъ, не вызывали къ тому обстоя-
тельства. А дальнѣйшая исторія этого нововведенія у
выговцевъ показываетъ, что они дѣйствительно по
убѣжденію, а не лицемѣрно, рѣшились молиться за ца-
ря. За эту новость раскольники дружески толковъ (Фи-
липовцы, Федосѣевцы) прозвали поморцевъ *самарянами*,
еретиками, и несмотря на все это выговцы не отказа-
лись отъ своего рѣшенія. Мало этого: въ скоромъ вре-
мени у поморцевъ появились сочиненія, въ которыхъ
многочисленными свидѣтельствами Слова Божія и св.
Отцевъ доказывается, что нужно молиться за царскую
власть, хотя бы она была и неправославная. Вотъ что
читаемъ напр. въ одномъ изъ такихъ сочиненій, подъ
названіемъ: „свидѣтельство отъ Божественнаго писанія
о царствѣ моленіи и яко всякая власть отъ Бога опре-
дѣляется“: „въ заключеніе всѣхъ дозательствъ Спа-
сителя нашего и Бога Ісуса Христа полагаю сице гла-
голющаго: воздадите убо рече яже Кесарева Кесареви
и яже Божія Богови. Толкованіе. Вшадъ, не рече да-
дите, но воздадите, долгъ бо есть рече. Воздаждъ убо
долгъ, храничъ ты князь отъ ратныхъ, житіе твое мир-
но строить, долженъ еси ему данію. Здѣ разумѣй му-
драго отвѣта Спасова, еже Кесарева Кесареви, а Бо-
жія Богови: ветокмо царю дань дадите, рече, но и
Бога молитесь за него. Доздѣ Благовѣстникъ“. А послѣ
всего сказаннаго, нѣтъ ничего удивительнаго, если по-
морцы еще въ 1722 году на вопросъ Невѣдита: почи-
тають ли они Государя Петра I-го за православнаго
царя, или—за еретика, отвѣчали, хотя довольно уклон-
чиво: „Христосъ Богъ въ священномъ Евангеліи на-
учаетъ глаголя: воздадите убо яже Кесарева, Кесареви,
и яже Божія, Богови. Сия спасительнымъ его нака-

звѣствіи и мы грубіи научаемся, яко въ богослуженіи и въ богоугожденіи надлежатъ, благомыслии таинства, церковная уставохраненія, спасительная дѣла воздавати всецѣрною Божии: тако и отъ Его вседержавціи Божіи добными поставленному и славою и честию вѣчному, всепресвѣтѣйшему державнѣйшему Императору, всемилостивѣйшему нашему Государю, должными чести и покоренія, благодаренія и всецѣрная служенія всеусердно воздавати. Сиде мы отъ апостольскаго священнаго наказанія научаемся благоумнаго: Бога бойтесе, Цари чтите... Мы аще е внесенимыи отъ Николь нововреданихъ сомнѣваемся, но не сомнѣваемся е богопоставленнѣи самодержавствіи богохранимаго и богопомощаннаго самодержца, но его боговѣччавное и богопочтенное, пресудрое и всемилостивѣйшее величество, всепресвѣтѣйшаго императора Петра великаго, отца отечества, богохранимаго самодержца, всемилостивѣйшаго нашего государя, всецѣрнѣи почитаемъ, и всеусердно прославляемъ, и всецѣрнно благодарствуемъ, и благодарствовати и почитати когда непрестанемъ, мы его государскаго благочестія не иставуемъ, но Госиода Бога за его милосердое величество молимъ, иб реченному псалмовѣца: Господи, спаси царя и услыши ны, въ оныи дѣи аще призовемъ Тя... Мы и прочія отъ Бога почтенныя всеросійскія градоправители и военачальниковъ персоны должны не судити, но чествовати и Бога за нихъ можити, яко за почтенныя отъ Бога, яко за родители и правители государства, яко за вѣрныя и добротливыя служители великому государю⁴ (1). И нужно замѣтити, что въ послѣдствіи времени, когда поморцы ввели у себя мо-

(1) Отв. 52.

леніе за царя, они всегда смыслилось въ подтвержденіе такого опредѣленія на указаннымъ слова своихъ отвѣтовъ.

Мы остановились съ особеннымъ вниманіемъ на ученіи Поморцевъ—не безъ причины. Поморье,—Витовскій сиктъ, по мнѣнію г. Щапова (стр. 23, 42 и 55), служилъ главнымъ средоточіемъ гражданскихъ, демократическихъ тенденцій раскола, хотя, какъ мы видѣли, обитатели сикта главной задачей всей своей жизни и дѣятельности поставляли только то, чтобы сохранить неизмѣнно „древлецерковное благочестіе“, и дѣлали это, по ихъ собственнымъ словамъ, „не народнаго ради смущенія или осужденія, но своего ради спасенія“ (1). Съ другой стороны Даниловцы составляютъ въ безпопоницкѣ старшій и главнѣйшій толкъ, отъ котораго со временемъ произошли другіе толки безпопоницкимъ. Слѣдовательно на ученіе поморцевъ можно и нужно смотрѣть, какъ на основное во всей безпопоницкѣ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ разностей, изъ-за которыхъ отъ нихъ отдѣлились Федосѣвцы, Филиповцы и др.

Кстати: нѣсколько словъ о раздѣленіи раскола на толки и согласія. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ взгляда г. Щапова на расколъ, стали смотрѣть на это явленіе въ расколѣ, какъ на доказательство того, что расколъ безразлично относится къ религіознымъ разногласіямъ, что слѣдовательно его занимаетъ не вѣра, а что либо другое (что именно, увидимъ послѣ). „Извѣстно, говоритъ авторъ бібліографическихъ замѣтокъ „Времени“, что расколъ съ совершенною терпимостію

(1) Поморск. отвѣт. 77.

относится къ различнымъ религиознымъ воззрѣніямъ въ своей средѣ; отсюда безчисленныя дробленія раскола на секты, толки и согласія, и еслибы въ этомъ была сила раскола, то, дробясь на мелкія части, онъ необходимо распался бы и давно бы не существовалъ⁽¹⁾. Мы думаемъ совершенно наоборотъ. По нашему мнѣнію, дѣленіе раскола на частныя толки и согласія служитъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что главные, если не единственныя, интересы свои онъ поставляетъ въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, согласимся на время, что раскольники пользуются вѣрой, только какъ средствомъ прикрыть ею свои гражданскія стремленія, что *суть*, за которую они стоятъ и ратуютъ, заключается въ политическихъ цѣляхъ. Какъ объяснить тогда это дробленіе раскола на секты, толки и мелкія согласія, дробленія, которыя, по сознанию самихъ раскольниковъ, вредятъ ихъ дѣлу, ослабляютъ ихъ силу, производятъ беспорядки, нерѣдко весьма опасныя для раскола⁽²⁾. Такъ на примѣръ случалось, что одна секта, по религиозной ненависти къ другой, являлась предъ правительствомъ доносчикомъ и открывала ему закулисныя тайны своихъ противниковъ. Еслибы, какъ думаютъ, расколъ преслѣдовалъ гражданскія права и преимущества земства, въ такомъ случаѣ, по простому здравому смыслу, ему слѣдовало бы употреблять всѣ средства къ тому, чтобы послѣдователи его жили между собою въ самомъ полномъ мирѣ и согласіи, чтобы общими силами добиваться своихъ задушевныхъ стремленій,—тогда всѣ споры о титулѣ на крестѣ, о браш-

(1) „Время“ декабрь 1862 г., стр. 84.

(2) Горькія жалобы на раздѣленіе раскола на разные толки, см. на примѣръ, у Алексѣева въ предисловіи къ книгѣ: „О тайнѣ брака“.

нахъ, покупаемыхъ на торгу и под., не имѣли бы ни смысла, ни цѣли, тогда безпрерывная и горячая литературная полемика одного толка съ другимъ была бы пустой тратой времени, которое можно бы употребить на вещи болѣе серьезныя, тогда вражда сектантовъ, простирающаяся до того, что принадлежашіе къ разнымъ толкамъ не молится; даже не вѣдутъ вмѣстѣ и ссорятся даже до драки (1), была бы необъяснимымъ явленіемъ, тогда пропаганда раскольническая, старающаяся поморца сдѣлать Бедоошевымъ, Филкиовымъ, страникомъ, и наоборотъ, была бы со стороны расколовъ учителей шуткой, которой трудно придумать и названіе... Нѣтъ; одно и единственное объясненіе дѣленій раскола на толки и согласія — то, что расколъ дѣйствительно занятъ думой о вѣрѣ и спасеніи, только эта дума, въ слѣдствіе недостатка надлежанствъ, образованныхъ руководителей, иногда впадаетъ въ мелочи и выдумываетъ вещи, о которыхъ не стоило бы и спорить, — что „древлецерковное содержаніе“ составляетъ главный предметъ его заботъ и ушей, для котораго онъ жертвуетъ и спокойствіемъ, и имуществомъ, и нередко самою жизнью. Мы не отвергаемъ того, что въ раздѣленіи раскола на толки нередко играли довольно видную роль личныя страсти предводителей разныхъ партій (*), что иногда довольно было какомунибудь

(1) Расколн. дѣла т. II, стр. 254—5.

(*) Самы раскольники самъ обладаютъ причины раздѣленія раскола на толки: „недивно есть нынѣ многимъ расколамъ повсюду разливаться, егда уже власть мірская и духовная намъ согласующая отъ нашихъ очей скрыся. Убо не у насъ (безпоповцевъ) точю таковыхъ разностей участившася многія несогласующія толки, но паче, и у васъ (поповцевъ) многія противящіяся между собою сонмы презობильствуютъ. Не суть ли убо — вѣтковцы; неимются ли диаконы; необрѣтаются ли Еписко-

стрѣльцу исполнить должности настоятеля, чтобы потомъ отдѣлиться отъ прежняго своего общества и составить свой новый толкъ, напримеръ Филипповскій. Но народъ, народъ всегда сифидовалъ за такими вожаками по религиознымъ побужденіямъ, потому, что слово своего учителя считалъ единственно вѣрнымъ и ученіе его единственно спасительнымъ. Намъ могутъ сказать, что и эти видими расколасія и раздѣленія раскольниковъ изъ-за религиозныхъ мнѣній, быть можетъ, тоже своего рода уловка, допускаемая расколкомъ съ цѣлю—закрыть отъ глазъ правительства вещи болѣе важныя. Но нужно предположить въ расколникахъ слинкомъ много іезутизма, чтобы повѣрить такому предположенію. А главное—дѣла раскольниковъ прямо и ясно свидѣтельствуютъ противъ всевозможныхъ подозрѣній ихъ искренности въ вѣрѣ. Вотъ напримеръ Θεодосій,—основатель Θεодосѣвскаго толка,—почему-то основался на словахъ титлы, написанной Пилатомъ на крестѣ Христовомъ: *Ісусъ Назаретинъ Царь Еврейскій*, и призналъ несправедливою, еретическою надпись Поморскаго толка, въ которому прежде самъ принадлежалъ: *Царь славы Ісусъ Христосъ Сынъ Божій*. Кажется, дѣло слинкомъ неважное, чтобы изъ-за него воздвигать бурю. И однакоже что мы видимъ? Изъ-за этой незначительной (и немногихъ другихъ, еще менѣе важныхъ) разницы Θεодосій отдѣляется отъ поморянъ, основываетъ свой особый толкъ, обзываетъ Даниловцевъ еретиками, пишетъ настоятелю Выговскаго скита Андрею Денисову письмо „о догматѣхъ и о титлѣ“, въ

іевымъ и пр. (Отв. на вопр. л. 458). Эти слова прямо противъ „Сына Отечества“ (1862 г. N XLIV, стр. 1066).

которым съ жаромъ защищаетъ свое ученіе и грубо поноситъ ученіе поморцевъ, и, не дождавчися отъ Денисова отвѣта на свое письмо, самъ отправляется (въ 1706 г.) съ шестью старѣйшими въ Выговскую пустынь съ рѣшительною цѣлію убѣдить выговцевъ въ истинности своего ученія; а когда попытка его оказалась безуспѣшною, Θεодосій, въ гнѣвъ на поморцевъ за ихъ еретичество, рѣшается употребить въ дѣло советъ Спасителя ученикамъ, по которому они должны были оторвать прахъ отъ ногъ своихъ, при выходѣ изъ того города или веси, гдѣ ихъ не принимали и не слушали; отойдя немного отъ обители, онъ велѣлъ своимъ спутникамъ вынуть изъ власяницъ брашна, которыми свободны ихъ гостепріимные поморцы, и отдать ихъ монастырскимъ пастухамъ съ словами: „не хотимъ принимать оныхъ отъ тѣхъ, которые не захотѣли принять проповѣди нашей“. А потомъ всѣ они разулись и, отряси пылъ съ обуви, сказали: „прежъ, пришпанный въ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство вамъ: Небуди намъ съ вами имѣти общеніе ни въ семь видѣ, ни въ будущемъ“. Ужели всѣ эти дѣйствія Θεодосія можно признать не слѣдствіемъ его искренняго убѣжденія въ правотѣ своего ученія, на которое не согласились поморцы, а просто критростію, маской, подъ которой скрывались совсѣмъ другіе мотивы? Мы не споримъ, что у Θεодосія могли быть съ поморцами и свои личные счеты, слушаніе немалой причиной его особеннаго нерасположенія къ обитателямъ Выговской пустыни. Но по крайней мѣрѣ послѣдователи Θεодосія смотрѣли на свое отдѣленіе отъ поморцевъ чисто съ религіозной точки зрѣнія. Они видѣли въ нихъ еретиковъ, и послѣдующая вражда едосѣвцевъ съ помор-

цами основывалась уже единственно на различіи ихъ ученія въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Доселѣ мы говорили объ интересахъ и стремленіяхъ раскола, какъ онъ заявлялъ ихъ въ прошломъ столѣтіи, и видѣли, что главное, преимущественное вниманіе раскола въ это время обращено было на вѣру, на древлецерковное содержаніе. Изъ-за вѣры, раскольники, какъ сами они сознавались на вопросахъ, отдѣлялись отъ православной Церкви и православнаго общества (1); изъ-за ней же они дѣлились и между собою на разные толки и согласія. Нужно ли прибавлять, что и современный намъ расколъ остается съ тѣми же взглядомъ на вещи, съ тѣми же тенденціями? Намъ удалось недавно читать постановленія раскольническихъ соборовъ разныхъ толковъ, бывшихъ въ настоящемъ столѣтіи, и мы не нашли въ нихъ ничего, кромѣ опредѣленій о разныхъ предметахъ вѣры (2). Есть правда въ числѣ опредѣленій и таія, въ которыхъ обсуждаются раскольниками разнаго рода порядки и учрежденія жизни гражданской и государственной; но и эти опредѣленія составлены чисто подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній раскольниковъ, которые осуждаютъ нѣкоторые государственныя учрежденія только какъ противныя вѣрѣ. Объ этомъ мы скажемъ ниже. Не разъ мы имѣли случай лично бесѣдовать съ раскольниками и на вопросъ: почему они чуждаются церкви и православнаго общества, всегда получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „нынѣшняя церковь впала въ ересь (3), и

(1) Раск. дѣла т. 1, стр. 560—2, 594, 603, 635; т. II, стр. 40 и др.

(2) См. объ этомъ въ Сборн. правит. свѣд. о расколѣ—Кельсина, вып. 4-й.

(3) О томъ, будто нынѣ уже царствуетъ въ ней антихристъ, раскольники опасаются говорить съ людьми незнакомыми.

всѣ принадлежащія къ ней — еретики, которые не наслѣдуютъ царствія небеснаго“. Вообще мы даже считаемъ не совсѣмъ умѣстнымъ доказывать особенно настойчиво мысль, что расколъ живетъ и дѣйствуетъ главнымъ образомъ по религіознымъ принципамъ, что древняя правая вѣра и неизмѣнное сохраненіе ея составляетъ преимущественную заботу всѣхъ его сентъ, толковъ и согласій, что мнимое уклоненіе отъ этой вѣры церкви и православнаго общества служить главнымъ препятствіемъ соединенію раскольниковъ въ одно общество правовѣрующихъ — такъ эта мысль представляется ясною всякому, кто хотя немного знакомъ съ исторіею раскола и его литературой. И утверждать противное значить, по нашему мнѣнію, или незнать раскола совершенно, или въ разсужденіи объ немъ руководствоваться заранѣе составленнымъ на него взглядомъ и подъ него подводить уже всѣ факты изъ жизни раскола, опуская одни, которые несогласны съ предзанятымъ взглядомъ, и давая *свой* смыслъ другимъ, которые не отличаются особенною опредѣленностію и отчетливостію и которые слѣдовательно можно объяснить такъ и иначе. И мы позволяемъ себѣ думать, что г. Шаповъ, знатокъ раскола по общему признанію, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ немъ поступаетъ именно такъ, какъ мы сказали, т. е. фактами исторіи и жизни раскола пользуется не для того, чтобы на основаніи ихъ составить правильное понятіе о немъ, но чтобы подтвердить ими свой заранѣе составленный взглядъ на расколъ, свою *idée fixe*, которою служить для г. Шапова «земство».

Высказывая свой взглядъ на расколъ и его стремленія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: когда мы говоримъ, что главный мотивъ жиз-

ни и дѣятельности раскола составляетъ вѣра, древне-церковное содержаніе, мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ большинство раскольниковъ, массу, тѣхъ простыхъ вѣрующихъ, которые, не отличаясь нравственно-религиознымъ развитіемъ, и вообще образованіемъ, искренно вѣрятъ, что перекреститься тремя, а не двумя перстами, или поѣсть въ постъ раньше опредѣленнаго уставомъ времени, значить согрѣшить и согрѣшить тяжко. Но, считая раскольниковъ ревнителями вѣры и древняго благочестія, мы не отвергаемъ того, что между ними было, какъ есть и въ настоящее время, немало лицъ, для которыхъ древняя вѣра служитъ только предлогомъ къ уклоненію въ расколъ и которыя ищутъ въ немъ не спасенія, а совершенно другихъ вещей. Сюда принадлежатъ нѣкоторые изъ наставниковъ раскольническихъ, которые, благодаря своей начитанности и нѣкоторой умственной развитости, очень хорошо понимаютъ несостоятельность раскола и однакоже держатся его сами и увлекаютъ другихъ далеко не по безкорыстнымъ побужденіямъ. Доказательства на это, къ сожалѣнію, можно найти въ исторіи раскола даже самаго близкаго къ намъ времени (1). Къ той же категоріи людей, только прикрывающихся расколомъ, принадлежитъ немало и тѣхъ измѣнниковъ православію, которые по разнымъ причинамъ оставляютъ церковь и переходятъ въ расколъ. Много существуетъ разныхъ причинъ, которыя иногда заставляютъ православныхъ дѣлаться раскольниками. Одни оставляютъ православное общество потому, что въ расколѣ можно крошить съ большимъ довольствомъ при меньшемъ трудѣ, другіе

(1) Душенов. Читаніе 1863 г. декабр. стр. 125—6

бегутъ въ расколъ, чтобы скрыться въ этой темной массѣ и избѣжать заслуженныхъ отъ власти наказаній. Многихъ соблазняетъ обаяніе чести и власти, такъ какъ, при умѣнной вѣсти дѣла, въ расколѣ вслѣдствію, маломальски бывалому человеку легко можно сдѣлаться передовикомъ, стать во главѣ массы и управлять ею. Всѣхъ подобныхъ людей имъ неизлучася изъ раскола, понимая его какъ одну религіозную общину, раздѣленную только на множество частныхъ кружковъ, толковъ и соборіей. Такие люди—изва раскола; они-то и были причиною того, что въ расколѣ стали изводить множество самыхъ унизительныхъ обвиненій, что его стали подозревать въ преслѣдованіи другихъ, нерелигіозныхъ цѣлей. И сами раскольники, принимая въ свое общество подобныхъ пователей приключеній, нерѣдко послѣ тяготятся ими и, если не выдаютъ ихъ власти, то единственно потому, что за укрывательство ихъ (прежнее) пришлось бы отвѣчать, а главное изъ опасенія, чтобы отверженные расколѣмъ—они не явились предъ правительствомъ клеветниками на раскольниковъ и не выдали ихъ за кулисы дѣла, которую раскольники, по причинамъ каждому понятнымъ, всячески стараются скрывать отъ православнои власти. Раскольники очень хорошо знаютъ, какъ напр. хленотъ стоило Выговской пустыни изгнаніе изъ ней Ивана Круглаго, и терять у себя подобныхъ же артистовъ изъ боязни, а въ случаѣ изгнанія ихъ, навѣсть на себя бѣду.

Впрочемъ, сдѣлавъ означенную оговорку, мы еще не рѣшаемъ окончательно всѣхъ недоумѣній, какія могутъ возникнуть у читателя нашихъ замѣтокъ. Высказывая мысль, что расколъ имѣетъ и движется религіозными стремленіями, мы встрѣчаемся съ слѣдующаго

рода недоумьями: во первыхъ, какимъ образомъ нашъ простой, малоразвитый и въ умственномъ и въ нравственномъ и въ религиозномъ отношеніи, народъ можетъ взять на себя защиту *ереси*, когда онъ самъ почти ничего не смыслитъ въ ней, когда притомъ по самой натурѣ своей практичной, склонной къ реализму, къ положительности, онъ едва ли даже способенъ къ обсужденію отвлеченныхъ, трудно умовимыхъ для малообразованнаго человѣка религиозныхъ вопросовъ (стр. 32 и 90)? Во вторыхъ: если расколъ отделился и отдѣляется отъ церкви и православнаго общества въ свѣдѣніе религиознаго разногласія съ ними, то какъ объяснить то явленіе, что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ власть церковная не можетъ примирить съ собою отпаднявшихъ отъ церкви членовъ, несмотря на то, что въправильность обрядовъ, содержащихся раскольниками, доказавъ ей и, повидимому, удовлетворительно? Въ третьихъ: какъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что съ открытіемъ даже еднновѣрія; въ которомъ дозволены всѣ защищаемыя раскольниками обрядовыя разности, раскольники не переходятъ на сторону чадъ, послушныхъ церкви, а остаются раскольниками? Наконецъ въ четвертыхъ: если расколъ преслѣдуетъ одніе религиозныя цѣли, то что же значать находящіеся въ разныхъ раскольническихъ сочиненіяхъ нападки раскольниковъ на нѣкоторые существующіе гражданскіе порядки и государственныя учрежденія? Нельзя не сознаться, что возраженія эти весьма естественны, и мы не считаемъ себя въ правѣ отказать отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія ихъ.

Прежде всего лѣтъ, несогласія съ нашимъ новымъ домъ на расколъ, какъ на религиозную общину, ука-

зываютъ на замѣтное отсутствіе въ нашемъ простомъ народѣ знанія вѣры, и въ этомъ обстоятельствѣ находятъ основаніе сомнѣваться, чтобы расколъ, сосредоточенный по преимуществу въ низшихъ классахъ нашего общества, въ состояніи былъ взять на себя защиту древней вѣры, многоповрежденной Никеемъ. Было бы странно оспаривать мысль, что народъ былъ крайне недалекъ въ религиозномъ отношеніи. Мы вполне согласны, что большинству, массахъ, даже въ настоящее время, не говоримъ о XVII и XVIII столѣтіяхъ; почти неизвѣстны многія теоретическія истины вѣры, самыя существенныя въ дѣлѣ спасенія, — догматы вѣры; самыя основныя въ христіанствѣ. Самая нравственность Евангельская понимается доселѣ большинствомъ нашего простонародья какъ-то узко, исключительно, нерѣдко суевѣрно. Все это правда, только все это не можетъ служить основаніемъ для мысли, будто расколъ, составленный главнымъ образомъ изъ нашего простонародія; не въ состояніи взять на себя защиты вѣры. Во первыхъ, всякій знаетъ, что въ первую пору жизни раскола, сторонниками и защитниками его были по преимуществу лица духовныя: дьяконы, попы, протопопы, монахи, іеромонахи, архимандриты. Масса, народъ только шелъ въ слѣдъ за этими вожаками и въ рѣдкихъ случаяхъ выдѣлялъ изъ себя лицъ, которымъ были бы способны сказать или написать слово въ защиту „древняго благочестія“. А зная это обстоятельство, нетрудно уже понять, могъ ли расколъ на первыхъ порахъ взять на себя защиту вѣры. Кому же лучше и извѣстна была въ то время вѣра, защищаемая расколомъ, какъ не лицамъ духовнымъ вообще, и въ частности тѣмъ напр. пресловутымъ попамъ и протопопамъ, которые защи-

накъ исправленіемъ книгъ при патриархѣ Іосифѣ и слыши въ народѣ за философовъ многоученыхъ. Правда, какъ показываютъ сочиненія, многіе даже изъ Іосифовскихъ справщиковъ (напр. Лазарь, Никита и др.) не отличались ни вообще образованіемъ, ни въ частности образованіемъ религіознымъ, богословскимъ. Но при этомъ не нужно забывать того обстоятельства, что перемѣны, сдѣланныя Николомъ въ книгахъ, касались не догматовъ вѣры и основныхъ началъ нравственности евангельской, но — бумвъ, словъ, выраженій, частныхъ обрядовъ, церковныхъ порядковъ и дисциплинъ. А все это такія вещи, которыя могли быть подъ-виду и „доупавшему иногда на брезѣ грамматическаго разума“ уму напр. Никиты Пустосвята. Въ самомъ дѣлѣ, ужели напр. трудно было замѣтить, что что-то не такъ, когда ревнители старины читали въ новыхъ книгахъ вмѣсто: дѣтораждаешн—отроча раждаешн (¹), вмѣсто: *белше*—*былѣ еси* (²), вмѣсто: отнуду или отъонуду — отнюдъ (³), вмѣсто: израиль — исраиль (⁴) и под. А подобными обличеніями и мановены всѣ первоначальныя раскольническія сочиненія, извѣстныя подъ именемъ челобитныхъ. Правда и предметы подобныхъ обличеній могли быть доступны только людямъ грамотнымъ, или по крайней мѣрѣ внимательно слушающимъ церковное богослуженіе и чрезъ то изучившимъ текстъ древнихъ богослужебныхъ книгъ; но не нужно забывать, что въ числѣ перемѣнъ, сдѣланныхъ Николомъ, было немало и такихъ, которыя могли быть замѣчены людьми и грамотными и неграмотными, самыми „простоными“ по-

(¹) Жезл. обл. 12.

(²) Челоб. черца Савватія, изд. Команчикова, 1862 г. стр. 24—25.

(³) Тамъ же стр. 33.

(⁴) Тамъ же стр. 37.

селянами, и — могли возбудить недовольство и протестъ во всѣхъ. Къ числу такихъ перемѣнъ прежде всего относится замѣна двуперстія троеперстіемъ для крестнаго знаменія. Сюда же относится введеніе тѣгубой адилуіа вмѣсто сугубой, противопосолоннаго хожденія вмѣсто посолоннаго, четвероконечнаго креста вмѣсто осьмиконечнаго и под. Едва ли кто будетъ оспаривать, что всѣ эти перемѣны легко и немедленно могли быть замѣчаны всѣми, начиная съ „честныхъ и благородныхъ персонъ и фамильныхъ и славныхъ лицъ“ и кончая „людьми вѣло простыми“. Не споримъ, что между современниками Никона, какъ и между раскольниками настоящаго времени, могло быть большое множество лицъ, которыя не въ состояніи были представить теоретическія, научныя основанія и противъ указанныхъ нами перемѣнъ; но не нужно забывать, что простой народъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ люди ученые; онъ не особенно и нуждается въ отвѣденныхъ доказательствахъ той или другой истины, а смотритъ больше на опытъ, на жизнь, на обычай, на практику, и здѣсь старается найти разъясненіе своимъ недоумѣніямъ. А практика церкви временъ предшественника Никонова и жизнь религиозно-обрядовая вѣрующаго той поры говорили рѣшительно противъ Никона. И вотъ, не умѣя представить книжныхъ доказательствъ въ пользу „древняго благочестія“, раскольники-престецы стали защищать „древлецерковное содержаніе“ жизни, обычаемъ, прежнею практикою церкви, — и явилось неизмѣнно существующее доселѣ въ расколѣ выраженіе: „такъ было въ старину“, — выраженіе, нужно сознаться, имѣющее все свое значеніе въ рѣшеніи обрядовыхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ расколъ въ первую пору своей жизни имѣлъ довольное число послѣдователей, которые въ состояніи были защищать его „догматы“, состоявшіе главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ изъ незначительныхъ обрядовъ и церковныхъ чиновъ, отмѣненныхъ Никономъ. Что же касается послѣдующей жизни раскола, то и въ прошломъ и въ настоящемъ столѣтіи между равнителями старины было и есть не мало людей, которые могутъ заправлять массами, возставшими изъ-за вѣры противъ церкви. Во первыхъ, кто видалъ расколъ лицомъ къ лицу, тотъ знаетъ, что какъ въ концѣ XVII столѣтія, такъ и въ настоящее время, основные, существенные „догматы“ его состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ обрядовыхъ разностей, изъ-за которыхъ ратовали противъ церкви Аввакумъ, Лазарь и подобные имъ вожди раскола. Старыя книги, двуперстіе, трисоставный крестъ и проч. — вотъ что дорого и свято по преимуществу для большинства и современныхъ намъ раскольниковъ. А все это такія простыя и наглядныя вещи, что понимать ихъ можетъ самая неравнвая голова. Правда въ прошломъ и особенно въ настоящемъ столѣтіи явились въ расколѣ, особенно въ безпоповщинѣ, мнѣнія болѣе отвлеченныя и высокія, — стали попадаться въ сочиненіяхъ раскольническихъ обвиненія на церковь, касающіяся истинъ теоретическихъ, догматовъ вѣры въ собственномъ смыслѣ слова. Но зато нужда выработала въ расколѣ и лицъ, способныхъ развивать, доказывать и защищать новыя положенія раскола. Одинъ „каталогъ писателей старовѣрческой церкви“ Павла Любопытнаго можетъ убѣдить каждаго, что по мѣрѣ того, какъ православные писали *противъ* раскола, являлись и въ немаломъ числѣ защитни-

ки его, — люди не рѣдко замѣчательныхъ дарованій и самаго обширнаго знакомства съ нашими древностями, сочиненія которыхъ доселѣ служатъ для раскольниковъ символическими книгами, а для православныхъ предметомъ опроверженій, иногда даже не совсѣмъ удовлетворительныхъ. Мало этого: въ слѣдствіе ли необходимости давать отвѣтъ всякому вопрошающему объ исповѣданіи, котораго держатся раскольники, или потому, что расколъ живетъ своею, отдѣльною, болѣе свободою отъ всякаго рода официальныхъ регламентацій жизнью, только въ немъ грамотность всегда была развита больше, чѣмъ между православными того же полѣта. По увѣренію знатоковъ дѣла, даже въ прошломъ столѣтіи въ слѣдственныхъ дѣлахъ раскольниковъ всегда почти можно найти ихъ собственноручныя подписи, тогда какъ православные, бывшіе при этомъ свидѣтелями или доносчиками, ограничивались только черченіемъ креста, или приложеніемъ къ бумагѣ пальцевъ руки. И въ настоящее время если взять двухъ лицъ одинаковаго сословія, напр. крестьянъ, изъ которыхъ одно принадлежитъ къ церкви, а другое — къ расколу, и спросить ихъ о вѣрѣ, то непременно окажется знанія дѣла больше въ раскольникѣ, чѣмъ въ православномъ. Это вообще можно сказать о массѣ. Что же касается отдѣльныхъ личностей, то въ расколѣ между простолюдниками можно иногда встрѣтить такихъ знатоковъ „древняго благочестія“, которые не рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ даже съ православными миссіонерами, нарочито подготовленными къ борьбѣ съ расколомъ. И если случается иногда, что раскольникъ, призванный на увѣщаніе къ мѣстному священнику, или въ консисторію, на всѣ вопросы увѣщателей отвѣ-

часть краснорѣчивымъ молчаніемъ, это еще не значитъ того, чтобы онъ не умѣлъ сказать слова въ защиту своего „древняго содержанія“, а просто выражаетъ только неохоту увѣщаемаго вступать въ споръ о такихъ предметахъ, которые, по его мнѣнію, не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ, а не рѣдко даже означаетъ глубокое презрѣніе раскольника къ увѣщателямъ за ихъ „льстивыя, еретическія рѣчи“.

Въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что расколь не знаетъ вѣры и слѣдовательно не можетъ и защищать ея, и, если отдѣляется отъ церкви, то не изъ-за разногласій религиозныхъ съ нею, а по другимъ, гражданскимъ причинамъ, г. Шаповъ указываетъ на то, что нѣкоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо сознавались: „прямаго-де христіанскаго ученія, какъ проповѣдуетъ восточная Церковь, и отъ рожденія своего они не слышали“ (стр. 38). Правда въ первомъ томѣ „Раскольниковыхъ дѣлъ“ г. Есипова указано два раскольника, которые говорили на допросѣ, что они отъ рожденія не слышали христіанскаго ученія, проповѣдуемаго восточною церковію (1). Но г. Шаповъ крайне погрѣшилъ противъ научнаго безпристрастія, когда привелъ выше указанныя слова въ подтвержденіе той своей мысли, что расколь, какъ сосредоточенный по преимуществу *въ крестьянствѣ*, никогда не зналъ, да и не могъ знать, а слѣдовательно и защищать, вѣры. Указанныя выше слова значатъ совсѣмъ другое. Ларионовъ Захаровъ Бедринскій и Калина Михайловъ говорили на допросѣ, что не знаютъ и отъ рожденія не слышали прямаго христіанскаго ученія, какъ исповѣдуетъ

(1) Раск. дѣла, т. I, стр. 97 и 100.

его восточная Церковь, выражая этимъ не то, будто съ прямымъ христіанскимъ ученіемъ не былъ знакомъ вообще нашъ народъ великорусскій, а то, что они, какъ *воспитанные въ расколъ съ малолѣтства*; не знали и даже не слыхали *православнаго* ученія, а были знакомы только съ ученіемъ раскола, да и то не со всѣми его тонкостями: „А того ихъ расколу онъ, Ларіонъ, существенно не зналъ и внималъ такъ, какъ изъ малыхъ лѣтъ изучень, тому и вѣрилъ; а прямого христіанскаго ученія, какъ исповѣдуетъ святая восточная соборная Церковь, онъ и отъ рожденія своего не слыхалъ, для того, что и грамотѣ учился онъ при отцѣ своемъ, будучи въ томъ расколѣ“,—вотъ подлинныя слова допроса Ларіона Бедринскаго, и они показываютъ только, что Ларіонъ не зналъ *православнаго* ученія, а не вообще христіанскаго, и не зналъ единственно потому, что еще въ малолѣтствѣ былъ совращенъ въ расколъ отцемъ, который даже грамотѣ училъ сына въ раскольничьемъ духѣ, т. е. по такимъ книгамъ, которыя знакомили учащагося только съ мнѣніями старины. Въ томъ же самомъ смыслѣ говорить о незнаніи своемъ прямого христіанскаго ученія и другой раскольникъ, Калина Михайловъ. Но изъ того, что два раскольника XVIII столѣтія, наученные расколу еще съ малолѣтства, не знали *православнаго* ученія, что весьма естественно,—слѣдуетъ ли заключать, что и вообще нашъ великорусскій народъ—крестьяне не знали „христіанства по грекороссійскимъ церковнымъ книгамъ“,—не знали не только со времени появленія раскола, но и до раскола? Намъ кажется, что заключенія подобнаго рода сильно страдаютъ недостаткомъ логики и могутъ *быть доволены только* въ томъ случаѣ, когда несправедливую мысль

приходится защищать недужими къ дѣлу доказательствами. Да, приходится повторить, что г. Шаповъ не съ должнымъ уваженіемъ обращается съ историческими данными и часто, очень часто своему предзанятому, правда довольно оригинальному, только неполнѣ справедливому, взгляду на расколъ жертвуетъ исторической правдой. Какъ увлеченіе, подобное явленіе понятно; но есть основаніе думать, что авторъ „Земства и раскола“ иногда сознательно, намѣренно, хладнокровно извращаетъ свидѣтельства и факты исторіи и даетъ имъ свой, нужный для него, смыслъ. Однимъ изъ такихъ основанийъ могутъ служить разобранныя нами сей часъ слова раскольниковъ. Не понять надлежащаго смысла этихъ словъ нельзя. Но такъ какъ этотъ смыслъ не подходилъ ко взгляду на расколъ г. Шапова, то авторъ „Земства и раскола“ рѣшился употребить раскольничій приёмъ въ доказательствахъ, т. е. привелъ слова раскольниковъ неполнѣ, а съ пропускомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя даютъ настоящій смыслъ показаніямъ раскольниковъ, и чтобы скрыть отъ читателя свою продѣлку, г. Шаповъ не указалъ и книги, изъ которой взялъ слова раскольниковъ;—вѣрь-де читатель на слово. Кстати: мы не находимъ особенно похвальнымъ дѣломъ—манеру автора „Земства и раскола“—не дѣлать указаній на книги и рукописи, изъ которыхъ онъ заимствуетъ тѣ или другія свидѣтельства въ пользу своихъ мыслей. Взглядъ на расколъ г. Шапова до того новъ и оригиналенъ, а между тѣмъ свѣдѣній о расколѣ и его произведеніяхъ литературныхъ въ обществѣ еще такъ мало, что у иного читателя невольно можетъ возникнуть недовѣріе къ высказаннымъ авторомъ „Земства“ истинамъ и вмѣстѣ желаніе повѣрить факты и свидѣтельства исторіи, на

которыя онъ основываетъ свои положенія. Но при отсутствіи въ произведеніяхъ г. Шапова указаній на источники привести это желаніе въ исполненіе, разумеется, не всякій можетъ.

Такимъ образомъ мысль, будто расколъ, сосредоточенный по преимуществу въ простонародьи, не можетъ даже преслѣдовать религіозныхъ цѣлей, потому что самъ не знаетъ вѣры, оказывается рѣшительно несправедливою. Расколъ не знаетъ и не изучаетъ нашихъ догматикъ, но ему хорошо знакомы „древнія богодухновенныя книги“, въ родѣ большаго и малаго патихизисовъ, книги о вѣрѣ, книги Кириловой, Маргарита, Стоглава и множества другихъ, которыхъ и достаточно для того, чтобы защищать ими содержимыя раскольниками обрядовыя разности. Здѣсь же находятъ расколъ основанія и для обвиненій, взводимыхъ имъ на Церковь православную, будто бы уклонившюся въ латинство и сдѣлавшюся чрезъ это вмѣстилищемъ всѣхъ возможныхъ ересей. Наконецъ нельзя забывать и того, что на народъ, на массу гораздо сильнѣе дѣйствуютъ живые примѣры религіозныхъ, какъ и всякихъ другихъ, убѣжденій, чѣмъ теоретическія доказательства ихъ истинности, большею частію недоступныя уму малоразвитому. А такихъ примѣровъ, благодаря гоненію на расколъ, раскольники видѣли очень много, начиная съ Аввакума, пожертвовавшаго головой за свои убѣжденія, и кончая всякимъ современнымъ намъ раскольникомъ, по обстоятельствамъ подвергшимся преслѣдованію власти свѣтской, или духовной. Эти „мученики“ за вѣру были и будутъ всегда самыми лучшими учителями раскола, за которыми народъ пойдетъ съ самоотверженіемъ, хотя бы онъ и не былъ посвященъ во всѣ тайны, за которыя терпятъ его вожатаи.

Точно также намъ кажется несовсѣмъ справедливою и другая мысль г. Шапова, будто народъ нашъ, по самой природѣ своей, положительной, склонной къ реализму, не способенъ даже заниматься отвлеченными вопросами вѣры, а скорѣе все вниманіе свое сосредоточиваетъ на дѣлахъ житейскихъ, на землѣ и ея вольномъ обладаніи, и что повтому и расколъ, сосредоточившійся главнымъ образомъ въ земствѣ, не могъ и не можетъ взять на себя защиты древней вѣры, а только пользуется ею для прикрытія своихъ болѣе практическихъ цѣлей. Въ подтвержденіе своей мысли о положительности, практичности натуры русскаго народа, а слѣдовательно и раскола, г. Шаповъ указываетъ, между прочимъ, на то, что такъ называемое Пастухово согласіе учитъ, напр., что нужно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: „мостовая-де каменная антихристова выдумка“ (стр. 90). Оспаривать практичность, положительность природы нашего народа мы не намѣрены, но только несогласны допустить, чтобы эти черты народнаго характера дѣляли наше земство неспособнымъ къ отвлеченно-религіознымъ вѣрованіямъ. Иначе придется допустить, что религія можетъ быть достояніемъ не всякаго народа, а только нѣкоторыхъ, избранныхъ, предназначенныхъ къ тому самою природою обществъ человѣческихъ, что напр. народы пастушескіе, или земледѣльческіе, которые всегда отличаются „естественностію своихъ воззрѣній“, по самой натурѣ своей не могутъ быть сосудами истины, принесенной на землю Христомъ Спасителемъ. Мы не споримъ, что каждый народъ въ дѣлѣ религіи можетъ имѣть свои особенности, что напр. одинъ болѣе способенъ къ усвоенію и разработкѣ теоретическихъ или догма-

теоретическихъ религиозныхъ истинъ, другой *больше* останавливается на внѣшней, обрядовой сторонѣ богослуженія. Но утверждать, чтобы былъ народъ, который бы по *своей* природѣ своей былъ неспособенъ къ усвоенію теоретическихъ, религиозныхъ вопросовъ, къ отвлеченно-религиознымъ вѣрованіямъ, значить, по нашему мнѣнію, выказывать мысль *больше*, чѣмъ смѣлую. Да и самый субъективизмъ народа въ дѣлѣ религіи—имѣетъ, по нашему мнѣнію, условное, относительное значеніе. Если напр. известное человеческое общество останавливается въ дѣлѣ вѣры на ея внѣшнихъ проявленіяхъ, на обрядѣ, богослуженіи, это еще не значить, чтобы оно по натурѣ своей и *не могло* отъ обряда перейти въ область религіознаго созерцанія и начать разработку самыхъ отвлеченныхъ религиозныхъ вопросовъ, а значить только, что условия, въ которыхъ живетъ это общество, неблагоприятны для развитія въ немъ высокихъ стремленій, что жизнь этого общества направляется окружающими обстоятельствами *больше* къ будничной работѣ, къ житейскимъ интересамъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ умственнымъ и религиознымъ вопросамъ. Измѣнись условия, стань жизнь нѣсколько въ другія болѣе широкія рамки, и это самое общество, которое прежде понимало вѣру въ смыслѣ внѣшняго, доступнаго для глаза обряда, сдѣлается способнымъ разумѣть самыя высокія истины религіи. Нѣтъ нужды говорить, что однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ условий, дающихъ тотъ или другой колеритъ религиозной жизни каждаго народа, служитъ степень его умственного развитія и образованія. Чѣмъ выше развито и образовано известное общество, тѣмъ способнѣе оно къ интересамъ религиознымъ, тѣмъ выше его взглядъ на вѣру,

тъмъ глубше пониманіе ея духа. И наоборотъ, народъ грубый, невѣжественный и самую религію понимаетъ узко, ограничивается одними виѣшними ея проявленіями и въ нихъ сосредоточиваетъ все свои религіозные интересы. Природными свойствами того или другаго народа играютъ въ этомъ случаѣ очень небольшую роль, такъ что одинъ и тотъ же народъ, смотря по степени его образованія въ разное время, можетъ быть и самымъ глубокомысленнымъ богословомъ и самымъ грубымъ, првверженнымъ къ обряду, раскольникомъ. Самое разительное доказательство нашей мысли представляетъ христіанская Греція. Посмотрите на четвертый и пятый вѣка христіанской эры, когда не только Великіе Василии, Афанасій, Григорій и другіе отцы церкви всю жизнь свою посвящали на разъясненіе себя и своихъ пасомымъ высочайшихъ, таинственнѣйшихъ догматовъ вѣры, но когда и самый народъ съ утра до вечера занимался разсужденіями о Святой Троицѣ на площадяхъ, въ пенаряхъ и др., и сравните эти золотые времена съ вѣками VIII и слѣдующими за ними, когда самые пастыри церкви больше обращали вниманіе на виѣшнія выраженія вѣры, на обряды богослуженія, на церковную дисциплину и порядокъ, — и вы убѣдитесь, что одинъ и тотъ же народъ можетъ въ разное время совершенно различно относиться къ религіи и, подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ, то возвышаться до способности проникать въ самыя высокія тайны вѣры, то понижаться до невозможности видѣть въ дѣлѣ вѣры ничего, кромѣ бузвы и обряда. Впрочемъ, и это послѣднее религіозное направленіе, которымъ искони отличалась Русь православная, не таково само въ себя, чтобы оно дѣлало народъ нашъ неспособнымъ интере-

соваться предметами вѣры, и даже отвлеченными религиозными вопросами. Это потому, что такое направление бываетъ слѣдствіемъ присутствія въ народѣ самаго глубокаго и живаго религиознаго чувства, только не освѣщеннаго надлежащимъ образованіемъ, въ слѣдствіе чего народъ, не имѣя, по недостатку образованія, болѣе высокихъ и серьезныхъ умственныхъ интересовъ, переноситъ всю силу своего религиознаго чувства на внѣшніе предметы вѣры и, несдерживаемый въ своемъ стремленіи вправо, развитою, спокойною мыслию, переходитъ въ своей привязанности къ буквѣ, къ обряду за надлежащія границы, — обрядъ начинаетъ считать догматомъ и въ перемѣнъ его готовъ видѣть перемѣну самой вѣры. Таково, къ сожалѣнію, и было отношеніе къ вѣрѣ нашего народа всегда, и въ особенности во времена ближайшія ко времени появленія нашего раскола. Этимъ-то обрядовымъ направленіемъ религиозной жизни нашихъ предковъ мы и объясняемъ происхожденіе самого раскола, какъ объясняли это явленіе и самъ г. Шаповъ въ своей книгѣ: „Русскій расколъ старообрядства“. Не споримъ, что частныхъ причинъ появленія и особенно быстрого распространенія раскола было много, но главная и основная заключалась именно въ неразумной, страстной привязанности нашихъ предковъ къ внѣшнимъ выраженіямъ вѣры, къ обряду, къ богослуженію. Гражданскія стремленія и интересы, или другіе какіе либо расчеты житейскіе, не дали бы расколу силъ такъ многимъ жертвовать въ пользу своего дѣла. Только сильное, глубокое религиозное чувство, доведенное обстоятельствами до фанатизма, могло и можетъ рѣшиться идти на крестъ за крестъ двунаерстный, или — изъ она-

сенія попасть въ руки антихристу. Присутствіемъ въ расколѣ этого чувства мы объясняемъ и безуспѣшность мѣръ правительства противъ него, и ту изумительную пропаганду раскола, противъ которой бессильною оказывается проповѣдь православная. Человѣкъ умственно развитый и слѣдовательно болѣе спокойно относящійся къ религіознымъ интересамъ, еще можетъ вступить въ сдѣлку съ своею совѣстію и благоразумно подчиниться обстоятельствамъ, итти противъ которыхъ нельзя безъ какихъ либо пожертвованій. Но чувство религіозное не знаетъ никакихъ уступокъ: ему нуженъ исходъ, и когда встрѣчается какое либо припятствіе этому исходу, оно только становится жгучѣе, порывистѣе и приобрѣтаетъ такую упругость, что внѣшняя сила можетъ сломить его, но никогда не подчинить его себѣ. Но сломленное, оно является еще болѣе могущественнымъ, благодаря перенесеннымъ страданіямъ, — является мученикомъ, за которымъ пойдутъ толпы народа, если бы даже этотъ мученикъ и далека былъ отъ пропаганды.

Такимъ образомъ мысль, будто народъ нашъ, а слѣдовательно и расколъ, сосредоточенный въ народѣ, по самой природѣ своей положительной, практичной, не способенъ къ религіознымъ интересамъ, на нашъ взглядъ, больше, чѣмъ несправедлива. Что же касается частной мысли, будто народъ нашъ не можетъ отдаваться всей душой, по крайней мѣрѣ, такимъ отвлеченнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, каково напр. мистико-апокалипсическое представленіе объ антихристѣ и др., то и эта мысль требуетъ большаго ограниченія. Мы согласны допустить, что народъ нашъ, по своей неразвитости, не въ состояніи отчетливо сознать какія либо

отвлеченныя понятія, а по своей практичности не способны жертвовать головой во имя какой либо утопии. Но нужно взять во вниманіе то обстоятельство, что мистико-апокалипсическое представленіе антихриста въ нашемъ народѣ и особенно въ расколѣ воплощено въ опредѣленные образы, и, убѣгая въ пустыни отъ антихриста, раскольники поступали такъ не въ силу мертвой, отвлеченной идеи, а въ слѣдствіе живо ощущаемаго ими нравственнаго и физическаго гнета отъ лицъ, которыя будто бы духъ злобы избралъ въ орудіе для своихъ дѣйствій въ этомъ грѣшномъ мірѣ. Патриархъ Никонъ, повелѣвшій креститься тремя перстами, вмѣсто двухъ, и чрезъ это будто бы положившій на десной рукѣ учениковъ своихъ печать, о которой говорится въ апокалипсисѣ и у святыхъ отцевъ въ приложеніи къ антихристу,—Петръ Великій, усвоившій себѣ антихристово имя: *императоръ* (вмѣсто: императоръ) и безпощадно преслѣдовавшій старину и всѣхъ, кто привязанъ былъ къ ней,—вотъ что пугало раскольниковъ и даже не раскольниковъ и заставляло ихъ бѣжать въ пустыни и лѣса. Пусть г. Щановъ прочтаетъ въ первомъ томѣ раскольниковыхъ дѣлъ статью: „Варлаамъ Левинъ“, и онъ увидитъ, какъ отвлеченное, мистико-апокалипсическое представленіе объ антихристѣ не давало покоя и сводило съ ума современниковъ Великаго Преобразователя. Тутъ дѣйствовало не воображеніе только, хотя и оно имѣло свое значеніе, но наглядные, осязательные факты жизни, которые смущали совѣсть воспитанныхъ въ старинѣ людей и дѣлали жизнь ихъ въ обществѣ, цивилизуемомъ Петромъ, тягостною, невыносимою. „Послушайте, христіане, послушайте, говорилъ Левинъ народу въ Пензѣ, много лѣтъ я служилъ въ арміи у гене-

рага-майора Гаврилы Семеновича Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... жилъ я въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня вотъ заставляли. А въ Москву прѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ... А въ Москвѣ всѣ мясо вотъ будутъ сырною недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ опшесывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остатка отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать нестануть... Бойтесь этихъ печатей, православные!.. бѣгите, скройтесь куда нибудь... послѣднее время... антихристъ пріидетъ... антихристъ" (1). Эта страстная проповѣдь Левина, какъ всякій можетъ видѣть, не сочиненіе на предвзятую, холодную, отвлеченную мысль, а живое, искреннее убѣжденіе, такъ сказать, выхваченное авторомъ изъ современной ему жизни, изъ окружавшихъ его обстоятельствъ. Оттого-то и могущественно, неотразимо дѣйствовали подобныя проповѣди на народъ православный, въ простотѣ сердца видѣвшій въ клеймахъ, привезенныхъ изъ-за моря, печать антихристову; и бѣжали: напуганные люди въ лѣса, бѣжали не съ цѣлю „искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земснаго устроенья“, какъ думаетъ г. Шаповъ (стр. 91), но чтобы скрыться отъ антихриста и въ дали отъ его козней спасти свою душу. „Вотъ книги: „Кирилла Іерусалимскаго“, „апокалипсисъ“, „Марга-

(1) Т. I, стр. 24.

рять⁴, говорилъ одинъ раскольникъ въ Керженскихъ лѣсахъ, показывая книги народу. Я шлюся на божественное писаніе. Слушайте! нынче уже въ міръ антихристъ есть и никто *души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ аримоніанамъ*; а которые нынче живутъ въ міръ, неумрутъ, и намъ тѣхъ поминать не мадо и не довлѣеть: для того, что Никонъ патріархъ нарушилъ вѣру христіанскую и нынче святости никто не обрѣтаетъ⁽¹⁾. Понятно изъ этихъ словъ, какіе мотивы двигали народомъ, бѣжавшимъ въ расколъ и въ лѣса; это—не „реальная идея крестьянскаго міра, мірскаго согласия, мірскаго схода и крестьянской общины“, какъ утверждаетъ г. Шаповъ, а живое сознаніе гибели на землѣ всякой святости и искреннее желаніе спасенія въ дали отъ міра, сдѣланнаго царствомъ антихриста. „И въ прошлыхъ годахъ, рассказывалъ уже на допросѣ въ Преображенскомъ приказѣ тотъ же раскольникъ, который проповѣдывалъ въ Керженскихъ лѣсахъ объ антихристѣ, онъ, Кузьма, и Аванасій холостые, а Иванъ (всѣ братья) съ женою, сошли въ Керженскіе лѣса и жили въ пустыняхъ, ради спасенія души своей, для того, что стало быть въ Москвѣ вѣрѣ перемѣненіе, началась святая служба неправильно, по новонаданнымъ книгамъ, литургію стали служить на пяти просфорахъ, а по требнику старой печати, при державѣ блаженными памѣти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича и всеи Россіи и при святѣйшихъ патріархахъ при Іосаѣѣ и Іосаѣѣ, служили литургію на семи просфорахъ; и въ томъ стала убавка, а въ иныхъ стала прибавка... и онъ, Кузьма,

(1) Рак. дала XVIII стол., т. I, стр. 581.

съ братьями, *решително перемѣнивъ сври, для того съ Керосенскій мѣст и соимъ*“ (1). Наконецъ не можемъ не замѣтить и того, что, зная нашу апокрифическую литературу, такъ называемыя „отреченныя книги“, трудно согласиться, чтобы нашъ практический народъ вообще неспособенъ былъ къ отреченнымъ религиознымъ вѣрованіямъ и не былъ расположенъ жертвовать этимъ вѣрованіямъ своими житейскими, матеріальными интересами. Въдъ вопросы о томъ, какъ и когда созданы Богомъ ангелы, злые духи, первые люди, видимый міръ и проч. нельзя назвать неотвѣченными, а отвѣтами своеобразными на эти и подобныя имъ вопросы переполнены, можно сказать, наши древніе сборники, которые и доселѣ ходятъ по рукамъ у нашего просто-народа. Значитъ, разрѣшеніе этихъ отреченныхъ, не-времяемыхъ къ жизни вопросовъ, интересуется нашъ людъ православный. А что народъ нашъ, несмотря на свою практичность и положительность, способенъ даже жертвовать матеріальными выгодами въ пользу своихъ религиозныхъ убѣжденій и вѣрованій, — доказательствомъ этого, кромѣ двухвѣковой страдальческой жизни раскола, могутъ служить тѣ безчисленныя и разнообразныя жертвы, которыя приносятъ нашъ православный народъ, то украшая храмы Божіи, то путешествуя по святымъ, самымъ отдаленнымъ обителямъ, то, наконецъ, питая и призирая Христа ради нищихъ, странниковъ, богомольцевъ и др. Какая бы узкая религиозная мысль ни руководила иногда нашимъ добрымъ народомъ въ указанныхъ его дѣйствіяхъ, — во всякомъ случаѣ основой ихъ служитъ дорогое, неотъемлемое свой-

(1) Расколн. дѣла, т. I, стр. 594.

ство русскаго чловѣка, — живое религіозное чувство. А вѣдь еще вопросъ: что важнѣе въ дѣлѣ вѣры, — умъ ли развитый и обогащенный богословскими познаніями, или простое, незлобивое сердце, которое нерѣдко, не сознавая ясно дѣла, *вѣруеть*, однакоже, *съ правдою* и вѣруеть такъ живо и искренно, что подѣ-часъ не затрудняется исповѣдывать свою вѣру и устами, хотя бы за это пришлось поплатиться не только имѣніемъ, но и самою жизнію, какъ дѣлали это въ бывшее время раскольники, когда за сознаніе въ своихъ убѣжденіяхъ подвергались кнуту и прочимъ атрибутамъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Такимъ образомъ мы думаемъ, что, отнимая у нашего народа способность къ религіознымъ вѣрованіямъ и интересамъ и ограничивая всѣ его наклонности и стремленія мірскими, житейскими, практическими разсчетами, г. Щаповъ или не знаетъ свойствъ русскаго народа, или просто—клеветать на него.

(Продолженіе впереди.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

(по поводу брошюры: „земство и расколъ“, А. Шапова, 1862 года.)

(Продолженіе).

Второе возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ: если, какъ мы утверждаемъ, расколъ отдѣлился и отдѣляется отъ православнаго общества въ слѣдствіе религіознаго разногласія съ нимъ, то какъ объяснить то явленіе, что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ власть церковная не можетъ примирить съ Церковію отпадшихъ отъ нея членовъ, не смотря на то, что неправильность обрядовыхъ разностей, изъ-за которыхъ раскольники не присоединяются къ Церкви, доказана ею и, по видимому, удовлетворительно? На нашъ взглядъ, возраженіе это болѣе щекотливо по своему смыслу, чѣмъ сильно по своей основательности. Постараемся рѣшить его, сохраняя полное безпристрастіе къ дѣлу.

Никто, надѣемся, не будетъ спорить, что, не смотря на различіе въ ученіи поповщины и безпоповщины, образовавшееся уже въ послѣдствіи времени въ слѣдствіе разныхъ историческихъ и случайныхъ обстоятельствъ, главное основаніе ученія той и другой секты, или раскола вообще, составляютъ и доселѣ тѣ обряды, изъ-за которыхъ возстали противъ Никона приверженцы старины; т. е. двуперстіе, седмипросфоріе, осмиконечный крестъ, хожденіе по-соловь и др. Все разли-

чіе поповщины и безпоповщины въ отношеніи къ указаннымъ предметамъ состоятъ въ томъ, что тогда, какъ одни (поповцы) троеперстіе, пятипросфоріе и др. считаютъ „новшествами“, нарушеніемъ древней истины и Церковь, усвоившую эти мнимыя нововведенія, признали неправославною, еретическою, другіе (безпоповцы) посмотрѣли на дѣло нѣсколько строже и въ указанныхъ переменнахъ обрядовыхъ нашли „знаменія“ пришествія антихристова, и, въ слѣдствіе такого суроваго взгляда, Церковь православную назвали царствомъ антихриста. До какихъ различныхъ выводовъ въ своемъ ученіи ни дошли тѣ и другіе въ послѣдствіи времени, — но всякъ случаетъ точка исхода у поповцевъ и безпоповцевъ одна: переменны, будто бы сдѣланныя Никеономъ въ указанныхъ нами обрядахъ. Вы можете отлично доказать поповцу, что состояніе христіанскаго общества безъ Епископа — неестественное состояніе, опасное для спасенія и онъ самъ признаетъ и признаетъ эту истину. Но не смотря на это, онъ все-таки не подойдетъ подъ благословеніе къ православному архиепископу — и именно потому, что тотъ благословилъ бы его не двумя перстами, а именованно. Равнымъ образомъ безпоповцы очень хорошо сознаютъ, что порядокъ церковно-религіозной жизни у нихъ не въ порядкѣ, что многого, весьма важнаго въ дѣлѣ спасенія, у нихъ нѣтъ (напр. нѣкоторыхъ таинствъ), а многое, что есть, совершается не такъ, какъ бы слѣдовало по закону, по требованію уважаемой ими старины (совершеніе крещенія, помазанія, у нѣкоторыхъ брака — мірянами). И однакожь, зная все это, безпоповецъ не рѣшится восполнить недостаткомъ собственныхъ средствъ ко спасенію полностью, благодати, находящеюся въ Церкви православной, и именно

поэтому, что пастыри этой Церкви служатъ на пяти про-
сворахъ, крестятся тремя перстами, при совершении та-
инства употребляютъ именованное благословеніе, про-
тивосоложное хожденіе и проч. Однимъ словомъ, какъ
бы кто ни смотрѣлъ на обрядовыя разности, существу-
ющія между нами и раскольниками, эти разности со-
ставляютъ главную, основную причину отдѣленія рас-
кольниковъ отъ Церкви православной. Доколѣ расколъ
ники не будутъ успокоены въ совѣсти касательно ука-
занныхъ предметовъ, дотолѣ всѣ самыя усиленныя за-
боты объ обращеніи ихъ къ Церкви останутся безус-
пѣшными. Смотра на дѣло такъ, какъ мы его изложи-
ли, мы приходимъ къ заключенію, что если расколъ-
ники доселѣ не присоединяются къ Церкви, значить, — не-
правильность обрядовъ, защищаемыхъ ими, — они счи-
таютъ еще недоказанною нами вполне и удовлетвори-
тельно. Справедливо ли это? Сколько мы знаемъ дѣло,
отвѣтъ безпристрастный на предложенный вопросъ дол-
женъ быть таковъ: церковная власть доказала, что
Церковь православная, допустившая со временъ патри-
арха Никона нѣкоторыя обрядовыя перемѣны, чрезъ
это не впала въ ереси, тѣмъ больше не сдѣлалась цар-
ствомъ антихриста; но доказано ли, что содержимыя рас-
кольниками обряды были неправильны, а тѣмъ болѣе
неправославны? — или доказано ли это вполне и окон-
чательно? Отвѣтъ нашъ нѣсколько не ясенъ, объяснимся.

Утверждать, что при патриархѣ Никонѣ не сдѣлано
никакихъ перемѣнъ въ прежней церковной практикѣ,
значило бы грѣшить противъ несомнѣнной исторической
истины. А если такъ, то на родившійся въ слѣдствіе
указанныхъ перемѣнъ у приверженцевъ прежняго по-
рядка вещей вопросъ: не сдѣлалась ли чрезъ эти пере-

мѣны Церковь еретическою или царствомъ антихриста, отвѣтъ удовлетворительный и справедливый можетъ быть одинъ: нѣтъ, потому что обрядъ не составляетъ вѣры и перемѣна его не есть вѣстѣ и перемѣна вѣры. Такой отвѣтъ на указанный вопросъ дѣйствительно и находится въ большей части противораскольническихъ сочиненій. Но этотъ отвѣтъ, правильный со стороны Церкви православной, не совсѣмъ удовлетворителенъ былъ для раскола, потому что такой отвѣтъ рождаетъ въ приверженцахъ старины другой вопросъ: если обрядъ не составляетъ вѣры и перемѣна его не вредитъ сущности вѣры, то, во первыхъ, для чего же было измѣнять прежніе обряды, существовавшіе въ церковной практикѣ цѣлыя столѣтія, и главное — для чего было запрещать эти обряды, какъ неправославные, лицамъ воспитаннымъ въ нихъ? Удовлетворительнымъ и успокоительнымъ отвѣтомъ на первый вопросъ могло служить указаніе на то, что прежніе обряды, замѣненные новыми, были неправильны или сами въ себѣ, т. е. отступали отъ прежней, болѣе давней практики церковной, или по смыслу, какой придавали имъ. Церковная власть такъ дѣйствительно и отвѣчала, но отвѣтъ все еще оказывался невольно доказательнымъ для приверженцевъ старины. Мы сказали: невольнѣ. Это значитъ, что отступление отъ древности въ некоторыхъ обрядовыхъ разностяхъ, защищаемыхъ раскольниками, напр. седмипросфоріи, сугубой аллилуіи, имени Спасителя: Ісусъ и др. доказано положительными, несомнѣнными свидѣтельствами древности. Но есть и такія разности, о которыхъ раскольники отстаютъ при своемъ мнѣніи, что древностию своею они не уступаютъ обрядамъ, введеннымъ при патріархѣ Никонѣ. Таковы напримѣръ посоловнѣ и особенно — дву-

пероте. Все, что писано доселѣ въ пользу противосо-
лонія и троеперстія, считается раскольниками или не-
убѣдительнымъ или даже невѣрнымъ (1)

Еще труднѣе представить основанія, почему такъ
строго и рѣшительно запрещено было современникамъ
Никона оставаться при прежнихъ обрядахъ, къ кото-
рымъ они привыкли, которые употреблялись въ церков-
ной практикѣ до патриарха Никона, какъ непрепятство-
вавшее спасенію вѣрующаго. А между тѣмъ эти обря-
ды признаны были церковною властію не только непра-
вильными, но даже неправославными, и лица, которые не
переставали держаться ихъ, названы отступниками. Ка-

(1) Въ пользу посолонія говорятъ древнія печатныя книги, начиная
съ патриарха Іова, и—еще раньше записанное рукописцемъ извѣстіе о
томъ, что когда въ 1478 году митрополитъ Геронтіи ходилъ при освя-
щеніи Успенскаго собора противъ солнца, въ Москвѣ возникъ ропотъ
на митрополита, „яко не по солнечному выходу ходилъ со кресты около
церкви“,—ропотъ, дошедшій до Великаго Князя Ивана Васильевича III,
который принялъ сторону недовольныхъ Геронтіемъ и цѣлые четыре
года не позволялъ митрополиту освящать новыя церкви. И хотя послѣ
Великаго Князя представлялъ митрополиту дѣлать крестные ходы на бу-
дущее время при освященіи церкви, „якоже велитъ“, какъ было въ
старину, но *устава не учинили* о спорномъ предметѣ,—знакъ, что про-
тивопосолоніе не было признано исключительно правильнымъ и обязатель-
нымъ на будущее время. А современникъ Геронтію Ростовскій владыка
Вассіанъ, позванный Иваномъ Васильевичемъ на споръ съ митрополи-
томъ, прямо защищалъ посолоніе. Тоже дѣлалъ и Чудовскій архиман-
дритъ Геннадій (Сизача), посолоніе еще въ XV вѣкѣ употреблялось. А
между тѣмъ въ пользу противосолонія указано доселѣ только на одинъ
служебникъ, писанный на Афонѣ въ XVI вѣкѣ, и на то, что въ старопе-
чатныхъ же книгахъ въ некоторыхъ случаяхъ велѣно ходить противъ
солнца.—Въ пользу дуперстія самое раннее рукописное свидѣтельство на-
ходится въ сборникѣ словъ, принадлежавшемъ митрополиту Даниилу
(1522—1539), а въ пользу троеперстія—самое раннее и то спорное сви-
дѣтельство находится въ Черъ-Минскѣ митрополита Меларія (1526—
1546). Въ первой книгѣ указывается въ пользу дуперстія свидѣтель-
ство лица XII вѣка (ок. 1157 г.), во второй свидѣтельство лица XIII
вѣка (1286 г.).

кія бы ни были причины къ такому дѣйствованію со стороны церковной власти, во всякомъ случаѣ можно было опасаться, что подобная строгость не только не принесетъ надлежащей пользы, напротивъ причинитъ положительный вредъ Церкви православной. Тамъ и случилось. Не умѣя понять, — вслѣдствіе не высокаго образованія, что частные обряды въ дѣлѣ вѣры — вещь несущественная, современники Никона въ заповѣдяхъ содержатъ прежніе обряды стали видѣть не только насиліе своей совѣсти, нарушеніе своихъ религіозныхъ преданій, но и положительную несправедливость Церкви, измѣну ея собственной прежней практикѣ, неправоословіе, еретичество. Всякій можетъ видѣть, что такой взглядъ на Церковь лицъ, признанныхъ раскольниками, несправедливъ, но едва ли кто скажетъ, что онъ неослѣдователенъ. Когда же власть церковная опредѣлила предавать упорныхъ защитниковъ старины градскому суду, и вслѣдствіе такого опредѣленія раскольниковъ стали подвергать разнаго рода наказаніямъ, — привязанность ихъ къ прежнимъ обрядамъ должна была еще болѣе усилиться, — нерасположенность ихъ къ Церкви должна была еще болѣе увеличиться. Мало этого: смѣнивая дѣйствія власти свѣтской съ дѣйствіями власти духовной, раскольники въ преслѣдованіи ихъ гражданскими мѣрами стали видѣть гоненія за вѣру со стороны самой Церкви и вслѣдствіе этого еще болѣе убѣдились въ мнимой ея несправедливости, а равно и въ неправильности самаго ученія ея о спорныхъ предметахъ, для поддержки котораго будто бы потребовалась внѣшняя помощь. „Чудо, писалъ протопопъ Аввакумъ, огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой

Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное ко апостоламъ сице: шедше въ мѣръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметь и крестится, спасенъ будетъ. Смотри слышателью: волею зоветь Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій богъ Махмедъ пишетъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити. Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны, яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же⁴ (1). Нѣтъ нужды говорить, какъ сильно подобная проповѣдь первыхъ расколуучителей могла дѣйствовать на приверженцевъ старины и какое упорное предубѣжденіе противъ Церкви и ея ученія могла она поселять въ нихъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ первымъ временамъ раскола, ко времени, ближайшему къ Московскому собору 1666—7 года, первый разъ названному защитниковъ сугубой аллилуіа, двуперстія и проч. раскольниками и опредѣлившему наказывать ихъ „не токмо церковнымъ наказаніемъ, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ (2).“ Къ сожалѣнію, взглядъ на раскольниковъ, высказанный отцами Московскаго собора, долго, очень долго былъ мѣриломъ для суда надъ расколомъ и для пастырей и пасомыхъ, обращавшихся съ своимъ словомъ къ заблуждающимъ братіямъ.

(1) Житіе протопопа Аввакума 1662 г. стр. 93—4.

(2) Исторія Русскаго Раскола, изд. 1-е, стр. 326 — 7.

Отъ того не только напр. въ *Жезль пралленія*, изданномъ отъ лица Московскаго собора, вмѣсто привѣта раскольникамъ, необходимаго всякому, съ кѣмъ хотятъ сойтись поближе, мы находимъ грозное слово обличенія, но и въ послѣ писанныхъ сочиненіяхъ противъ раскола раскольники трактуются не иначе, какъ невѣжды, съ которыми не стоитъ вести рѣчи, какъ еретики, заслуживающіе одной только анафемы, какъ злодѣи, достойные суда и казни. А содержимыя ими обрядовыя разности называются всевозможными поносными именами: аріанствомъ, несторіанствомъ, армянствомъ и пр. и пр. Мы далеки отъ мысли — строго осуждать авторовъ противораскольническихъ сочиненій за ихъ суровую рѣчь къ раскольникамъ; о прошломъ судить по настоящему довольно мудрено; тогда, быть можетъ, и трудно было говорить съ заблуждающими болѣе спокойнымъ тономъ, — тѣмъ болѣе, что и сами раскольники не слишкомъ церемонились въ своихъ отзывкахъ о Церкви православной и ея чадахъ; мы указываемъ на характеръ первыхъ противораскольническихъ сочиненій для того, чтобы объяснить, что проповѣдь православія, не смотря на всю свою истинность, могла, при такомъ направленіи полемики, не производить надлежащаго впечатлѣнія на раскольниковъ ⁽¹⁾. Въ первый разъ, сколь-

(1) Бранчивая рѣчь православныхъ полемиковъ конца XVII и первой половины XVIII столѣтій не только производила неблагопріятное впечатлѣніе на тогдашнихъ раскольниковъ, но отдаляетъ отъ Церкви и современныхъ намъ ревнителей старины. Вотъ что писали, между прочимъ, составители извѣстнаго „Окружнаго Посланія“, явившагося въ прошломъ году въ Москвѣ: „вины нашего неослѣдованія пастыремъ твои (т. е. православной) Церкви суть важныя и благословныя, понеже убо поупущеніемъ Божиимъ чрезъ Никона, бывшаго Патріарха, древлецерковная преданія измѣнишася и въ послѣдствіи соборомъ съ присутствіемъ греческихъ патріарховъ 1667 г. ужаснѣйшая клятва и анафема на содержащихъ древ-

ка: мы знаемъ, раздалось любвеобильное слово увѣщанія къ раскольникамъ уже только въ 1765 году — въ „Увѣщаніи“ митрополита Платона. Съ тѣхъ поръ, особенно послѣ того, какъ дозволено было единовѣріе, въ

ня святоцерковная преданія произнесены, и строгое преслѣдованіе и гоненіе воздвигся съ мученіемъ, и по сихъ, отъ пастырей, поборающихъ во нововозможнымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издаваемы, въ нихъ же святѣйшее и почитаемое имя Христа Спасителя нашего Ісуса хульно поречено: акыбы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего иного Ісуса — равноухаго! Къ сему же, оле дерзости! именована чудовищнымъ и ничего незначущимъ двуперстнымъ сложеніе на изображеніе крестнаго знаменія, также поречено арианствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобнымъ раздѣленіемъ, армянствомъ, арменскою ересію, арменскимъ кунишемъ, аріевою пропастію, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоносѣденіемъ и чертовымъ преданіемъ!... Сего ради совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастырей той Церкви, иже къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихкихъ книгъ и не уничтожаютъ означенныхъ жестокихъ порицаній, отвратительныхъ, благочестивому слуху неумѣстныхъ, христіанскимъ пастыремъ отнюдь несвойственныхъ. Аще же нѣкогда благодатію Божіею оварившеса, отложить вышеупомянутыя порицанія и соборныя оставятъ своя новодогматствованія, а святую старожитность возлюбить и примутъ и порученнымъ себѣ хранить ю повелѣтъ, и начнутъ послѣдовать воимъ древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится Церковь въ таковой точности догматовъ и преданій, яже быше отъ глѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до глѣтъ Никона, бывшаго патріарха; тогда самъ того предѣла въ ровеникъ обратится, и единымъ къ другимъ приходеіе учинятъ сердца; и мы безъ всякаго увѣщанія человеческого поидемъ къ общенію ея. А доележе пребываютъ соблазны и преткновенія, возмущающіе совѣсть нашу, то мы не можемъ вопреки ученію древлеправославныя Церкви и вопреки убѣжденію совѣсти послѣдовать новозаложеннымъ догматовъ и преданіямъ... да послужитъ сіе образцомъ ученымъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи Церкви, яко да и тѣмъ обратятъ должное вниманіе о вышепредложенныхъ жестословныхъ порицаніяхъ, отъ предѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ“. (Разбор. посл. Іер. Паренія Моск. 1863 г. стр. 37—9). Последнія слова показываютъ и то, что собственно ~~идеями~~ современныя намъ раскольничья отъ соединенія съ св. Церковію, — это не „учрежденія“ гражданскія по „лицовымъ“ образцамъ, стѣснительныя для народа, а обрядовыя перемены церковныя, совершенныя патріархомъ Никономъ и смущающія совѣсть заблуждающихъ.

сочиненіяхъ противъ раскола слышится уже больше любви къ заблуждающимъ, чѣмъ жесткихъ упрековъ. Но съ 1667 года до 1765 г. слишкомъ много времени для того, чтобы раскольники, читавшіе въ теченіе 100 лѣтъ почти однѣ только укоризны себѣ и строгія обличенія, стали смотрѣть подозрительно и на болѣе симпатичную къ нимъ рѣчь. Такъ и случилось. Называя прежнія сочиненія противъ нихъ полными „ярости и гнѣва“, раскольники въ позднѣйшихъ, болѣе кроткихъ, произведеніяхъ православныхъ полемиковъ стали видѣть „хитрыя мягкія словеса и лукавство“ — съ цѣлю уловить простодушныхъ въ сѣти антихриста. Одно другого стоитъ, а въ итогѣ-то выходитъ все тоже: раскольники остаются раскольниками, несмотря на всѣ обращаемыя къ нимъ увѣщанія.

Можно указать и еще нѣкоторыя стороны православной полемики противъ раскола, которыя, такъ сказать, заслоняютъ собою отъ заблуждающихъ истину Церкви православной. Это прежде всего то, что въ нѣкоторыхъ противораскольническихъ сочиненіяхъ — по крайней мѣрѣ конца XVII и первой половины XVIII столѣтій не всегда можно было находить строгую безпристрастную правду. Признавая судъ Московскаго собора объ обрядовыхъ разностяхъ, существующихъ между нами и раскольниками, безусловно справедливымъ и непогрѣшимымъ, нѣкоторыя лица, писавшія противъ раскола въ указанное нами время, не считали нужнымъ справиться съ исторіей и на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ сказать правдивое слово о томъ, что дѣйствительно въ вѣрованіяхъ раскольниковъ есть неправильнаго, и въ чемъ они правы, — а просто начинали писать уже съ предзвѣстною мыслию, что все, чего держатся защитники стари-

ны, ложь, заблужденіе, ересь. Но такъ какъ раскольники въ защиту своихъ мнѣній ссылались на древнія книги, и слѣдовательно споръ изъ области теоретическихъ разсужденій переносили на почву исторіи и практики церковной прежняго времени,—то понятно, что и со стороны писателей православныхъ требовалось тоже такое оружіе. Но къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы заняться обстоятельнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ нашей древней письменности и памятниковъ старины, нѣкоторые полемики ограничивались только разнаго рода умствованиями о спорныхъ предметахъ; а такъ какъ умствуетъ каждый по своему, то и выходило нерѣдко, что одинъ изъ писателей въ подтвержденіе православнаго ученія приводилъ (à priori) одни доказательства, другой—другія и т. д. Собственно говоря, это—только разнообразіе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ; но раскольники сочли это за взаимное противорѣчіе православныхъ, и такъ какъ дѣло касалось предметовъ вѣры, то и стали указывать на него, какъ на признакъ неистинности ученія православной Церкви. Мы найдемъ подъ руками одно раскольническое сочиненіе подъ заглавіемъ: „вознѣщевахомъ напомянуть благочестивому читателю о звѣри томъ, иже брань творить со святыми“. Въ этомъ сочиненіи въ числѣ причинъ, изъ-за которыхъ раскольники „отлучаются великороссійскія Церкви общенія, причащенія и благословенія“, указывается между прочимъ то, что она „не согласуетъ въ преданіяхъ и ученіи сама къ себѣ“. И дѣйствительно вся вторая часть указаннаго сочиненія наполнена выписками изъ разныхъ противораскольническихъ сочиненій, видимо противорѣчащими одна другой. Для примѣра укажемъ нѣкоторые. Такъ по Фео-

одланту Лопатинскому⁽¹⁾ и митрополиту Платону⁽²⁾; три перста, которыми мы крестимся, означают три лица Святыя Троицы, а два перста, которые пригибаемъ къ длани, означаютъ два естества въ Иисусѣ Христѣ. По Сирьжали и Прашицѣ Питирима⁽³⁾, два наклоненные перста ничего не означаютъ⁽⁴⁾. Въ „Вознесѣ“ святителя Димитрія говорится, что старыя и новыя книги „едино суть“, что „въ тожде Бога коновныя книги вѣрнѣе учать, въ коемо и старыя. Тыя же догматы вѣры и новыя книги въ себѣ содержатъ, поше и старыя. Тому же Богу молитися и новыя книги вѣдѣть, коему и старыя. Тѣхъ же добрыхъ дѣлъ и новыя книги поучаютъ, коихъ и старыя: и нѣсть ничесо противнаго ученія въ книгахъ новыхъ, якоже и въ старыхъ“ (л. 9 об.). А въ „Обличеніи“ преосвященнаго Теофилакта замѣчено, что „которые книги писаны и печатаны послѣ стоглаваго собора Московскаго; тѣ вѣроятія не суть достойны“ (л. 110 об.), что „россійскіе переводчики (древніе) святыхъ отецъ писанія: перевели подложныя, а на подлинныхъ не кнулися; на примѣръ: Анасія сильныхъ писаній на Аріанъ, и прочая, аки нарочно труждалися на прельщеніе русскаго варварскаго грубаго народа. И воистинну не имамы извѣстія, есть ли какое подлинное коти едино слово святыхъ отецъ на російскомъ языкѣ, коды которыхъ именемъ многая обрѣгаются“ (гл. 8, л. 18). Писатели Поморскихъ отвѣтовъ въ защиту своего иконо-

(1) Облич. л. 24.

(2) Увѣщ. л. 45.

(3) Отв. 190.

(4) На это видимое противорѣчіе указываютъ и составители извѣстнаго „Окружнаго Пославія“. (Взборъ: Окружн. Прел. стр. 88).

писанія сошлись между прочимъ на слѣдующія слова патріарха Іоаннима: „Латины пресвятую Богородицу уже обрученную мужу Іосифу праведному и Христа Іисуса родившую, лишутъ непокровенну и власы украшенну, и многыя святыхъ женъ непокровенными главами, и мужей своестранскими обличіями“ (1). На эти слова патріарха Іоаннима, которыми онъ запрещаетъ писать иконы по латинскимъ образамъ, пресвященный Феодоктъ писалъ въ своемъ Обличеніи: „Іоакимъ патріархъ Московскій, буде онъ таковой завѣтъ написалъ, явно себе показалъ ревнителемъ мужичихъ забобовъ, по которымъ женъ мужатой невозможно никому явиться непокровенною главою и тѣмъ недоволенъ, захотѣлъ еще и Божию Матерь тому же деревенскому мужичію залому подчинити, и писать ея образъ по подобію русскихъ бабницъ. Развѣ не вѣдалъ, что Богородица не російскія породы была“ (2). По Скрыжалю, издавннй патріархомъ Никономъ, четвероконечный крестъ означаетъ Св. Троицу, — продольнымъ деревомъ означаетъ Отца, поперечнымъ — Сына и Св. Духа. Между тѣмъ въ Пращацѣ говорится, что четвероконечный крестъ верхнимъ концемъ продольнаго дерева означаетъ Отца, нижнимъ — Сына, а поперечнымъ деревомъ — означаетъ Св. Духа. (Отв. 116). — Своими же и другія подобныя имъ, видимо противрѣчавшія, мѣста изъ разныхъ сочиненій православныхъ полагниковъ, раскольники обыкновенно говорятъ, что если, по словамъ самихъ православныхъ писателей (3), «онъ развѣсовъ дождательствъ невозможно познати

(1) Помор. отв. 50, ст. 20.

(2) Гл. 9, л. 21.

(3) Облич. л. 6 об.

истину“; но нельзя узнать истину и от православных учителей, проливоречащих въ своемъ ученіи не только древнимъ св. отцамъ, но и самимъ себѣ.

Бывали со стороны православныхъ писателей противъ раскола и другаго рода ошибки, которыми подрывали въ глазахъ раскольниковъ авторитетъ Церкви, называемой учительницы истинной вѣры. Весьма естественно, что раскольники, ставъ въ противоборство Церкви, начали зорко слѣдить за всѣми ея дѣйствіями—съ цѣлію найти въ нихъ что-либо неправославное. И вотъ въ началѣ прошлаго столѣтія они стали между прочимъ упрекать Церковь въ томъ, что она дозволяетъ обливательное крещеніе наравнѣ съ погружательнымъ и даже лицамъ, получившимъ такое крещеніе, возводить, вопреки церковнымъ правиламъ, на разныя степени священства. Въ подтвержденіе своего сужденія раскольники могли указать изъ временъ Петра немало примѣровъ. Многие изъ тогдашнихъ епископовъ нашихъ, бѣлоруссы родомъ, были крещены обливательнымъ крещеніемъ. Что оставалось дѣлать Церкви православной, на которую раскольники возводили такое обвиненіе? Какъ всякій согласится, нужно было показать и доказать, что она признаетъ безусловно-правильнымъ погружательное крещеніе и, если допускаетъ обливательное, то только какъ исключеніе, допускавшееся въ случаѣ нужды и въ древней Церкви. Вместо всего этого Феофанъ Прокоповичъ, бывшій въ то время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ русской Церкви, написалъ книжку подъ названіемъ: „истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ крещаемыхъ“, въ которой, вопреки истинному ученію Церкви, всѣми силами старался доказать, что крещеніе погружательное и облива-

тѣмъ же имѣютъ одинаковое значеніе и силу и могутъ совершаться безразлично. Мы понимаемъ возможность такого мнѣнія со стороны Феофана Пролоповича; онъ долженъ былъ писать противъ раскольниковъ, а въ спорѣ всякаго рода увлеченіе, крайность, сильное слово почти неизбежны. Съ другой стороны вопросъ о значеніи обливательнаго крещенія былъ слишкомъ близокъ сердцу любимаго Петрова; онъ самъ, въ чемъ согласны и раскольники (1), былъ крещенъ такимъ крещеніемъ и, несмотря на то, одѣлся новгородскимъ архипастыремъ. Значить, увлеченіе Феофана очень естественно. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что власть церковная того времени позволила надать книжку Феофана отъ своего соборнаго лица — съ цѣлю показати вѣрныи и каждому „истину“, а „не забавку“ касательно вопроса объ обливательномъ крещеніи, — нельзя не пожалѣть потому, что проповѣданіе Феофана подало раскольникамъ новый поводъ думать о Церкви, будто она уклонилась отъ православія (2), — новая причина неуспѣшнаго дѣйстванія на раскольниковъ православной проповѣди.

Наконецъ не можемъ не указать еще на одно обстоятельство, послужившее причиною того, что раскольники десель съ недоувѣрчивостію смотрятъ на православную Церковь и ея дѣятелей; это — презрительно-небрежный взглядъ на раскольниковъ, которымъ проникнута большая часть противораскольническихъ сочиненій, особенно конца XVII и первой половины XVIII столѣтій. Не споримъ, что расколъ, снѣзавшій на первыхъ порахъ своими послѣдователями даже бояръ и кня-

(1) Сборн. начинающ. исторією о бѣгствующемъ священствѣ.

(2) Книга Никодимова, ст. 2, показаніе 10, л. 64—85.

зей, скоро, вынужденъ былъ оставить болѣе или менѣе важныя палаты и переселиться въ глушь — въ села, скиты, пустыни и лѣса, и такимъ образомъ — сосредоточиться по преимуществу въ низшихъ слояхъ нашего общества. Но все же это обстоятельство не давало никому достаточнаго основанія отказывать послѣдователямъ старины ни въ правѣ разсуждать о вѣрѣ и дѣлахъ Церкви, ни въ способности понимать эти вещи. А между тѣмъ, начиная съ Сумеона Полоцкаго, писателя „Жезла правленія“, до самаго Арсенія Маціевича (включительно), исправителя Теофилактова „Обличенія“, ни одинъ почти писатель противъ раскола не трактовалъ раскольниковъ иначе, какъ глупыми людьми, слѣпыми невѣждами, — мужиками — неучами, не только неспособными разсуждать о вѣрѣ, но и не имѣющими права на подобное разсужденіе. Раскольникамъ, дорожившимъ каждою частію, относящеюся къ вѣрѣ, рекомендовалось православными писателями только „свинія пасть“ (1), или по меньшей мѣрѣ „знать соху“ (2), и больше ни о чемъ не разсуждать. Само по себѣ понятно, что такое нелестное мнѣніе о раскольникахъ, которое встрѣчали они почти въ каждомъ, писанномъ въ наученіе ихъ, сочиненіи, не успокаивало, а на оборотъ — раздражало защитниковъ старины, сознававшихъ по крайней мѣрѣ то, что и ихъ не вождь Господь лишилъ здраваго человѣческаго смысла и что дѣло вѣры и спасенія дорого каждому. Мало этого: оскорбленное чувство раскольниковъ стало изобрѣтать средства доказывать православнымъ писателямъ, что они ошибаются, считая од-

(1) Ист. оправ. прав. хр. крещ. полн. крещ. ч. 5.

(2) Облич. Θεοφ. гл. 9. ч. 45 об. смес. Увѣт. ч. 67 об.

вить себя умными людьми, а раскольниковъ упрекамъ въ „глупствѣ“ (1) и „необычной дурости“ (2). И вотъ многие изъ раскольниковъ, болѣе другихъ способные и знакомые съ дѣломъ, стали писать разнаго рода сочиненія, въ которыхъ не только защищали свои мнѣнія, иногда довольно остроумно, но нерѣдко опровергали положенія православныхъ писателей, показывая, что и сами они иногда рассуждаютъ не вполне справедливо и основательно. Какъ на образчикъ подобнаго рода упрековъ православнымъ писателямъ можно указать на слѣдующее сужденіе въ Поморскихъ отвѣтахъ. Пятиринъ, вслѣдъ за другими, написалъ въ своей Працицѣ, что имя Спасителя нужно писать „тресложно сице Исъ, а не двосложно Исъ, понеже есть въ томъ велие различіе по греческому языку: у нихъ бо знаменуетъ *Isoss*, по нашему то будетъ равный: по ихъ же языку *Uss*, то по нашему будетъ ухо: и тѣ два реченія егда во едино сложити, и будетъ Исъ еже глаголется равноухій“ (отв. 146). Опровергая это сужденіе, составители Поморскихъ отвѣтовъ писали: „сіе свое-разсудительное доводствованіе не зрится намъ твердо быти сихъ ради винъ. Первая: понеже Исъ имя есть еврейско, а не еллинско, якоже выше отъ святыхъ учителей засвидѣтельствовася: убо и знаменованіе не по еллинскому, но по еврейскому языку имѣти долженъ гвуетъ. Вторая: древнероссійская Церковь, преводящи се имя Исъ, знаменованіе его объяви не равноухій, но тасъ, Спаситель и Избавитель, якоже печатныя, съменныя и харатейныя книги засвидѣтельствоваша,

) Увѣт. л. 67 об.

) Ист. оправд... л. 4 об.

яже предобъявяхомъ. Третя: аще ли по „Працицѣ“ оная реченія два: Исось и Усь вкупѣ сложики, не будетъ въ сложенномъ начертаніи Исъ, но исосуеть, яже самая реченія являютъ. Понеже сія два реченія: исось и усь три слога имѣютъ, исось реченіе два слога имать, і—слогъ, ось—вторый слогъ, усь же реченіе—третій слогъ; и тако вкупѣ слагаема исосуеть будутъ, а не исуеть, трисложное реченіе совершаетъ, а не двосложное. Исуеть бо имя два слога имать, а не три, яко и сама Працица свидѣтельствуесть: убо двосложное имя трисложнаго реченія знаменованія не водитъ. Аще бы реченія оная на гречестѣмъ языкѣ стояли двосложно — сице: исъ и усь, имѣли бы иѣкую вину отсюду наносити. А понеже въ гречестѣмъ языкѣ сія стоятъ трисложно: исось и усь и соединяема (по Працицѣ) будутъ исосуеть, иѣсть по пресвятому Іса Хржега имени подобія здѣ, иѣсть ниже малаго приравненія: но толикое равнство между исосомъ и исосусомъ, елико между Спасителемъ и равноухимъ имѣется. Аще ли равнство толикое есть между сими, яже и есть: убо Працицы *неблаготолковое* пореченіе есть неправедно: яко къ пресвятому имени Исъ реченіе исосуеть яко блато къ злату приравняютъ“ (1). Какъ всякій можетъ видѣть, въ приведенныхъ словахъ Паморскихъ отвѣтовъ слышится не одно опроверженіе умствованія Питирима, а и алая насмѣшка надъ неудачной острою православнаго писателя. Подобныхъ случаевъ, когда расколъ оружіе, направленное противъ него православными писателями, обращалъ противъ нихъ же самихъ, можно указать не мало въ сочиненіяхъ раскольниковъ. Явленіе странное, если срав-

(1) Отв. 50, ст. 13.

нить степень образованія писателей православныхъ и раскольническихъ; но оно объясняется тѣмъ, что многіе православные писатели, рассчитывая на мнимое невѣжество раскольниковъ, иногда дѣйствительно позволяли себѣ судить о спорныхъ предметахъ безъ осмотринаго вниманія къ дѣлу.

Независимо отъ того, что мы сказали о православной полемикѣ противъ раскола, можно указать и другія причины, по которымъ православная истина такъ малоуспѣшно дѣйствовала и дѣйствуетъ на заблуждающихъ. Это — во первыхъ — малочисленность противораскольническихъ сочиненій сравнительно съ сочиненіями, писанными въ пользу раскола. Сколько извѣстно намъ, число сочиненій, писанныхъ православными лицами противъ раскола, въ наученіе заблуждающихъ, не восходитъ дальше сотни (1), и это — въ теченіе двухъ столѣтій. А между тѣмъ раскольники насчитываютъ у себя больше тысячи сочиненій, писанныхъ ихъ грамотниками. Въ одномъ каталогѣ Павла Любопытнаго, обнимающемъ собою время отъ начала прошлаго столѣтія до 1829 года, указано такихъ сочиненій 934. Цифра громадная. И если въ числѣ поименованныхъ Любопытнымъ сочиненій есть немало самыхъ незначительныхъ по своему содержанію, то съ другой стороны можно указать между ними и такія, которыя своимъ содержаніемъ могутъ затруднить самага большаго знатока нашей древней литературы. Если же при этомъ обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что нѣтъ почти ни одного противораскольническаго сочи-

(1) Перечень этихъ сочиненій можно видѣть въ исторіи министерства Внутр. дѣлъ, кн. 8, стр. 3—10.

ненія (за исключеніемъ развѣ самыхъ близкихъ къ намъ по времени изданія ихъ въ свѣтъ), на которое не было бы написано раскольническими писателями самаго подробнаго опроверженія, то поймемъ, съ какими препятствіями должна бороться православная полемика противъ раскола и отъ чего она такъ мало оказываетъ благотворнаго дѣйствія на заблуждающихся. Далѣе — хотя мы не разъ говорили, что расколъ грамотиѣ православнаго простонародья, но все же и между раскольниками — большинство — люди, не умѣющие даже читать. А послѣ этого понятно, что всѣ издаваемые православными лицами „Увѣты“, „Увѣщанія“, „Бесѣды“ и проч. не доходятъ по назначенію, или вѣрнѣе: становятся извѣстными только меньшинству раскольниковъ, и притомъ такому, которое по своимъ не безгрѣшнымъ причинамъ не только не убѣждается православною истинною, но еще намѣренно скрываетъ ее и отъ другихъ — своихъ послѣдователей. Наставники раскольническіе и такъ называемые „начетчики“, которые одни читаютъ православныя сочиненія, какъ извѣстно, не только не знакомятъ своихъ учениковъ съ вновь выходящими противъ раскола сочиненіями, но еще намѣренно скрываютъ ихъ отъ своихъ простодушныхъ кліентовъ, и для этого иногда скупаютъ цѣлыя изданія и жгутъ ихъ, особенно если сочиненіе можетъ, по ихъ расчетамъ, имѣть неблагопріятныя послѣдствія для ихъ наставническаго авторитета. Впрочемъ это дѣлается только въ крайнихъ случаяхъ. Обыкновенно же сочиненія православныхъ писателей противъ раскола, недоступны массѣ заблуждающихся, по ея безграмотности, не читаются даже и грамотными раскольниками, если они не играютъ въ расколѣ никакой особенной роли въ родѣ настав-

ника, или начертана; потому что уже убѣдили своихъ подначальныхъ тать православныя книги, но и говорить о вѣрѣ—грѣхъ непростительный. „Не вѣрными съ еретиками о вѣрѣ бесѣдовъ это правило, находящееся почти въ каждомъ сочиненіи, давно уже, какъ извѣстно, жизнь и практику раскольниковъ и чрезвычайно препятствуетъ православной истинѣ достигнуть къ заблужденію. Наконецъ,—и это самая важная статья въ разсужденіи о расколѣ, которую мы можемъ назвать вопросомъ,—недостатокъ живой, устной православной проповѣди, безъ которой никакія сочиненія не научатъ массы вѣрующаго истинѣ и добру,—составляетъ самую главную причину того, что истина, находящаяся въ Церкви, доселѣ не можетъ разсвѣтать заблужденій раскола, что раскольники до настоящаго времени крѣпко убѣждены въ правильности тѣхъ обрядовыхъ разностей, которыя существуютъ между ними и православными, хотя неправильность многихъ изъ этихъ разностей давно уже доказана печатно. Хотя, по замѣчанію одного святителя нашего „устная бесѣда, близъ токмо слышится: а яже писанію предаются, та и въ концы вселенныя происходятъ,—устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческой отъемлется: написанное же незабвенно пребываетъ“ (1); но, по нашему мнѣнію, въ борьбѣ съ расколомъ необходимѣе и полезнѣе живая, устная проповѣдь, чѣмъ наставленія печатныя. Во-первыхъ, большинство раскольниковъ, какъ мы уже говорили, не умѣетъ читать и слѣдовательно не можетъ, еслибы даже захотѣло, воспользоваться печатными вразумленіями право-

(1) Ромскъ л. 5 об.

славныхъ. Во вторыхъ—расколъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, и особенно въ слѣдствіе прежде бывшихъ гоненій на него, разсѣялся по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего отечества, куда нерѣдко съ трудомъ попадаетъ живой человѣкъ, не только мертвая книга. Далѣе: печатныя наставленія, какъ бы ни были они приспособлены по языку и способу изложенія къ пониманію людей простыхъ, изъ какихъ попреимуществу состоитъ нашъ расколъ, никогда не могутъ достигнуть той степени общедоступности и простоты, какими можетъ отличаться устная рѣчь. Наконецъ въ печатной книгѣ менѣе удобно быть обстоятельнымъ, чѣмъ при устномъ собесѣдованіи съ раскольниками, потому что можно или не знать, или не предвидѣть разнаго рода недоумѣній и возраженій со стороны заблуждающихся, и слѣдовательно можно опустить ихъ изъ вниманія и оставить нерѣшенными. Не говоримъ уже о томъ, что книга, какъ бы хорошо она ни была написана, никогда не можетъ произвести на душу читателя того теплаго, неотразимаго вліянія, какое можетъ произвестъ на слушателя живое сердечное слово о томъ же самомъ предметѣ. Однимъ словомъ, по нашему искреннему убѣжденію, сколько бы ни писалось разныхъ книгъ противъ раскола, какъ бы умно и основательно ни доказывали раскольникамъ *печатно* неправильность тѣхъ мнѣній, изъ за которыхъ они отдѣляются отъ Церкви и православнаго общества, но если при этомъ не будетъ слышаться живая, устная православная проповѣдь, — дѣло обращенія заблуждающихся на путь истины не повинется много впередъ, раскольники по прежнему будутъ вдали отъ Церкви и православнаго общества. Намъ скажутъ, что въ послѣднее по крайней мѣрѣ время, съ

учрежденія миссіонерства, православіе дѣйствуетъ на расколъ не печатными только книгами, но и живымъ проповѣдью: однакожь особенныхъ успѣховъ и отъ таково вѣрѣнія вещей не видно. Правда, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, расколъ въ послѣднее время не только не уменьшается, но даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей. Но тутъ виновата не проповѣдь православная, а другія причины, которыя не могутъ не касаться и православныхъ служителей Церкви. Дѣло въ томъ, что въ былое время, когда свѣтское правительство смотрѣло на расколъ, какъ на зло общественное, и преслѣдовало его всѣми мѣрами, множество раскольниковъ, — болѣе слабые духомъ, чтобы избѣжать преслѣдованій со стороны власти, притворялись выдавали себя за православныхъ и старались быть записанными въ исповѣдныя росписи, какъ будто бывшіе у исповѣди и св. причастія, если не за всѣ годы, то по крайней мѣрѣ за многіе, хотя на самомъ дѣлѣ никогда не бывали и въ церкви. А православные священники, по разнымъ побужденіямъ, соглашались вносить въ число своихъ православныхъ прихожанъ подобныхъ, какъ ихъ называли прежде, потаенныхъ раскольниковъ, и такимъ образомъ часто случалось, что въ извѣстномъ приходѣ по официальнымъ документамъ почти не было раскольниковъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ чисто православные составляли въ немъ только меньшинство. Подобный порядокъ вещей имѣлъ своего рода выгоды: приходскій священникъ получалъ отъ раскольниковъ лишніе средства къ жизни, раскольники жили тихо и мирно, начальство епархіальное освобождалось отъ излишней переписки, правительство имѣло основаніе утверждать, что цѣфра всѣхъ раскольниковъ въ Россіи

не такъ велика, какъ ее представляютъ люди, знающие съ дѣломъ. Но при такихъ мнимыхъ выгодахъ, въ дѣйствительности были очень важныя невыгоды отъ указаннаго нами порядка вещей. Раскольники, призываемые своими приходскими священниками, тѣмъ съ большею свободой распространяли свое ученіе въ массѣ православнаго населенія, — духовенство теряло уваженіе не только въ глазахъ заблуждающихся, которымъ покровительствовало, но и во мнѣніи православныхъ, которые нерѣдко сами дѣлались раскольниками, — правительство вводилось въ обманъ, благодаря которому иногда прибѣгало къ такимъ мѣрамъ противъ раскола, которыя только усиливали его. Но главное зло отъ указаннаго нами порядка вещей было въ будущемъ, которое для насъ стало уже настоящимъ. При строгомъ отношеніи власти къ расколу, потаенные раскольники составляли зло, но зло, такъ сказать, невидимое, или по крайней мѣрѣ закрытое отъ глазъ тѣхъ, кому всего больше и нужно бы его знать. При переменѣ обстоятельствъ, при болышей свободѣ для раскольниковъ, это зло должно было обнаружиться и послужить причиной новыхъ затрудненій и для власти и для самого раскола. Такъ и случилось. Нынѣ, когда благодаря развитію въ обществѣ гуманныхъ идей, на расколъ стали смотрѣть снисходительнѣе, когда если не приказано, то по крайней мѣрѣ позволено официально не стѣснять раскольниковъ въ ихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, раскольники, такъ называемые потаенные, нашли возможнымъ вытти изъ своего неловкаго положенія, зависимости отъ православныхъ священниковъ, хотя бы только денежною, и мало по малу стали заявлять о своемъ существованіи окончательнымъ разрывомъ съ Церковію и ея пастыря-

ми. И вот те и дѣло слышимъ, какъ въ одномъ мѣ-
стѣ совратились въ расколъ сотни, въ другомъ тысячи
и т. д. Къ какимъ затрудненіямъ подобныя извѣстія мо-
гутъ вести власть и самый расколъ, понять не труд-
но. Не понимая хорошо, что всѣ совращенія, о которыхъ
говорить и пидуть, суть не совращенія въ собствен-
номъ смыслѣ, а только гласныя заявленія раскольни-
ковъ о своемъ давнемъ, но скрывавшемся до времени
сентавствѣ, правительство недоумѣваетъ, можно ли до-
зволить раскольникамъ совершенную свободу вѣроис-
повѣданія, какъ того желаетъ литература и общество,
видя, что даже незначительное снисхожденіе къ раско-
лу власти сопровождается такими неблагоприятными для
православія послѣдствіями. Начальства епархіальныя
чувствуютъ себя недовго, вынужденныя доносить, кому
слѣдуетъ, что многіе изъ православныхъ его вѣдомства
оставляютъ Церковь и переходятъ въ расколъ. Священ-
ники, въ приходахъ которыхъ происходятъ убазанныя
совращенія, или платятся за свои прежніе грѣхи, по-
лучая замѣчанія и выговоры за нерадѣніе въ охраненіи
православія, или безъ вины терпятъ непріятности, если
они недавно посетили на приходы раскольническіе, счи-
тавшіеся прежде, по милости ихъ предшественниковъ,
православными. А расколъ, только что начавшій надѣ-
яться на болѣе миролюбивое въ себѣ отношеніе власти,
рискуетъ снова подвергнуться ей немилости за то, что
чужія неправды начинаютъ являться на свѣтъ Божій.

Такимъ образомъ усиленіе раскола въ настоящее
время нимало не говоритъ противъ необходимости жи-
вой православной проповѣди, потому что оно зависитъ
совершенно отъ другихъ причинъ, устранить которыя
почти невозможно. Мало этого: мы думаемъ, что по-

тому-то особенно и нужно усилить въ наше время проповѣдническую дѣятельность, что въ настоящее время, при снисходительномъ отношеніи къ расколу власти, проповѣдничество можетъ служить самымъ лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ, какъ въ обращеніи заблуждающихъ на путь истины, такъ особенно въ предохраненію православныхъ отъ совращенія въ расколъ. Расчитывать нынѣ власти церковной въ борьбѣ съ расколомъ на поддержку свѣтскаго правительства, на содѣйствіе полиціи, значить идти не только противъ общаго убѣжденія, что подобный путь несправедливъ и незаконенъ, но и противъ самаго нагляднаго доказательства несостоятельности указаннаго способа дѣйствовать на заблуждающихъ, т. е. противъ двухсотлѣтняго опыта, который ясно показалъ, что внѣшняя сила совершенно бессильна въ борьбѣ съ внутренними убѣжденіями людей, хотя бы и ложными, что она можетъ заставить челоѣка только измѣнить внѣшнее проявленіе убѣжденія, но не измѣнить его самого, можетъ создать два класса людей: однихъ изъ страха и интереса обманывающихъ, другихъ негодующихъ и враждующихъ. Но сколько первые безнравственны, столько вторые опасны. Приобрѣтеніе подобныхъ людей не можетъ быть находкой ни для кого. Остается одно средство дѣйствовать на заблуждающихъ, на которое давно указывала сама власть церковная (1), это—живое слово убѣжденія, устная православная проповѣдь. Не говоря уже о томъ, что это средство самое практическое и разумное, оно указывается, какъ единственное, и въ самомъ словѣ Божіемъ, вѣрною хранительницею котораго должна быть Церковь православная.

(1) Указъ Св. Синода отъ 24 сентября 1858 года.

Все, что говорили мы доселѣ о причинахъ, по которымъ раскольники, живущіе, по нашему мнѣнію, религиозными интересами, доселѣ не присоединяются къ Церкви православной, не смотря на то, что неправильность многихъ обрядовыхъ разностей, содержащихся ими, давно уже печально доказана, относится больше къ теоретической сторонѣ разсматриваемаго нами вопроса. Но есть въ этомъ вопросѣ еще сторона практическая, которая требуетъ особеннаго слова. То правда, что раскольники всего болѣе удаляются отъ Церкви и православнаго общества изъ-за указанныхъ нами обрядовыхъ разностей, въ перемѣнѣ которыхъ они видятъ жеремѣну вѣры; но было бы несправедливо опускать изъ виду и другую причину нерасположенія заблуждающихся къ православію, причину практическую, кроющуюся въ жизни и дѣятельности членовъ православной Церкви. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ тѣ уклоненія въ жизни отъ строго-христіанской нравственности многихъ православныхъ христіанъ, и даже цѣлыхъ сословій общества, съ которыми щекотливая совѣсть раскольниковъ никакъ не можетъ примириться. И если раскольники не исполнѣ нравы, осуждая, какъ неправославіе и ересь, многіе обычай православнаго общества, не имѣющіе прямого отношенія къ вѣрѣ и Церкви, а вытекающіе изъ условій чисто житейскихъ, гражданскихъ и общественныхъ, то едва ли можно негодовать на нихъ за то, что они указываютъ, какъ на признакъ удаленія отъ евангельской истины, на тѣ обычай православныхъ, въ которыхъ дѣйствительно замѣтно отсутствіе началъ строгой христіанской нравственности и которыми не можетъ не соблазняться истинно благочестивый человѣкъ. Раскольниковъ тѣмъ болѣе смущаютъ многіе, суще-

ствующіе въ православномъ обществѣ порядки; что они, по видимому, терятся сознательнымъ снисхожденіемъ власти, даже церковной, и слѣдовательно не могутъ считаться злоупотребленіями только частныхъ лицъ. Не будемъ здѣсь указывать обычай и порядки, существующіе въ православномъ обществѣ, противъ которыхъ вооружаются раскольники ⁽¹⁾, но не можемъ не замѣтить, что для полнаго примиренія заблуждающихъ съ Церковію и православнымъ обществомъ необходимо, по нашему мнѣнію, не только доказать неправильность догматическихъ (теоретическихъ) убѣжденій раскола, но и устранить по возможности предубѣжденія его противъ нѣкоторыхъ сторонъ практической жизни православнаго общества. А это приводитъ къ мысли, что дѣло обращенія раскольниковъ на путь истины можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда не только власть церковная, но и само общество православное рѣшится взять на себя этотъ трудъ и для лучшаго достиженія цѣли озаботится возвратиться на лучшей, болѣе нравственно-христіанскій и разумный путь жизни, или постарается по крайней мѣрѣ оставить тѣ рѣзкія отступленія отъ правилъ евангельскихъ и церковно-каноническихъ, которыя особенно смущаютъ совѣсть раскольниковъ.

Гораздо серьезнѣе, повидимому, слѣдующее возраженіе противъ нашего взгляда на расколъ, какъ на религиозную общину, именно—почему раскольники не присоединяются не только къ Церкви православной, но даже къ единовѣрью, въ которомъ, какъ извѣстно, дозволены защищаемыя ими обрядовыя разности, изъ-за которыхъ собственно они и отдѣляются отъ Церкви пра-

(1) См. нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ въ Хр. Чт. 1883 г. янв.

вославыи. Но и на это возраженіе можно представить объясненія и притомъ совершенно удовлетворительныя. Мы уже говорили выше, какъ отнеслась на первыхъ порахъ власть церковная къ обрядовымъ погрѣшностямъ, которыя послужили первоначальной причиною отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви. Соборъ московскій 1666—7 года призналъ эти погрѣшности ересію и лицъ, которыя держались ихъ, предавъ анаемѣ, какъ раскольниковъ и еретиковъ. Мы говорили также, что такой суровый взглядъ на расколъ и его обрядовыя разности высказывался въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола почти до самаго конца прошлаго столѣтія. А послѣ этого не трудно понять, какъ должны были посмотрѣть раскольники на уступку Церкви, дозволившей тѣмъ изъ нихъ, которые согласятся принять рукоположенныхъ въ православной Церкви священниковъ, совершать богослуженіе по старымъ книгамъ съ тѣми особенностями, какія встрѣчаются въ этихъ книгахъ. Они стали видѣть въ этой снисходительности къ нимъ Церкви не столько материнскую любовь ея къ заблуждающимъ, рѣшившуюся терпѣть не вредящія существу вѣры обрядовыя погрѣшности, чтобы только раскольники не лишились главнаго въ дѣлѣ спасенія—благодати Св. Духа, подающей вѣрующимъ въ таинствахъ, сколько или слабость Церкви, признаніе ею своей неправоты и правоты ученія расколическаго, или, по меньшей мѣрѣ, хитрость церковной власти, которая, сознавая неправильность расколическихъ обрядовъ и потому не принимая ихъ сама, позволила однакожъ содержать эти обряды расколическимъ единственно съ тою цѣлію, чтобы, подчинивъ ихъ себѣ чрезъ рукополагаемыхъ ею священниковъ, съ теченіемъ времени заставить ихъ оста-

вить и тѣ обрядовыя разности, которыми раскольники дорожатъ всего болѣе. И нужно сознаться, что какъ ни несправедливъ такой взглядъ раскольниковъ на единовѣріе, онъ легко могъ составиться у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ цѣлыя сто лѣтъ Церковь смотрѣла на обряды раскольниковъ, какъ на ересь, священниковъ, служившихъ по этимъ обрядамъ, извергала изъ сана и таинствамъ, совершаемымъ ими, не приписывала никакого благодатнаго значенія; то какъ могли объяснить себѣ раскольники, что съ конца прошлаго столѣтія обряды эти, по мысли Церкви, перестали считаться ересью и таинства, совершаемыя съ соблюденіемъ этихъ обрядовъ, стали служить во спасеніе вѣрующихъ? Недоумѣніе—очень понятное, и оно неизбѣжно повело раскольниковъ къ двумъ заключеніямъ, — именно: что Церковь или признала справедливость раскольническихъ мнѣній, и въ такомъ случаѣ всѣ прежнія дѣйствія ея въ отношеніи къ раскольникамъ, какъ то: проклятiе, положенное на соборѣ, гоненія и пр. были несправедливы и незаконны, какъ несправедливыми и незаконными должны быть признаны и обряды, содержаемыя ею, или дозволила содержать эти обряды единовѣрцамъ не искренно, съ тайною мыслію — тою, чтобы этимъ путемъ довести со временемъ раскольниковъ до принятія обрядовъ новыхъ. Какое бы изъ этихъ двухъ заключеній ни усвоили себѣ раскольники, во всякомъ случаѣ они затрудняются присоединиться къ единовѣрію. Въ первомъ случаѣ — потому, что епископы, рукополагающіе единовѣрческихъ священниковъ, какъ содержащіе новые, будто бы неправильные обряды, не суть, по мнѣнію ревнителей старины, истинныя пастыри, а слѣдовательно и зависимость отъ нихъ единовѣр-

человѣкъ священникъ и самихъ единовѣрцевъ представляется дѣломъ, противнымъ совѣсти; во второмъ — потому, что раскольники опасаются быть вынужденными со временемъ оставить свои старые, мнимо-святые обряды и принять новые, неправославные. А сколько можно судить по сочиненіямъ самихъ раскольниковъ, они чуждаются единовѣрія именно потому, что видятъ въ немъ сколько противорѣчіе Церкви самой себѣ, столько же и неискренность ея. Вотъ расужденіе раскольниковъ на первую тему: „За содержаніе книгъ и обрядовъ, бывшихъ до Никона, Московскій соборъ 1667 года наложилъ на предковъ нашихъ анаему съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ природы измѣнится, чѣмъ проклетіе это снимется; но въснѣйше утвержденными правилами митрополита Платона 1800 года, единовѣрцамъ разрѣшено совершать обряды по книгамъ первыхъ пяти патріарховъ, лишь бы только подчинились они великороссійскому енархіальнымъ архіереямъ. Сіи архіереи, сами служа въ церквахъ единовѣрческихъ, совершаютъ обряды, проклятыя соборомъ 1667 г. Чинъ и порядокъ природы не измѣнились, а проклетіе снято. Что же это значить? Значить это то, что или соборъ 1667 года сдѣлалъ постановленіе неправильное, ибо оно отмѣнено чрезъ 134 года, или архіереи православные, служащіе въ единовѣрческихъ церквахъ по нашимъ обрядамъ, подлежатъ анаемѣ, положенной соборомъ 1667 года. А Павелъ Апостоль сказалъ: подобаетъ быти епископу непорочну, единыя жены мужу; жена же епископа Церковь, которую пасеть онъ и съ которою вѣнчается при посвященіи, такъ что при этомъ обрядѣ воспѣваются тѣ самыя пѣсни, которыя

поются и при тайнствѣ брака ⁽¹⁾. Какъ же у епископа стало двѣ жены: Церковь великороссійская и Церковь единовѣрческая? Епископъ, сегодня совершающій божественную службу по обрядамъ Никона, а завтра по обрядамъ, проклятымъ соборомъ 1667 года, не есть ли мужъ двоедушень, каковому, по правиламъ апостольскимъ, соборнымъ и св. отецъ, не подобаетъ быть епископомъ? Можно ли спастись подъ духовною властію двоедушнаго епископа, мужа двухъ женъ? Могъ ли одинъ митрополитъ Платонъ сложить соборную клятву, наложенную тремя патріархами и цѣлымъ сонмомъ святителей? Не могъ. И самый святыи Синодъ не могъ, ибо хотя онъ и соборъ, но соборъ меньшій, въ которомъ не засѣдаетъ ни одного патріарха. И даже, если бы чинъ патріаршескій въ великороссійской Церкви сохранился, то и патріархъ Московскій съ соборомъ русскихъ епископовъ не могъ бы снять клятвы 1667 года, положенной соборомъ, въ которомъ, кромѣ патріарха Московскаго, засѣдали еще два старѣйшихъ его патріарха и въ томъ числѣ судія вселенной, Куръ Палсій, папа и патріархъ Александрійскій ⁽²⁾. Мы знаемъ, что приведенныя сейчасъ недоумѣнія раскольниковъ разрѣшены уже однимъ изъ нашихъ архипастырей ⁽³⁾. Жаль только, что эти объясненія раскольническихъ недоумѣній по поводу единовѣрія написаны слишкомъ недавно и едва ли скоро могли сдѣлаться извѣстными большинству заблуждающихъ. Что же касается другой мысли раскольниковъ о единовѣрїи, будто оно допущено Церковію неискренно, но съ хитрою цѣлію — сдѣлать со

⁽¹⁾ Это ошибка; при посвященїи епископа эти пѣсни не поются; они поются только при рукоположенїи священниковъ и діаконовъ.

⁽²⁾ Сборн. Прав. распор. о раск. Кельсiev. вып. перв. стр. 172—3.

⁽³⁾ Свѣд. о единов. церкв. М. 1858 г. л. 43 об.

временемъ: единоверцевъ православными, то, въ сожалѣнію, къ такому взгляду на единоверіе могли подать поводъ некоторые административныя распоряженія. Такъ извѣстно, что еще въ то время, когда только возникла у некоторыхъ раскольниковъ въ Черниговскихъ пса-дахъ мысль о единоверіи, некоторые изъ духовныхъ властей вели себя въ отношеніи къ разсматриваемому предмету такъ, что раскольники, изъявившіе согласіе на принатіе благословеннаго священства, серьезно стали думать, не ожидаютъ ли отъ нихъ безусловнаго единенія съ Церковію и пражитія обрядовъ по новопечатнымъ книгамъ. Преосвященный Таврической Амвроіей вмѣсто того, чтобы, на основаніи Высочайшихъ указовъ (1784 и 5 годовъ) о дарованіи старообрядцамъ священниковъ, съ дозволеніемъ отправлять всю службу по старопечатнымъ книгамъ, дать раскольникамъ „благословенное священство“, не только долгое время не исполнялъ ихъ просьбъ объ этомъ предметѣ, но даже прямо высказалъ желаніе, чтобы раскольники приняли новыя книги. „Если примете новыя книги, то я и безъ княжескаго вѣдома дамъ вамъ священниковъ“, говорилъ онъ настоятелю Никодимова монастыря Виталію и Якову Бѣляеву, которыхъ Никодимовцы прислали къ Преосвященному съ просьбою объ ихъ рукоположеніи. Неудивительно, что на эти слова недовольные иноки отвѣчали: „сто тридцать лѣтъ слышимъ мы это, ваше высокопреосвященство; еслибы мы хотѣли принять новыя книги, то намъ недля чего было бы и ѣздить по нѣскольку разъ за 500 верстъ; у насъ за двѣ версты есть такія церкви“ (1). Потомъ, при окончательномъ устройствѣ единоверія въ

(1) Странникъ 1863 г. Апрель, стр. 27, ст. „согласные и несогласные“.

1800 г., когда поданы были московскими старообрядцами митрополиту Платону известныя пункты о дарованіи имъ правильныхъ священниковъ, Московскій владыка, не ограничившись утверженіемъ (полнымъ, или неполнымъ) выраженныхъ раскольниками желаній, счелъ нужнымъ сдѣлать въ концѣ нѣсколько замѣчаній о взглядѣ православной Церкви на единовѣріе; но мысли Московскаго архипастыря, единовѣріе съ сохраненіемъ въ немъ обрядовыхъ погрѣшностей допущено Церковію по снисхожденію къ немощной совѣсти раскольниковъ и съ тою „благою надеждою, что единовѣрцы со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ неразиствующее съ Церковію придутъ согласіе“. Этими словами, очевидно, давалось знать старообрядцамъ, изъявившимъ согласіе на принятіе благословеннаго священства, что единовѣріе допускается только, какъ временная мѣра, и что рано или поздно единовѣрцы должны будутъ принимать не одно благословенное священство, но и содержимыя православною Церковію чины и обряды. Было бы странно осуждать желаніе Церкви, чтобы всѣ чадъ ея были согласны съ нею не только въ вѣрѣ, но и въ самыхъ обрядахъ церковныхъ, чтобы они были утверждены не только *въ томъ же разумнѣи и въ тойже мысли, но и тоже де глаголали вси* (1 Кор. 1, 10); но зная горячую привязанность старообрядцевъ къ обрядовымъ разностямъ, признаннымъ Церковію неправильными и однакоже допущеннымъ ею въ единовѣрїи, нельзя не подумать, что, можетъ быть, слишкомъ рано поспѣшили у насъ гласно, печатно заявить такой взглядъ на единовѣріе, какъ на *переходную* церковь; это заявленіе послужило причиною того, что раскольники стали считать и называть единовѣріе по-своему: *ловушкой*—и, опасаясь быть лишен-

ными съ теченіемъ времени своихъ старыхъ обрядовъ, не охотно стали принимать отъ Церкви и благословенныхъ священниковъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по замѣчанію нѣкоторыхъ, до 1800 года присоединеніе къ единовѣрью, еще не организованному, было несравненно сильнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи (1).

Были и другія причины, которыя на первыхъ же порахъ поселили въ раскольникахъ недовѣріе къ распоряженіямъ Церкви касательно единовѣрія. Раскольники, изъявившіе согласіе на единовѣріе, какъ извѣстно, просили себѣ не только благословенныхъ священниковъ, но и „архипастыря на старинные обряды“. Мы не знаемъ навѣрно, обѣщала ли, какъ думаютъ нѣкоторые, власть церковная исполнить это желаніе раскольниковъ; но знаемъ, что архіереи единовѣрческіе не существуютъ и до настоящаго времени. А между тѣмъ это обстоятельство даетъ раскольникамъ поводъ считать единовѣрческую церковь, какъ неимѣющую архіереевъ, неправильно образованною, непрочною. Далѣе: раскольники, изъявившіе согласіе на единовѣріе, не только не получили отъ власти церковной „архипастыря на старинные обряды“, какъ того желали и просили, но, какъ мы уже замѣчали, очень долго не имѣли и благословенныхъ священниковъ. Мы знаемъ, что причины этого печальнаго обстоятельства скрывались во вмѣшательствѣ въ дѣло единовѣрія свѣтскихъ вліятельныхъ лицъ, обратившихъ дѣло чисто духовное, обративъ въ административное средство къ тому, чтобы заставить раскольниковъ переселиться въ Таврическую область. Но рас-

1) Кельс. вып. перв. стр. 183.

кольники не имѣли ни побужденій, ни возможности вникать въ зависимость православныхъ архипастырей отъ свѣтлѣйшихъ Потемкиныхъ; они видѣли только, что, вопреки Высочайшимъ указамъ и обѣщаніямъ членовъ Св. Синода, имъ не даютъ пастырей, которыхъ они просятъ, и такимъ образомъ лишаютъ ихъ средствъ ко спасенію, которыхъ заблуждающіе искали въ союзѣ съ Церковію. Къ какимъ горькимъ заключеніямъ о Церкви и о самомъ единовѣрїи могло приводить раскольниковъ подобное невниманіе къ ихъ духовнымъ нуждамъ, это всего лучше можно видѣть изъ прошенія, поданнаго старообрядцами въ 1787 году преосвященному митрополиту Петербургскому Гавріилу. Описавъ со всею подробностію исторію своихъ безуспѣшныхъ просьбъ преосвященному Таврическому Амвросію, которому поручено было дать старообрядцамъ благословенное священство, они продолжали: „Еда крѣпость наша — крѣпость каменная, и мышцы наши суть мѣдьяны (Іов. 6, 12)? Не просили ли мы всякимъ образомъ у вашего архипастырства богоподражательныя милости въ цѣлыя пять лѣтъ прошенія нашего, и болѣе не получили, какъ ту самую милость, о которой глаголетъ Апостоль Іаковъ (Соб. посл. гл. 2, ст. 15): аще братъ или сестра наги будутъ и лишени будутъ денныя пищи: речеть же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, каа польза? Мы вамъ открыли, яко искусному лѣкарю, разнаго рода раны, но вы не точію не уврачевали, но и оставили насъ безъ призрѣнія и злосчастно умирать, а иныхъ паки отвратили отъ соборныя Церкви, а иныхъ подвинули на хулы, понеже дали мѣсто ихъ словамъ: „вотъ-де ваши пастыри“, да и только вы насъ истоми-

ли, не подавши намъ дѣятельнаго пластыря, отъ чего не точію простой народъ взошелъ въ сумнѣніе о пастьряхъ и о Церкви, мы сами убѣждаемся, что дѣлается. Мы, церкви рачители, скажемъ, что въ пятьдесятъ бы кратъ было приращеніе, ежели бы вскорѣ дано было благословенное священство, а нынѣ ни подѣ какимъ видомъ уже Церкви столько приращенія не будетъ, затѣмъ, что всѣмъ дали образъ жестокосердія. Понеже мы просили на старинные обряды архипастыря; но вы не соблаговолили. Мы просили священника съ тѣмъ, чтобы посвященъ былъ къ намъ на старинные обряды; но и того не соблаговоляете. А мы ясно видимъ Императорское повелѣніе, а зачѣмъ не даетъ Преосвященный? Мы не вѣдаемъ за нами противнаго Церкви, ни ереси; а только указываетъ на князя“ (1). И хотя послѣ этого прошенія, по распоряженію Св. Синода, былъ посланъ въ Староубскія слободы для устройства единовѣрія священникъ Ѳтенской въ С.-Петербургѣ церкви, Андрей Іоанновъ Буравлевъ, но и этотъ ревнитель православія долго трѣпчалъ препятствія своимъ трудамъ то въ интригахъ Ѳтскихъ чиновниковъ, то въ холодности къ дѣлу единовѣрія самого начальства епархіальнаго, — такъ что кно удивляться, какъ еще не охладѣла совершенно сердцахъ старообрядцевъ горячая ревность о единествѣ Церковію, какъ они, встрѣчая на каждомъ шагу рудненія, невнимательность, холодность, окончательне потеряли довѣрія къ русской іерархіи и не брочачаго дѣла (2). Такъ было съ единовѣріемъ на

Странникъ. 1863 г. Апрель стр. 29—30.

Довольно подробный рассказъ о первоначальномъ устройствѣ единовѣрія см. въ Странникѣ 1863 г. Апрель и Май въ статьѣ: „согласные гласные“.

первыхъ порахъ. Но еслибы намъ пришлось описы-
вать послѣдующую судьбу его—до нашихъ дней, то,—
скажемъ чужими словами, — „мы вынуждены были бы,
во имя исторической истины, рисовать опять ту же гру-
стную картину недовѣрчивости и подозрительности къ его
правдивой идеѣ, холодности къ его успѣхамъ, подкуп-
ности чиновничьяго люда, который находитъ свою жал-
кую выгоду поддерживать на тѣлѣ русскаго общества
даже такую язву, какъ расколъ, поражающую лучшія
силы народа. Намъ пришлось бы процитовать не одну
слезную просьбу людей, „приверженность имѣющихъ
ко святѣй Церкви“, выставить не одинъ безжизненный
номеръ лживой дѣловой бумаги... Видно, въ идеѣ едино-
вѣрія есть особая крѣпость и живучесть, когда оно, не
смотря на всѣ невзгоды, существуетъ около ста лѣтъ“. Таковы
заключительныя слова автора статьи о перво-
начальной судьбѣ единовѣрія, помѣщенной въ „Стран-
никъ“ за 1863 годъ, — слова, полныя горькой правды.
Къ этимъ словамъ, кажется, нечего прибавлять, чтобы
видѣть, почему раскольники, ратующіе за обрядовыя
разности, существующія между ними и православною
Церковію, съ трудомъ присоединяются къ единовѣрію,
хотя въ немъ эти разности и дозволены.

На основаніи словъ самихъ раскольниковъ, можно
указать и еще нѣсколько причинъ, по которымъ старо-
обрядцы не принимаютъ правилъ, таинствъ и священ-
ства единовѣрческой церкви. Эти причины изложены въ
одной запискѣ, поданной въ 1840 году настоятелемъ
старообрядческаго Иргизскаго монастыря, старцемъ Си-
дуаномъ, единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и
Зосимъ. Вотъ ихъ сущность: единовѣрческая церковь
основывается на состоявшемся въ 1800 году мнѣніи ми-

трополита Платона и потому она представляется раскольникамъ церковію *новою* и слѣдовательно не апостольскою, какою, по Символу, должна быть Церковь истинная. Кромѣ того единовѣрцы должны признавать, кромѣ *своей*, еще другую Церковь — великороссійскую, отъ которой получаютъ они благодатныя архипастьрскія дарованія, и слѣдовательно, вопреки Символу, должны вѣровать не въ едину, а въ двѣ церкви. По смыслу 1-го и 5-го пункта заключенія мнѣнія митрополита Платона, священство единовѣрческое обязано признавать положенныя на Московскомъ соборѣ 1667 года клятвы на содержимыя раскольниками обряды возложенными праведно, — почитать перемѣны, сдѣланныя Никономъ въ церковномъ ученіи и чинослуженіяхъ за святыя и спасительныя и кромѣ того — стараться привести духовныхъ дѣтей своихъ „ни въ чемъ въ неразиствующее съ Церковію согласіе“. Раскольники, по ихъ отзыву, не могутъ принудить свою совѣсть къ тому, чтобы мыслить такъ — согласно съ единовѣрческимъ священствомъ, а потому не могутъ и принять этого священства для исправленія свято чтимаго имъ стариннаго служенія. Въ Пращицѣ пр. Питирима, зданной въ 1752 г., по благословенію св. Синода, сказано, что священникъ, служащій, вопреки предписанію церкви, литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, проклятъ, отлученъ и изреченъ и таинство, совершаемое такимъ священникомъ, не можетъ „быти сущее святое Тѣло Христово и Кровь Христово“. Не подвергаются ли этой клятвѣ, спрашиваютъ раскольники, и священники единовѣрскіе, совершающіе литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ осьмиконечнаго креста и проч. И таинство, совершаемое ими, есть ли истин-

ное таинство? Епархіальные архіереи только единовѣрческихъ священниковъ благословляютъ служить литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, молятся двуперстнымъ сложеніемъ, читаютъ аллилуіа по дважды, а въ третій разъ: „слава Тебѣ, Воже,“ отправляютъ все церковное богослуженіе по древнимъ чиноположеніямъ, а сами совершаютъ свое ежедневное служеніе по новоизданнымъ книгамъ, которыхъ единовѣрцы не принимаютъ. Подчиняться такимъ архипастырямъ, которые одно говорятъ, а другое дѣлаютъ, раскольники находятъ дѣломъ „несноснымъ для совѣсти“ и чуждымъ христіанскому обычаю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (продолжаетъ Силуанъ) епархіальными властями нарушены нѣкоторые пункты Высочайше утвержденнаго мнѣнія М. Платона. Такъ по 2-му пункту, священниками къ единовѣрческимъ церквамъ нельзя опредѣлять прежнихъ (бѣглыхъ) раскольническихъ поповъ, какъ „бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего“; а между тѣмъ такіе попы нерѣдко назначаются епархіальнымъ начальствомъ къ единовѣрческимъ церквамъ. Въ 16-мъ пунктѣ мнѣнія Платона сказано, чтобы „не было хулы ни съ единой стороны за содержаніе разныхъ обрядовъ“, а между тѣмъ кромѣ того, что въ Псалтиряхъ и доселѣ осуждается двуперстіе, въ 1839 году издана съ разрѣшенія духовной цензуры книга подъ названіемъ: „доказательства о древности трехперстнаго сложенія съ дополненіемъ“, въ которой двуперстное сложеніе называется плевеломъ, всѣяннымъ отъ врага-человѣка, т. е. отъ дьявола, армянскимъ преданіемъ, — вражескою прелестію, которою врагъ уловляетъ людей въ свою волю, а молящіяся двуперстнымъ сложеніемъ „вѣвняются, какъ язычники, невѣрныя и мытари“. Подобное, обидное для еди-

новѣрцевъ, нарушение основаній единовѣрческой Церкви, утвержденныхъ соборомъ архипастырей и самимъ Монархомъ, не ручается, говорятъ раскольники, за твердость и неизмѣнность и всего другаго, что даровано единовѣрцамъ. При распространеніи ученія и предѣловъ единовѣрческой церкви между старообрядцами употребляются духовными лицами, при помощи свѣтской власти, разнаго рода насилія, нерѣдко даже военное оружіе, что „не согласно съ распространеніемъ кроткой и безпритязательной апостольской проповѣди, противорѣчитъ ученію Спасителя, сказавшаго: аще кто услышитъ глаголы Моя и не вѣруетъ, Азъ не сужу ему“ (Іоан. XII, 47), и приводитъ раскольниковъ къ сомнѣнію въ справедливости самаго дѣла, которое утверждается жестокостію и насиліемъ. Таковы причины, по которымъ раскольники затрудняются присоединяться къ единовѣрцію, не смотря на то, что въ немъ дозволены всѣ тѣ обрядовыя разности, изъ-за которыхъ они отдѣляются отъ Церкви православной. Надѣмся, читатели наши знаютъ, что на всѣ указанныя возраженія раскольниковъ представлены уже объясненія въ пользу единовѣрція въ извѣстной книгѣ: „отвѣтъ единовѣрца старообрядцу на его возраженія“ (1857 г.) (1).

Наконецъ не можемъ не указать еще на одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, немало препятствуетъ успѣхамъ единовѣрція. Это — опредѣленіе къ единовѣрческимъ церквамъ священниковъ, по избранію самихъ прихожанъ. Мы не противъ участія народа въ избраніи пастырей Церкви. Такой порядокъ вещей, нача-

(1) Мнѣніе раскольниковъ о единовѣрціи см. еще въ печатной „церковной исторіи“, вышедшей недавно за границей, ч. III, стр. 149—154.

ло котораго скрывается въ глубокой древности, можетъ имѣть благодѣтельныя слѣдствія и для самихъ пастырей и для пасомыхъ. Но въ приложеніи къ единовѣрію этотъ порядокъ не всегда оказывается полезнымъ для Церкви. Старообрядцы, изъявившіе по какимъ либо причинамъ согласіе на единовѣріе, иногда избираютъ изъ среды своей священниками для себя такихъ людей, которые не только не питаютъ особенной любви къ Церкви православнои и ея архипастырямъ, но нерѣдко сочувствуютъ болѣе расколу, чѣмъ православію. Не говоримъ уже о томъ, что избираемые иногда изъ крестьянъ и мѣщанъ, эти пастыри не имѣютъ въ себѣ тѣхъ качествъ, которыя необходимы священнику для нравственнаго вліянія его на паству. Отъ того и случается нерѣдко, что подобныя личности не только не заботятся о присоединеніи къ единовѣрію старообрядцевъ, напротивъ православныхъ увлекаютъ въ единовѣріе и, можетъ быть, даже въ расколъ. Получаемое ими священство служить нерѣдко только личиною, прикрываясь которою эти наемники потворствуютъ расколу, считая своими прихожанами такія лица, которыя на самомъ дѣлѣ бываютъ заклятыми раскольниками. Зависимость единовѣрческихъ священниковъ отъ одного епархіальнаго архіерея, живущаго въ губернскомъ городѣ, даетъ имъ возможность совершать иногда самыя темныя дѣла. Намъ рассказывали объ одномъ единовѣрческомъ священникѣ изъ рижскихъ мѣщанъ, который въ теченіе пяти лѣтъ не служилъ ни одной литургіи, а только часы и обѣдницы. А между тѣмъ прихожане его постоянно пишутся бывшими у исповѣди и святаго причастія. Дѣло въ томъ, что по Высочайше утвержденному мнѣнію М. Платона о единовѣрціи (въ 6-мъ пунктѣ), единовѣрческіе священники за-

висятъ *только* отъ епархіальныхъ архіереевъ и св. Синода; но если уже нельзя подчинить ихъ надзору мѣстныхъ православныхъ благочинныхъ, то по крайней мѣрѣ не излишне было бы обращать болѣе строгое вниманіе на выборъ лицъ для единовѣрческихъ причтовъ. А то иногда случается, что священникомъ при известной единовѣрческой Церкви служитъ отецъ, дьячкомъ его сынъ, просфирней родная его сестра. При такой круговой поруцѣ, все, что бы ни сдѣлалось, будетъ скрыто, и въ глазахъ епархіальнаго начальства подобныя причты всегда будутъ самые исправныя. Бываютъ и другаго рода казусы съ единовѣрческими священниками, избранными по желанію прихожанъ. Намъ рассказывали, что одно единовѣрческое общество избрало для рукоположенія во священника крестьянина, котораго рекомендовало мѣстному епархіальному начальству, какъ самаго благонадежнаго по вліянію его на окрестныхъ старообрядцевъ; а между тѣмъ едва успѣлъ этотъ благонадежный кандидатъ получить хиротонію, какъ оставилъ и своихъ избирателей, и самую церковь, и убѣжалъ къ раскольникамъ. Священство ему нужно было только для того, чтобы снабдить имъ нуждавшихся тогда въ бѣглыхъ понахъ раскольниковъ. Вотъ во избѣжаніе подобныхъ непріятностей желательно было бы, чтобы на составъ единовѣрческихъ причтовъ обращалось епархіальными начальствами особенное вниманіе. Не уважать въ этомъ случаѣ желаній прихожанъ нельзя; но и стѣсняться ими много нѣтъ большой нужды, особенно если эти желанія несогласны съ благими намѣреніями Церкви и съ интересами православія. Что нибудь одно: если старообрядцы, изъявившіе согласіе на единовѣріе, искренно желаютъ единенія съ Церковію; въ такомъ случаѣ для нихъ должно быть все равно, кто

бы ни былъ у нихъ священникомъ, лишь бы только онъ былъ истиннымъ пастыремъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и неуклонно слѣдовалъ предписаніямъ старыхъ книгъ; а такими пастырями могутъ быть и лица, рожденные и воспитанные въ православіи и получившія надлежащее образованіе. Если же присоединеніе къ Церкви тѣхъ или другихъ старообрядцевъ неискренно,—въ такомъ случаѣ постоянно исполняя ихъ желаніе при назначеніи священниковъ, можно иногда облечь званіемъ пастыря Церкви не пастыря, а волка, который вмѣсто пользы принесетъ только вредъ Церкви православной.

Такимъ образомъ и слабые успѣхи единовѣрія, въ которомъ дозволены защищаемыя расколомъ разности, ни мало не противорѣчатъ нашему взгляду на расколъ, какъ на религіозную общину. Безуспѣшіе единовѣрія зависятъ не отъ того, будто для раскола дѣло вѣры, выражаемой въ церковной практикѣ такъ, или иначе,—вещь неважная, но совершенно отъ другихъ причинъ, которыя частію мы уже указали.

(Окончаніе впродъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

(по поводу брошюры: „Земство и расколъ“, А. Щапова,
1862 года.)

(Окончаніе).

Но если, какъ старались мы доказать, расколъ живеть одними религіозными интересами, если раскольники отдѣляются отъ Церкви и православнаго общества собственно изъ-за вѣры, будто бы неправо исповѣдуемой православною Церковію, — то что же значать въ такомъ случаѣ нападки раскольниковъ на разнаго рода существующія государственныя учрежденія и гражданскіе порядки? Не значить ли это, что расколъ недоволенъ не однѣми перемѣнами церковными, но и реформами государственными, и что слѣдовательно онъ составляетъ не чисто религіозную общину, но вмѣстѣ и гражданскую, и именно въ смыслѣ оппозиціи податнаго земства централизаціи, стѣснившей гражданскую свободу народа, права мысли и совѣсти, легкой тяжелымъ гнѣтомъ на жизнь народную и проч. и проч. Что раскольники недовольны не только господствующею Церковію, но и существующимъ государственнымъ порядкомъ, объ этомъ мы уже говорили. Только причины недовольства раскольниковъ „всероссійскою имперіею“ далеко не тѣ, какія указываетъ г. Щаповъ, и именно — онѣ скрываются не въ стремленіи раскольниковъ къ

гражданской свободѣ, угнетаемой будто бы абсолютизмомъ власти, централизаціей, — не въ стремленіи ихъ къ лучшему земскому устроенію по изстариннымъ свое-народнымъ началамъ, — помимо государственныхъ распоряженій, стѣснительныхъ для земскаго дѣла, но въ своеобразномъ взглядѣ раскольниковъ на перемѣны не только церковныя, но и гражданскія. Г. Шаповъ говоритъ (1), что еще Алексѣй Михайловичъ, при которомъ и начался расколъ, „государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писался самодержцемъ“, что еще этотъ царь началъ болѣе другихъ московскихъ государей сдавливать земство, что еще при немъ народъ много страдалъ отъ прибыли государевой казны, отъ тяжелыхъ налоговъ, отъ притѣсненія бояръ (стр. 21 — 5). И однакоже какъ относился къ власти расколъ въ это время? Онъ съ полнымъ довѣріемъ обращался къ царю съ своими челобитными, съ вѣрноподданническими чувствами просилъ его защитить старую, правую вѣру и ни однимъ словомъ не выразилъ своего недовольства самодержавіемъ царя, его государственными распоряженіями, стѣснительными для земства. Правда недовольство народа тяжелыми для земства мѣрами правительства выражалось и въ правленіе Алексѣя Михайловича — бунтами и побѣгами; но расколъ не принималъ въ этомъ никакого участія, а если и принималъ, то только потому, что онъ сосредоточивался въ томъ же самомъ народѣ, который не могъ вынести своего гора — злосчастія. Если же, какъ думаетъ г. Шаповъ,

(1) Угнетеніе земства, по словамъ г. Шапова, началось еще съ Іоанна III и съ сына его Василія Ивановича, который, по словамъ летописи, первый повелѣлъ писать себя самодержцемъ и принялъ на себя областныя титулы (стр. 68).

расколъ возсталъ на защиту правъ земства, то какъ объяснить то, что онъ молчалъ объ этихъ правахъ предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а заявлялъ предъ нимъ желанія другаго рода — чисто религіозныя. Объясненіе очень простое. Расколу тяжелы были не распоряженія власти свѣтской, стѣснявшія права народа, но распоряженія власти церковной, будто бы губившей правую вѣру. И вотъ доколѣ царь не объявилъ себя окончательно на сторонѣ послѣднихъ распоряженій, раскольники относились къ нему, какъ къ царю, съ покорностію и довѣріемъ. Такъ было въ самомъ началѣ раскола, когда Аввакумъ, Никита, Лазарь, епископъ вятскій Александръ и др. подавали царю свои прошенія, дабы „онъ старое благочестіе възскалъ и святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолѣ патриаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона злодѣя“ (1); такъ было и до самой смерти Алексѣя Михайловича. Соловецкіе бунтовщики не прежде рѣшились биться противъ государевыхъ ратныхъ людей, какъ получивъ отказъ на свою челобитную, въ которой писали: „повели, Государь, намъ быти въ томъ же благочестіи и преданіи, въ коемъ чудотворцы наши... угодили Богу... Аще ли твой великаго государя, помазанника Божія и царя, гнѣвъ на насъ грѣшныхъ изліется... лучше намъ временною смертію умерети“. Опять ни слова о дѣлахъ гражданскихъ, и все — только о вѣрѣ. Замѣчательны въ этомъ случаѣ слова пр. Аввакума въ посланіи, писанномъ имъ Алексѣю Михайловичу уже изъ Пустозерскаго острога. Прося царя обратиться къ древнему

(1) Жит. Аввак.

благочестію, нарушенному будто бы Никономъ и его послѣдователями—архипастырями русскими, Аввакумъ писалъ: „нечего уже намъ говорить съ ними: все дѣло въ тебѣ, царю, затворилоя и за однимъ тобою стоитъ“ (1). Изъ этихъ словъ видно, что расколъ ходатайствовалъ предъ Алексѣемъ Михайловичемъ единственно за вѣру и ходатайствовалъ въ той надеждѣ, что царь, быть можетъ, сознаетъ неправоту перемѣнъ церковныхъ, сдѣланныхъ Никономъ, и заступится за древнюю, правую вѣру. Самыя строгія мѣры царя противъ раскола объяснялись до времени послѣдователями его недоразумѣніемъ со стороны царя, признавались дѣйствіями, внушенными ему другими, и нисколько не умаляли въ раскольникахъ преданности власти. „Чѣмъ больше ты насъ оскорбляешь, писалъ Алексѣю Михайловичу тотъ же Аввакумъ, мучишь и томишь, тѣмъ больше мы тебя, царя, любимъ и молимъ Бога о тебѣ до смерти твоей и своей“ (2). Правда и противъ Алексѣя Михайловича уже слышатся упреки со стороны раскола, — и его нѣкоторые расколотчики называли не „владыкой, а мучителемъ“, но за что? Не за угнетеніе имъ земства, не за обременительныя распоряженія его противъ народа, а за то, что „царь съ Никономъ отступи отъ св. православныхъ вѣры, и всю церковь Божию отъ всего благолѣпія обнажи“ (3).—Таковы были отношенія раскола къ свѣтской власти при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ слѣдующее за тѣмъ правленіе Θεодора Алексѣевича и въ правленіе Софьи Алексѣевны расколъ не измѣнялъ своихъ отно-

(1) Разск. изъ истор. стар. Максим. стр. 97.

(2) Тамъ же стр. 99.

) Русск. раск. старообр. стр. 91.

шеній къ царской власти и съ довѣріемъ обращался къ ней съ тѣми же просьбами о защитѣ старой вѣры. Теодору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ письмо, въ которомъ умоляетъ царя помочь дѣлу раскола. „Аще не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ“ (1). На Софью Алексѣевну раскольники надѣялись еще больше, — такъ что, явившись въ 1682 году въ отвѣтную палату прямо и смѣло говорили: „мы пришли сюда побить челомъ великимъ государямъ о старой православной вѣрѣ, чтобы они повелѣли патріарху и властямъ служить по старымъ книгамъ, на семи просѣрахъ, а не на пяти и употреблять на просѣрахъ трисоставный крестъ, а не крестъ латинскій. Если же патріархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ: то повелѣли бы ему дать съ нами праведное разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній, почему онъ на это несогласенъ и за что предастъ проклятію и казнить людей, держащихся старой вѣры, какъ недавно казнилъ Соловецкій монастырь“ (2). Изъ этихъ словъ видно, что даже въ 1682 г. раскольники хлопотали предъ властію только о томъ, чтобы она возстановила старую вѣру, и самыя казни приписывала власти не свѣтской, а духовной. А между тѣмъ, повторимъ, и въ указываемое нами время народъ нашъ страдалъ, терпѣлъ много зла. Спрашиваемъ опять: чѣмъ объяснить эту сосредоточенность раскола на однихъ религіозныхъ интересахъ, если онъ имѣлъ въ виду не вѣру, а свободу и благосостояніе земства?

Со временъ Петра 1-го отношенія раскольниковъ къ свѣтской власти измѣняются. Съ этого времени раскольники дѣйствительно начинаютъ протестовать не только

(1) Опис. сочинен. раск. А. Б. ч. II, стр. 37.

(2) Истор. р. раск. стр. 222—3, изд. 1-е.

противъ Церкви, но и противъ государства, выражаютъ недовольство не только перемѣнами церковными, начавшимися въ патриаршество Никона и продолжавшимися послѣ него, но и преобразованіями чисто гражданскими, нововведеніями государственными. Но эта перемѣна въ расколѣ произошла не потому, будто бы онъ съ этого времени оставилъ религіозные интересы и сдѣлался гражданской демократической общиной, но вслѣдствіе другихъ причинъ, опять, чисто религіозныхъ.

Мы уже замѣчали, что до воцаренія Петра раскольники главной причиной всѣхъ своихъ несчастій считали власть церковную. Она, по мнѣнію раскольниковъ, была виновна въ перемѣнѣ вѣры, она преслѣдовала анаемой ревнителей древняго благочестія,—до ея же внушенію и обольщенію казнила раскольниковъ и власть свѣтская, которая поступала такъ только потому, что была введена въ обманъ касательно справедливости требованій послѣдователей старины (*). Поэтому-то, осыпая

(*) Мысль, что власть свѣтская введена въ обманъ властію церковною, какъ видно изъ сочиненій раскольническихъ, долго оставалась въ расколѣ (Сбор. Кельсіев. вып. перв. стр. 211—12). Впрочемъ наряду съ этою мыслию стала высказываться раскольниками послѣдняго времени и другая совершенно противоположная ей мысль, будто со временъ Петра, съ учрежденія Св. Синода, сама власть церковная стала дѣйствовать во всемъ по приказанію власти свѣтской. „Тогда убо прежде сего ону преимуществу надъ всѣми властью упраздни (Петръ), читаемъ въ Цвѣтникѣ Евеміа, основателя секты странниковъ, сирѣчь патриарше лице отстави, яко хотяще въ намѣреніяхъ онѣхъ явческихъ дѣлѣ ему препятствовати и состави Синодъ... И тогда убо оная духовная власть ничтоже нача безъ повелѣнія его дѣйствовати, якоже и нынѣ видимо есть: вся бо воля отъ нея отъ духовныхъ гражданскою властію; не могутъ бо воспретити и отлучити отъ своея церкви ядущихъ въ посты и въ постные дни мясо и имущихъ женъ наложницъ, или въ операхъ творящихъ бѣснованіе на воскресные и господскіе праздники, всеу бо о постѣхъ и воздержаніи и цѣломудріи и прочемъ проповѣдаютъ“. (Кельсіев. вып. четверт. стр. 265—6).

власть церковную и ея представителей всевозможными ругательствами и клеветами, раскольники, какъ мы видѣли, съ почтеніемъ относились къ власти свѣтской, надеясь, что она рано или поздно пойметъ правоту ихъ и защититъ ихъ святое дѣло. Съ воцареніемъ Петра раскольники увидѣли, что они жестоко ошибались, рассчитывая на возвращеніе прежняго порядка вещей, при посредствѣ свѣтской власти. Петръ великій въ первые же годы своего царствованія показалъ ревнителямъ старины, что онъ не только не намѣренъ защищать ихъ дѣла противъ власти церковной, но напротивъ поставилъ своей задачей къ прежнимъ реформамъ, тяжелымъ для раскольниковъ, присоединить новыя преобразованія,— намѣренъ совершенно пересоздать Русь православную, начиная съ самой власти церковной и оканчивая послѣднимъ гражданиномъ, которому приказалъ преобразиться по иностранному образцу. Можно понять, какъ должны были посмотрѣть раскольники на новаго царя, рѣшившаго совершенно уничтожить любимую ими старину и объявившаго, что всякій, кто вздумалъ бы противиться его нововведеніямъ, будетъ считаться врагомъ государя и государства и получить достойное возмездіе. Если реформы Петра возбуждали недоумѣнія, неудовольствія, ропоть и даже явное противодѣйствіе даже въ лицахъ, принадлежавшихъ къ Церкви и потому считавшихъ царя—царемъ православнымъ, помазанникомъ Божиимъ; то что же сказать о раскольникахъ, которые по тому одному, что Петръ рѣшительно объявилъ себя на сторонѣ новыхъ порядковъ въ Церкви и противъ раскола и вообще старины, считали его еретикомъ, царемъ неправославнымъ? Если и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, относившемся къ расколу болѣе снисхо-

дительно, оказывавшемъ даже милости нѣкоторымъ его вождамъ и дѣйствовавшему иногда противъ ревнителей старины строго только будтобы по необходимости, по настоянiю патрiарха,—если и объ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣкоторые раскольники позволяли себѣ говорить „такія слова, что не только написать, но и помыслить страшно,“—то легко себѣ представить, какіе толки поднялись въ расколѣ о Петрѣ, гласно объявившемъ себя противъ всякой старины, а слѣдовательно и противъ раскола. Еще и прежде носились между раскольниками неясныя толки о послѣднихъ временахъ, о кончинѣ міра, объ антихристѣ. Еще дьяконъ Федоръ писалъ: „вездѣ бо бысть послѣдняя русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царями неблагочестивыми.“ Первые расколоучители указывали даже своимъ послѣдователямъ лица, которыя, по ихъ мнѣнiю, были если не антихристы, то по крайней мѣрѣ предтечи его. Лица, заклеянные именовъ врага рода человѣческаго, сошли со сцены, кончины міра еще не было, но мысль о послѣднихъ временахъ не переставала занимать умы раскольниковъ. И вотъ является Петръ, который, „увѣровавъ самъ въ поганныхъ нѣмцевъ“, начинаетъ принуждать къ тому же и всѣхъ своихъ подданныхъ, который уничтожаетъ патрiаршество, обращаетъ монастыри въ богадѣльни для раненыхъ солдатъ, не соблюдаетъ установленныхъ Церковію постовъ, который, самъ перерядившись въ нѣмца, приказываетъ сдѣлаться нѣмцами и своимъ подчиненнымъ, брѣетъ имъ бороды, образъ и подобіе Божіе, одѣваетъ ихъ въ нѣмецкіе кафтаны,—который взялся перемѣнить то, что во власти одного Бога,—*времена и лета*, установивъ праздновать начало новаго года 1-го января, вмѣсто 1-го сентября,

какъ будто „могъ государь перемѣнить солнечное теченіе“, который наконецъ, „ревнуя римскому преданію, сталъ гнать и мучить въ древлеотеческомъ преданіи пребывающихъ старовѣрцевъ, истребляя отъ земли память ихъ, называя ихъ раскольниками и еретиками и заблудниками и погибшими“. Смотри на всѣ эти дѣла великаго преобразователя, раскольники приходили къ одному заключенію, —тому, что дѣйствительно настали послѣднія времена и царь Петръ Алексѣевичъ — не царь, а антихристъ. — Не мѣсто здѣсь показывать, какъ могло составиться у раскольниковъ такое страшное понятіе о великомъ преобразователѣ земли русской. Если, какъ показываютъ современныя свидѣтельства, и весьма многія лица православныя, даже образованныя по своему времени, чуждыя всякихъ мистико-апокалипсическихъ воззрѣній, не прочь были считать Петра Великаго врагомъ вѣры, то въ раскольникахъ, напуганныхъ предсказаніями первыхъ расколоучителей о послѣднихъ временахъ, подобный взглядъ могъ составиться еще легче и скорѣе. Мы обратимъ вниманіе на другую сторону предмета, именно на то, на сколько искренности было въ вѣрованіи раскольниковъ, будто Петръ—антихристъ. Г. Шаповъ, желая доказать свою мысль, что со времени Петра расколъ получилъ гражданско-демократическое направленіе и, оставивъ въ сторонѣ дѣло вѣры, занялся одними интересами земства, говоритъ, что и мнѣніе раскольниковъ о Петрѣ, какъ антихриствѣ, заставлявшее ихъ бѣжать изъ селъ и городовъ въ лѣса и пустыни, было не искреннимъ убѣжденіемъ раскола, а только оболочкой, подъ которой онъ скрывалъ цѣли чисто житейскія, практическія, именно—стремленіе народа къ самостоятельному, независимому земскому устрое-

нію (стр. 89—91). Правда ли это? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ послушаемъ, что говорятъ объ этомъ предметѣ современники Петра, свидѣтели его дѣлъ. „Не знаю, что и дѣлать, говорилъ солдатъ Растрѣгинъ, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ антихристъ“ (1). Ужели можно думать, что, говоря эти слова, Растрѣгинъ шутилъ, зная, что есть Преображенскій приказъ, гдѣ и не за такія рѣчи подымали на дыбу? „Петръ антихристъ. Онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ. Знаю—что-де Государь его убилъ, понеже онъ царевичъ въ городѣ (въ крѣпости) содержался“, говорилъ поэтъ Лебедка (2). Какими выгодами земства могъ руководствоваться духовникъ Меньшикова, произнося такія страшныя слова о Петрѣ, если бы мысль, что онъ антихристъ, не была его искреннимъ убѣжденіемъ? Вѣдь казнь у тѣхъ избу, которую понесъ Лебедка за свои слова (3), не такая вещь, чтобы пріобрѣталась шуткой? Или вотъ послушаемъ, о чемъ бесѣдуютъ между собой собравшіеся въ Керженскихъ лѣсахъ раскольники: „слушайте, говорилъ, обращаясь къ народу, учитель Кузьма Андреевъ. Нынѣ уже въ мірѣ антихристъ есть и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ—христіанамъ; а которые нынѣ живутъ въ мірѣ, помрутъ, и намъ тѣхъ поминать не надо и не довлѣетъ“ (4) Когда же одинъ изъ слушателей этой проповѣди, казакъ Левшутинъ, сталъ послѣ доказывать, что Петръ не антихристъ, а государь благочестивый, ходитъ въ церковь

(1) Расколн. дѣла XVIII стол. Есип. Т. 1, стр. 14.

(2) Тамъ же стр. 13.

(3) Тамъ же стр. 49.

(4) Тамъ же стр. 561.

и под., раскольникъ отвѣчалъ: „куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра. Въ книгахъ писано, что онъ антихристъ лукавъ и къ церкви прибѣженъ будетъ и ко всѣмъ милостивъ будетъ; а что Петръ въ церковь ходитъ—и въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ, для того ему и не возбраняется“. Такимъ образомъ самыя дѣла благочестія не спасали Петра отъ имени антихриста, потому что признавались лицемѣрными. Потомъ когда разговоръ о Петрѣ, какъ антихристѣ, затянулся, одинъ изъ раскольниковъ замѣтилъ: „да что, полно говорить, страшно; называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ дѣсу. Видите вы и сами, какое смятеніе между нами“ (1). Чего бы, кажется, страшиться раскольникамъ, жившимъ въ дремучихъ Керженскихъ лѣсахъ, если бы мнѣніе ихъ о Петрѣ, какъ антихристѣ, не составляло ихъ искренняго, задушевнаго убѣжденія? А наконецъ Гришка Талицкій, носившійся съ своими тетрадами о Петрѣ—антихристѣ, какъ съ самою дорогою святынею, читавшій ихъ и друзьямъ и знакомымъ—до тѣхъ поръ, пока не попалъ на костеръ, а Варлаамъ Левинъ, не знавшій отъ мысли о Петрѣ—антихристѣ покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ Петербургѣ, ни въ Пензѣ, доколѣ не была отсѣчена ему голова (2), развѣ эти и подобные имъ проповѣдники ученія о послѣднихъ временахъ и объ антихристѣ—въ лицѣ Петра жертвовали своими головами не по убѣжденію въ томъ, что проповѣдывали? Нѣтъ; думать, что ученіе раскольниковъ (и не однихъ ихъ) о Петрѣ, какъ антихристѣ, было не искреннимъ ихъ убѣжденіемъ, а только мистической оболочкой, подъ ко-

(1) Тамъ же стр. 564—5.

(2) Тамъ же статьи „Варлаамъ Левинъ“ и „Григорій Талицкій“.

торой ревнители старины маскировали совершенно другія, гражданско-демократическія стремленія, значить или не знать современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, или, зная ихъ, не понимать ихъ смысла.

Но какъ скоро составилось у раскольниковъ мнѣніе о Петрѣ, какъ антихристѣ, тогда уже все преобразованія его, даже чисто гражданскія, ни мало не относящіяся къ вѣрѣ, должны были представиться раскольникамъ дѣлами богопротивными и встрѣтить въ нихъ оппозицію себѣ. Раскольники очень хорошо знали, что антихристъ, по ученію отцевъ Церкви, „ничто же заповѣдуетъ истинно или здраво, но вся ложна и законопреступна и богопротивна“ (1); и вотъ во всѣхъ распоряженіяхъ Петра, каковы бы они ни были сами по себѣ, они стали отыскивать темную, антихристіанскую сторону. Мы не споримъ противъ того, что многія нововведенія Петра, напр. подати, паспорта, рекрутчина и др., были тяжелы для раскольниковъ и сами по себѣ, какъ тяжелы они были и для православнаго народа; мы только утверждаемъ, что еслибы эти нововведенія исходили отъ руки царя православнаго, по мнѣнію раскольниковъ, они не возбудили бы въ ревнителяхъ старины того горячаго протеста, какой явился въ расколѣ противъ распоряженій Петра, по его мнѣнію, антихриста. Мало этого: всматриваясь въ жалобы раскольниковъ на Петра, нельзя не замѣтить, что нововведенія его не нравились раскольникамъ именно тою своею стороною, которую мы указываемъ, т. е. замѣтными слѣдами въ нихъ уклоненія отъ строго-религіознаго духа предковъ, отъ православныхъ началъ древней Руси. Прочитайте

(1) Кельсiev. вып. четв. стр. 260.

напр. знаменитое раскольничье сочиненіе: „объ антихристѣ, еже есть Петръ I“; въ немъ высказанъ протестъ раскольниковъ противъ многихъ нововведеній Петра, самыхъ стѣснительныхъ для народа,—и эти нововведенія осуждаются раскольниками не потому, что они ложились тяжкимъ гнѣтомъ на народъ, а потому, что или начинались вопреки религіознымъ вѣрованіямъ раскольниковъ, или дѣлались, по ихъ мнѣнію, съ злою цѣлю — окончательно погубить православную вѣру, — а главное происходили отъ антихриста. Такъ раскольники возстали противъ заведенной Петромъ переписи народной, но не потому, что она каждаго русскаго дѣлала крѣпостнымъ государству, а потому, что цари *благодетельные* Иванъ Васильевичъ, Ѳедоръ Ивановичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ и даже Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, не дѣлали подобнаго народнаго истребленія,—потому еще, что истинные христіане отъ самаго крещенія своего бываютъ записаны въ книги животныя у самого Царя Небеснаго,—что, записываясь въ ревизію вмѣстѣ съ никоніанами, пришлось бы раскольникамъ считаться за одно съ людьми нечестивыми, что ревизія вообще дѣло нечестивое, такъ какъ отъ ней уклонился бѣгствомъ во Египетъ самъ Христосъ Спаситель и за нее былъ наказанъ Богомъ трехдневною моровою язвою, истребившею 70,000 чловѣкъ, самъ царь пророкъ Давидъ,—и наконецъ главное потому, что ревизія внушена была Петру гордостію жившаго въ немъ духа лукаваго съ хитрою цѣлю, „дабы ни одинъ могъ скрыться рукъ его“. Завопіяли раскольники и противъ *даней мношхъ*, наложенныхъ Петромъ на своихъ подданныхъ, но опять не потому, что онѣ отягощали народъ, а съ чисто-религіозной точки зрѣнія

на дѣло,—потому, что дани назначены были съ души, а „душа есть невидимаго существа Божій образъ, дебельствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносить Создателю своему дань душевную, вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную“,—потому еще, что дани брались и съ умершихъ до новой ревизіи, а это—знакъ послѣднихъ временъ и царствованія антихриста, по ученію Меѳодія Патарскаго. Не понравились раскольникамъ и паспорта, учрежденные Петромъ, но не потому, что они каждаго *примрлялли* къ мѣсту и сословію и такимъ образомъ лишали народъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто для торговли и разныхъ промысловъ, но потому, что на паспортахъ изображается двуглавый орелъ,—мнимая печать антихриста, и слѣдовательно зависѣть отъ нихъ значить подчиняться самому антихристу,—потому еще, что выдача паспортовъ тѣсно связана съ сборомъ податей, а предѣломъ, съ котораго обыкновенно дѣлается раскладка разнаго рода налоговъ, полагается „новый—янусовскій годъ“ съ 1-го января, тогда какъ, по ученію отцевъ перваго вселенскаго Собора, „новое лѣто“ начинается съ 1-го сентября. „Воистинну исполнися тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря вся творити предъ нимъ, и творяше землю, и вся живущія на ней, да поклонятся первому звѣрю, глаголя: „рѣши мое дѣло, покорно прошу пожаловать паспорта!“ Онъ отвѣщаетъ: „отдай подушное съ новаго году, и еще нѣтъ ли иныхъ недоимокъ, ибо на моей землѣ живешь“. Возстали раскольники и противъ рекрутскаго набора, заведеннаго Петромъ (указ. 1705 г.), но опять главнымъ образомъ потому, что солдаты должны подчиняться антихристу и поставленнымъ отъ него властямъ, что во-

общее служба солдатская— въ томъ видѣ, какъ она устроена была при Петрѣ, раскольникамъ кажется противною вѣрѣ. Солдаты стали брить, а это, по мнѣнiю раскольниковъ, — грѣхъ и очень тяжкiй; солдатамъ усвоена такая костюмировка, которая не подходитъ подъ мѣрку „древняго, всеспасительнаго одѣянiя“, наконецъ въ военномъ быту скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, можно оскверниться „проклятымъ зелиемъ, еже есть табакъ“, поѣсть въ постъ мяса, выпить „чортова издѣлiя“—водки и проч. Раскольники не противъ войска; они сознаютъ нужду въ немъ для государства, только имъ хотѣлось бы, чтобы войско составляли „казаки и ратники брадатые со крестами сирѣчь стрѣльцы благовѣрные“. Наконецъ раскольники подняли протестъ противъ изданныхъ Петромъ „новыхъ законоположенiй по духовному и по гражданскому расположенiю“, противъ „регламентовъ и указовъ“, положившихъ начало у насъ новому судоустройству; но и эта послѣдняя антипатiя раскольниковъ вытекала не изъ признанiя ими того, что Петръ своими регламентами положилъ начало у насъ бюрократическому чиновничеству, тяжелому для народа, что онъ своими „новыми законоположенiями“, общими для всей имперiи, нарушилъ „издревле установленные *градскiе* законы“, по которымъ въ древности города и области управлялись „на всей своей волѣ, жили по своимъ, отеческимъ законамъ и обычаямъ“, что своимъ назначенiемъ разныхъ властей по судамъ и приказамъ лишилъ народъ права выбирать себѣ земскихъ властей, посадниковъ, *излюбленныхъ* головъ и старостъ, земскихъ судей, — а просто потому, что „въ законоположенiяхъ“ Петра раскольники видѣли желанiе великаго преобразователя уподобиться папѣ рим-

скому и средство къ искорененію въ Россіи православной вѣры. „Яко же папа въ Римѣ, тако и сей лжехристосъ нача гонити и лстити и искореняти останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и нова законоположенія полагая по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ“ (1). Въ послѣдствіи времени раскольники придумали новыя причины, по которымъ имъ кажется богопротивнымъ наше судоустройство и судопроизводство, ведущее свое начало отъ временъ Петра I-го. „Иносказательный, духоборный судъ, читаемъ въ Барнаульскихъ отвѣтахъ, сидятъ судіи духоборные, бритые жида, губы жареныя (отъ сигаръ) и табакомъ носы набитые, и табакерки лежатъ предъ ними, и на стѣнѣ у нихъ поставленъ крыжъ латинскій... А на престолѣ промежду ихъ стоитъ богоотчужденное нѣкое зеркало и прочія Богомъ ненавидимыя иносказательныя духоборныя книги... и въ зеркалѣ написанъ богопротивный человекъ сирѣчь Петръ Первый, ихъ законодавецъ и пастырь и новый Христосъ, сирѣчь антихристъ“. Описывая затѣмъ, каковы должны быть суды и судьи, Отвѣты продолжаютъ: „прежде были благочестивые суды и присутственныя мѣста... Какъ прійдешь въ присутственное мѣсто, во первыхъ узриши на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или святую икону. А судіи сидятъ въ порядкѣ, и по образу и по подобію Божию, хотя князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ

(1) Мы пользовались этимъ раскольническимъ сочиненіемъ по изданію его въ Читеніямъ Моск. Импер. общ. истор. и древ. Россіи 1863 г. книга 1-я.

бородахъ, и промежду ихъ законъ Божій, сирѣчь, вѣчное евангеліе и седмью вселенскими Соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сирѣчь книга Коричая и прочія Богомъ вдохновенныя (книги)... Такъ судили по закону сирѣчь по-небесному, т. е. по писанію и такъ право судили и такъ подобаетъ быти суду праву. И аще кои противятся сему праведному суду, яко самому Христу и святымъ его противятся и повинны будутъ всякому суду.⁴ (1) Такимъ образомъ, повторимъ, распоряженія и нововведенія Петра, самыя даже тяжелыя для народа, возбуждали въ раскольникахъ протестъ и негодованіе не потому, что эти распоряженія были стѣснительны для земства, сковывали его свободу, нарушали его древнія права, — и далеко до Петра земство наше не могло похвалиться льготною жизнію, — а потому главнымъ образомъ, что въ нововведеніяхъ преобразователя земли русской раскольники видѣли нарушеніе древняго благочестія и православія, понимаемаго самымъ узкимъ образомъ, и особенно потому, что преобразованія исходили, по мнѣнію раскольниковъ, изъ рукъ антихриста. А что это такъ, можно видѣть изъ того, что подъ влияніемъ мысли о Петрѣ, какъ антихристѣ, раскольники протестовали противъ такихъ его распоряженій, которыя никоимъ образомъ не затрогивали выгодъ земства и были совершенно безразличны даже для узко понимаемой вѣры раскольнической. Что напр. нехорошаго и стѣснительнаго для народа могло быть въ принятіи Петромъ имени *Перваго*? И однакоже раскольники возстали и противъ

(1) Письм. о раск. Мельн. стр. 88—90.

этого названія. „Восхищая себя превысочайшую славу Сына Божія, читаемъ въ той же исторіи о Петрѣ, первенство Господа нашего Ісуса Христа, яко свидѣтельствуеть Апокалипсисъ глава 1: „Азъ есмь алфа и омега, первый и послѣдній, не имѣя ни начала дней, ниже конца вѣковъ“; и тако той лжехристось, восхищая на себя славу Сына Божія превысочайшую, именовася Петръ Первый“. Только религіозный фанатизмъ и самое задушевное убѣжденіе, что Петръ—антихристъ, могли внушить раскольникамъ мысль сдѣлать такое сопоставленіе. Или чѣмъ напр. виновать Петръ, что онъ родился отъ *сторано* брака Алексѣя Михайловича съ Натальею Кириловной Нарышкиной, и однакоже раскольники поставили ему въ вину и это обстоятельство. А смотря на Петра, какъ на антихриста, раскольники самымъ естественнымъ образомъ могли дойти до мысли и о томъ, что молиться за него—грѣхъ и грѣхъ непростибельный. И вотъ является въ нѣкоторыхъ толгахъ раскола правило: *не молиться за Царя*. Это правило, какъ мы уже говорили, составилось не подъ вліяніемъ демократическихъ тенденцій раскола, какъ думаетъ г. Щаповъ, а просто въ томъ убѣжденіи, что молитва за царя-еретика, антихриста, будетъ не во спасеніе, а въ грѣхъ. По паденіи Рима, читаемъ въ одномъ раскольническомъ сочиненіи, за отступниковъ святая апостольская Церковь не повелѣла молиться, и папино имя изъ книгъ изгладила, дабы не поминалося имя папино во святыхъ церквахъ—того ради, что онъ предотека антихристовъ. А колыми паче самъ антихристъ врагъ Богу и святымъ горекъ; и какъ можемъ таковому честь воздавать, о здравіи и о спасеніи и о побѣдѣ на враги Бога мо-

лить“ (1). Ясна причина, по которой нѣкоторые раскольники въ царствованіе Петра перестали молиться за Царя. Мы не можемъ указать опредѣленнаго времени, когда собственно нѣкоторые раскольники приняли за правило: не молиться за царя; но знаемъ, что и при Петрѣ не всѣ изъ нихъ рѣшались на такой смѣлый шагъ. Многіе изъ современныхъ Петру раскольниковъ, стѣсняясь въ совѣсти молиться за Петра, но въ тоже время считая слишкомъ большою новостію не молиться за царя, придумали нѣчто въ родѣ средняго пути, именно стали молиться о Петрѣ, чтобы онъ позналъ истинную вѣру. „Вотъ поповщина, говорилъ одинъ раскольникъ въ керженскихъ лѣсахъ, они передъ нами правы: они за царя Бога молятъ, а у насъ коли кто спрашаетъ, какъ мы Бога за царя молимъ? Мы, какъ и сказать—не знаемъ, и только молимъ: обрати Господи Петра въ нашу христіанскую вѣру“ (2). „Мы за государя (Петра) Богу за здравіе не молимъ, разглагольствовали старицы Варсонофія и Досифея, а молимся о возвращеніи, чтобы онъ возвратился въ истинную вѣру, а еретическую вѣру покинулъ“ (3). Значить, раскольники возстали противъ Петра и перестали молиться за него не потому, что онъ своими распоряженіями стѣснялъ народъ, а потому, что онъ, по мнѣнію раскольниковъ, былъ „ненавистникъ истинной вѣры, противникъ Богу“ (4), еретикъ, антихристъ.

Новымъ доказательствомъ того, что оппозиція раскольниковъ Петру происходила не изъ гражданскихъ,

(1) Сборн. разн. стат. х. 16, рукоп. нашей библіотеки.

(2) Роскол. дѣла XVIII ст. т. 1, стр. 565.

(3) Тамъ же т. II, стр. 40.

(4) Тамъ же стр. 41.

демократическихъ стремленій раскола, а изъ религиозныхъ вѣрованій раскольниковъ, которыя не могли примириться съ нововведеніями преобразователя, служить то обстоятельство, что вскорѣ послѣ смерти Петра, когда возбужденный имъ въ раскольникахъ фанатизмъ нѣсколько поутихъ и ревнители старины немного успокоились, является у нихъ совершенно другой взглядъ на тѣ самыя учрежденія Петра, противъ которыхъ при жизни преобразователя раскольники возставали со всею силою. И замѣчательно: раскольники начинаютъ спокойнѣе смотрѣть на такія учрежденія Петра, которыя всего болѣе обременяли народъ и расколъ. Такъ, по свидѣтельству историка Выговской пустыни, стѣснительный указъ о двойномъ подушномъ окладѣ съ Выговцевъ, послѣдовавшій уже по смерти Петра (1726 г.); но на основаніи его прежнихъ указовъ, былъ встрѣченъ въ выговскомъ скиту не только безъ неудовольствія, но даже съ радостію. „И отъ того времени Выговскую пустыню отрѣшиша заводскихъ работъ, наложила двойные подушные деньги, такожде и женскій полъ переписаша и наложиша и на нихъ платежъ и начаша платить по вся годы, съ радостію окупая древне-церковное благочестіе“ (1). Необходимость платить правительству довольно порядочное количество денегъ побудила Выговцевъ только усилить свою торговую дѣятельность и разбогатѣть. А между тѣмъ платежъ двойнаго оклада предоставлялъ имъ право свободно пребывать въ расколѣ. Въ другомъ раскольническомъ сочиненіи, написанномъ не раньше половины прошлаго столѣтія, мы находимъ даже похвалу Петру I-му за

(1) Истор. Выг. пуст. 1862 г. стр. 189.

его распоряженіе о переписи народа и въ томъ числѣ раскольниковъ и о наложеніи на нихъ двойнаго оклада. „Дабы впредь на хранящихъ древнее благочестіе не возшумѣло какое нибудь паки новое смущеніе, и того ради умысли (Петръ) въ текущее отъ созданія міра 7224-е, а воплощенія Бога Слова въ 1716-е лѣто, записавъ тѣхъ непріемлющихъ Никоновыхъ новыхъ преданій, обложить ихъ противъ казеннаго государственнаго подушнаго семигривеннаго окладу вдвое, и при записаніи томъ за неприятіе ими реченныхъ новинъ; по желанію духовныхъ властей, раскольниками именовать ихъ попусти, и козыри червленныя на плещу съ малымъ стоячимъ на выи ихъ желтымъ козыремъ же носить повелѣ, да знаютъ вси тѣхъ единѣхъ древняго благочестія усердныхъ защитниковъ, собираемыхъ же съ нихъ по тому двойному окладу за расколъ денегъ въ свою государственную сумму положить не изволилъ, но оставилъ ту мзду въ наслѣдіе духовныя паствы дѣлательемъ, да ти прежде отъ плода своего влусягъ (накая злая иронія!): и тако великаго того монарха разсужденіемъ остася въ покои древлелюбительное Христово стадо и доселѣ пребываетъ безъ поврежденія“ (1). Самый догматъ: не молиться за царя, въ которомъ по преимуществу г. Шаповъ видитъ доказательство гражданскаго демократизма раскольникяго, — скоро послѣ смерти Петра сталъ терять свою силу у раскольниковъ и ревнители старины, наравнѣ со всѣми другими сынами отечества, стали мало по малу молиться за царскую власть, хотя и съ своими особенностями. О принятіи въ 1739 году Поморцами молитвы за царя мы

(1) Сбор. разн. стат. т. 4.

уже говорили прежде. И хотя эта новость на первых порах возбудила въ раскольникахъ другихъ толковъ самую горячую полемику противъ Выговцевъ, но скоро и Фодосѣевцы, назвавшіе Поморянъ Самарянами за то, что они, въ слѣдствіе комиссіи Самарина, приняли молитву за царя, сами, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, стали въ послѣдствіи времени молиться за царскую власть (1). Только Филиповцы и Странники остались навсегда вѣрны правилу: не молиться за царя. Но объ нихъ рѣчь послѣ.

Такимъ образомъ мы не отвергаемъ мысли г. Щапова, что расколъ съ начала XVIII столѣтія, со времени Петра I-го, сталъ заявлять протестъ не только противъ православной Церкви, но и противъ государства или имперіи всероссійской, что раскольники съ этого времени стали возставать не только противъ церковныхъ переměнъ, но и противъ гражданскихъ и государственныхъ распоряженій власти; только мы утверждаемъ, что причины недовольства раскольниковъ Петромъ, какъ преобразователемъ государства, заключались не столько въ томъ, что нововведенія Петра были стѣснительны для народа, лишая его многихъ правъ и привилегій, ограничивая его свободу, сколько въ антихристіанскомъ, по мнѣнію ревнителей старины, духѣ этихъ нововведеній, въ ихъ неправославіи, нечестіи. По нашему мнѣнію, раскольники скорѣе помирились бы съ новыми учрежденіями Петра, какъ бы тяжелы они ни были для земства, еслибы эти учрежденія не затрогивали болѣзненно вѣками сложившихся вѣро-

(1) Самое раннее свидѣтельство объ этомъ относится къ 1757 году; подробности объ этомъ см. въ Хр. Чтен. 1863 г. ч. II, стр. 31—36.

ваній раскольническихъ и главное—еслибы они исходили отъ руки царя, меньше преданнаго иновѣрнымъ обычаямъ. Мы не споримъ противъ того, что многія распоряженія Петра могли болѣзненно дѣйствовать на раскольниковъ и сами по себѣ, безъ отношенія къ религиознымъ убѣжденіямъ ревнителей старины, а просто по ихъ новостямъ и тяжелому вліянію на земство. Но въ этомъ случаѣ недовольство раскольниковъ Петромъ сходилось съ недовольствомъ всего населенія Россіи, всѣхъ классовъ общества, и не составляло особенности, отличавшей расколъ отъ православія. Преобразования Петра, какъ извѣстно, казались стѣснительными и вызывали ропотъ и неудовольствіе и въ самомъ православномъ населеніи; многими распоряженіями великаго преобразователя смущались нерѣдко лица самаго высокаго положенія въ обществѣ и болѣе образованные, чѣмъ раскольники. Дѣло доходило до того, что мысль о Петрѣ, какъ антихристѣ, слушалась со вниманіемъ даже папстырями Церкви; молиться за Петра считали иногда грѣхомъ даже въ православныхъ монастыряхъ (1). Самымъ рѣзкимъ заявленіемъ недовольства русскаго народа многими стѣснительными распоряженіями Петра можетъ служить подметное письмо подьячаго Докукина и множество другихъ подобнаго рода писемъ, число которыхъ къ концу жизни Петра доходило до того, что правительство не находило времени производить по нимъ разслѣдованія и просто приказывало жечь ихъ, не распечатывая (2). Только напрасно г. Щаповъ на основаніи письма Докукина старается доказать, что

(1) Раскол. дѣл. XVIII ст. т. 1, стр. 133—155.

(2) П. С. З. т. V, № 2,877.

расколъ при Петрѣ и стоялъ собственно за тѣ интересы земства, которые указывались подъячимъ, какъ нарушенныя Петромъ, и что раскольники бѣжали въ гѣсы и пустыни не для того, чтобы скрыться отъ антихриста и спастись, держа древнюю вѣру, а потому, что жизнь въ городахъ и селахъ, въ слѣдствіе новыхъ законоположеній Петра, стала для народа невыносимою (стр. 89—159). Подъячій Докукинъ, какъ мы уже имѣли случай доказать (1), былъ не раскольникъ, какъ думаетъ объ немъ г. Щаповъ (стр. 99), но чисто православный; поэтому жалобъ его на стѣсненіе Петромъ земства и всего вообще русскаго народа нельзя приписывать расколу. Мы не противъ того, что и раскольники могли сочувствовать и, конечно, сочувствовали воплямъ Докукина по той простой причинѣ, что и они принадлежали къ земству, права котораго старался защищать Докукинъ; только сосредоточивать всѣ интересы раскола временъ Петра въ однихъ этихъ вопляхъ значить утверждать то, чего нѣтъ въ подметномъ письмѣ Докукина. Пусть г. Щаповъ отыщетъ изъ временъ Петра другое какое либо письмо, писанное раскольникъ, а не православнымъ, въ которомъ бы говорилось „о пользѣ народной, чтобъ какъ было легче отъ податей“, пусть притомъ уничтожить всѣ письменные памятники временъ Петра, свидѣтельствующіе о томъ, что раскольники вооружались противъ гражданскихъ нововведеній Петра потому, что видѣли въ нихъ еретичество, антихристіанство; тогда мы согласимся, что раскольники времени Петра преслѣдовали не религиозныя, а чисто гражданскіе интересы, и составляли об-

(1) См. Хр. Чт. 1863 г. Дек. стр. 517—18.

щину гражданско-демократическую, а не религиозную. А безъ подобнаго рода доказательствъ мы можемъ допустить развѣ только то, что во времена Петра въ расколѣ появилось много и такихъ людей, въ родѣ Докукина, которые возставали противъ нововведеній преобразователя между прочимъ и потому, что они были тяжелы для народа. Эти лица, не будучи раскольниками, оставаяли однакоже православное общество, сдвоенное Петромъ, и бѣжали въ расколъ, потому что находили въ немъ ту же ненависть къ преобразователю, какую питали къ нему и сами. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется съ одной стороны необычайное распространение и усиленіе раскола во времена Петра, съ другой— появленіе въ немъ, такъ сказать, гражданскихъ раскольниковъ. Но всматриваясь ближе въ жалобы этихъ людей, нельзя не замѣтить, что и въ ихъ нерасположеніи къ Петру довольно большую роль играли религиозныя вѣрованія. Такъ напр. и самъ подъячій Докукинъ, жалуящийся на то, что Петръ лишилъ народъ „свободной жизни, домовъ и торговъ, земледѣльства и руководѣльства, и всѣхъ прежнихъ промысловъ и грацкихъ издревле уставленныхъ законовъ“ и проч.,—начало всего этого здосчастья видитъ въ „зависцѣ и губителѣ христіанскаго рода—діаволѣ“ (намекъ, что Петръ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ духа злобы, а отсюда недалеко и до антихриста),—а потомъ съ неменьшею же скорбію сѣтуеть и о томъ, что Петръ лишилъ христіанскій родъ „христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго въ благочестіи живущихъ чостоянія“, что по его распоряженію „платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны своя ругательно обезчестили“. „Нѣсть въ насъ, продолжаетъ Докукинъ, вида и доброты и разнѣствія съ иновѣр-

ными языки, купно съ ними пиршествуемъ, ядимъ, пьемъ, веселимся, живемъ и посѣгаемъ, якоже сушно съ своими христіанами, тожде и съ ними иновѣрными языки и съ иными бесурманы, послѣдствуемъ ихъ правомъ и закономъ, забывъ страхъ Божій, и христіанскія законы уничтожили, среды, пятка и постовъ... равную съ ними пицу ядимъ, смѣсишася языкомъ и дѣломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскія обѣты опровергоша... и правый путь у насъ изчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша... *отъ востоку очи свои зажмоша и лезли свои въ блыство на западъ обратиша* (1)⁴. Ссылаясь на подметное письмо Докукина въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что расколъ со временъ Петра сталъ преслѣдовать жизненные, практическіе интересы земства, оставивъ въ сторонѣ защиту вѣры,—г. Шаповъ многія изъ приведенныхъ нами жалобъ Докукина опустилъ; почему это? Понять не трудно. Эти жалобы не только не подтверждаютъ взгляда г. Шапова на расколъ, какъ на граждански-демократическую общину, напротивъ показываютъ, что даже тѣ изъ земскихъ людей, которые заявляли свой протестъ противъ государственныхъ, стѣснительныхъ для народа, реформъ Петра, были, подобно раскольникамъ, недовольны этими реформами, между прочимъ, потому, что они не мирились съ религіозными понятіями массы. Такъ и должно было быть. Петръ, какъ извѣстно, всѣ новые порядки въ своей новой имперіи заводилъ по образцамъ западныхъ европейскихъ государствъ. А на западъ почти всѣ наши предки до временъ Петра (и даже послѣ) смотрѣли одинаково съ раскольниками,—

(1) Раск. дѣл. XVIII ст. т. I, стр. 183.

именно, какъ на область всего неправославнаго, еретическаго, антихристіанскаго. Удивительно ли послѣ этого, что не только раскольники, доведшіе подъ вліяніемъ ученія первыхъ расколоучителей суровый взглядъ свой на западъ до крайнихъ предѣловъ, но и православные смущались преобразованіями Петра, между прочимъ, потому, что они нарушали православныя преданія народа, казались еретическими, или по крайней мѣрѣ заимствуемыми отъ еретиковъ какъ бы съ цѣлю истребить въ Россіи православіе, и по тому самому нечистыми. И намъ думается, что еслибы Петръ, рѣшившись преобразовать свое государство, чаще, употребимъ выраженіе Докукина, обращалъ свои *очи на востокъ, а не на западъ*, русскій народъ съ большею охотою покорился бы его нововведеніямъ, хотя бы они были еще тяжелѣе для земства. Русскому человѣку не привыкать къ горю—злосчастью. Онъ испытывалъ его во все время своей многолѣтней жизни, — несъ такія испытанія, при одномъ воспоминаніи о которыхъ душа цѣпенѣетъ отъ ужаса, какъ было напр. во времена Грознаго, когда царь, опутанный своими-опричниками, дошелъ въ своемъ ожесточеніи до самозабвенія,—русскій народъ несъ всѣ бѣды на своихъ плечахъ и, признавая въ нихъ кару Божию за свои грѣхи, только оплакивалъ свою горькую долю и ни разу не подумалъ стать за свои права, лишь бы только не трогали самой драгоценной святыни его—вѣры православной. А если и были иногда неудовольствія между народомъ и царемъ, напр. при Годуновѣ, они происходили отъ того, что народъ подозрѣвалъ царя въ приверженности къ „безбожному западу“ и въ распоряженіяхъ его ви-

дѣль опасность для своего православія (1). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ — народъ русскій подымался весь, какъ одинъ человекъ, и готовъ былъ отстаивать свою святыню, не щадя ни себя, ни другихъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, что царь-самозванецъ держится латинской вѣры, не соблюдаетъ постовъ и проч., русскій народъ не затруднился лишить головы того, кому нѣсколько времени передъ тѣмъ цѣловалъ крестъ. Мы увидимъ, что и бывшіе при Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ бунты народные предпринимались не противъ царя, нарушавшаго жизненные интересы земства, а или противъ частныхъ лицъ, — бояръ, воеводъ, безъ вѣдома царя доводившихъ народъ своими неправдами до ожесточенія, или я противъ царя, но какъ нарушителя вѣры православной. И намъ нажется, повторимъ опять, что еслибы не возникло у насъ при Петрѣ между властію и народомъ недоразумѣній религиозныхъ, еслибы Петръ своими реформами не затронулъ болѣзненно вѣровыхъ, священныхъ преданій народныхъ, тогда не только православное населеніе Россіи приняло бы безъ особеннаго неудовольствія всѣ его нововведенія, но и раскольники отнеслись бы къ нимъ менѣе враждебно. Но великій преобразователь не пощадилъ религиозныхъ чувствъ своего народа и достигъ чрезъ это того, что не только люди, отдѣлившіеся отъ Церкви, стали въ оппозицію и государству, сдѣлались врагами царя, но и сами православные стали подозрительно смотрѣть на распоряженія власти и подчинялись имъ только механически, уступая силѣ. Отъ того-то и доселѣ въ массѣ, въ народѣ незамѣтно почти никакихъ слѣдовъ

(1) Русск. раск. стар. Шапов. стр. 98.

влияніи Петровской реформы. Все ограничилось только верхними, болѣе способными къ измѣненіямъ, слоями общества, а глубина, сердце Россіи, народъ по прежнему живетъ въ преданіяхъ старины, по правиламъ Домостроя, по обычаямъ православныхъ предковъ. Отъ того-то и расколъ, ставшій за православную старину, такъ живучъ доселѣ и встрѣчаетъ себѣ въ народѣ живое сочувствіе.

Все, что мы говорили доселѣ объ отношеніи раскола къ свѣтской власти и государственному устройству Россіи, относится ко времени Петра. Какъ же заявлялъ себя расколъ въ этомъ отношеніи въ послѣдующее время и—до нашихъ дней? „Россійскіе Императоры, говорится въ одномъ раскольническомъ сочиненіи (1), отъ Петра и до окончанія вѣка вси преемники престола его, исполнители законовъ онаго, разныхъ его узаконеній, живъ образъ его пишуще“. Понятно послѣ этихъ словъ, какъ должны были относиться раскольники и послѣ Петра къ власти свѣтской и ея распоряженіямъ. Если наши цари, по мнѣнію раскольниковъ, продолжаютъ дѣло Петра, то очевидно, что всѣ дѣйствія преемниковъ Петровыхъ должны были встрѣчать въ раскольникахъ тоже нерасположеніе, съ какимъ отнеслись они и къ реформамъ Петра, и, прибавимъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя заставляли ревнителѣй старины непріязненно смотрѣть на дѣйствія Петра и которыя мы указали. Такъ дѣйствительно и было и есть, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ письменные раскольническіе памятники. Поповщина, которая и при Петрѣ молилась за царя и смотрѣла на всѣ дѣйствія преобра-

(1) Чт. Моск. Ист. Общ. 1863 г. кн. 1, отд. V, стр. 68.

зователя болѣе снисходительно, и послѣ и до настоящаго времени находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ свѣтской власти и ея распоряженіямъ. Безпоповщина, провозгласившая Петра антихристомъ и всѣ его государственныя учрежденія заклеймившая именемъ антихристанскихъ, доселѣ продолжаетъ смотрѣть на царскую власть, какъ на представительницу зла и ко всѣмъ ея распоряженіямъ относится самымъ враждебнымъ образомъ. Впрочемъ во взглядѣ на свѣтскую власть и ея дѣйствія произошли у безпоповцевъ послѣ Петра и нѣкоторыя перемѣны. Одни изъ нихъ, именно Поморцы, Ѳедосѣевцы и др., не рѣшаясь признать ложною мысль о воцареніи у насъ антихриста въ лицѣ Петра, допустили въ послѣдствіи времени нѣкоторое ограниченіе этой мысли въ приложеніи ея къ преемникамъ Петровымъ и стали учить, что въ Россіи послѣ Петра царствуютъ не настоящіе антихристы, слѣдующіе одинъ за другимъ, а только слуги его, исполнители его воли (1). Поэтому, признавая всѣ дѣйствія власти не-

(1) Вотъ какъ рассуждаютъ нынѣшніе Ѳедосѣевцы объ антихристѣ: „антихриста разумѣй дьявола, ни на каковъ лицо не можѣ указывать. Злобою духъ лукавый въ человѣцѣхъ царствуетъ. Апостолъ рече: не всякому духу вѣруйте: духъ есть духъ Божій и духъ лествъ. Владыка Христосъ — небесный царь, дьяволъ — царь преисподній. Аще кто волю Божию творить, Богъ пребываетъ въ немъ Духомъ Святымъ и сохраняетъ его отъ всякаго зла; аще кто волю дьявола творить, надъ тѣмъ власть имѣеть дьяволъ: что ему въ умъ вложить, то и нехотѣ творить, ване рабъ его есть, рабы и нехотѣ творятъ волю господей своихъ. Аще кто не вѣруетъ Господу Іесу Христу, разумѣй такового чужда и подъ властію дьявола пребывающа. Дьяволъ духомъ царствуетъ, духомъ дѣйствуетъ, духомъ обладаетъ и духомъ рабы себѣ творить не чувственно, а разумно, устройвъ все по своему хотѣнію чрезъ слугъ своихъ. Всѣхъ ищетъ потопить дьяволъ: однихъ увлекаетъ славолубіемъ и завистию, иныхъ сластолюбіемъ и челоуѣкоугодіемъ, овыхъ сребролюбіемъ“. (Кельсіев. сборн. прав. распор. о раск. выпуск. четв. стр. 234).

православными, антихристианскими, эти сектанты стали относиться къ самой власти менѣе враждебно, ввели у себя молитву за царя и, хотя съ неудовольствіемъ, подчиняются общимъ государственнымъ законамъ, платятъ подати, исполняютъ другія повинности (1) и вообще ведутъ себя такъ, что, по видимому, сходятся въ своемъ

(1) Вотъ разсужденія Поморцевъ и Феодосѣевцевъ о молитвѣ за царя и о податяхъ. „О иновѣрныхъ властяхъ по псалтири въ прочихъ указаныхъ мѣстахъ и о обращеніи ихъ молити. Молю убо прежде всѣхъ творити моленія за царя и проч... (слов. Апостола). Но аще речетъ кто, яко не за всѣхъ, но за вѣрныхъ: егда глаголетъ за царей, не быша тогда благочестивіи царіе... Сиде намъ божественная Писанія повѣлываютъ молитися о еллинѣхъ же и еретикахъ, паче о вразѣхъ, да и тѣ въ разумъ истинный придутъ и въ вѣру обратятся. Отъ писанія Аеннагора философа ко кесаремъ поганскимъ: мы за державу вашу всегда Бога молимъ, дабы вамъ все благополучно успѣвало, то и намъ полезно есть, да мирно житіе имамы. Мы за его Императорское Величество Бога молимъ, по реченному псалмопѣвцемъ: Господи спаси царя и услыши ны, и всякаго блага его благолюбивому Великому доброхотно желаемъ. Мы и прочихъ градоправителей и градоначальниковъ должны не судити, но честно почитати. Царіе воспроповѣдуются благочестивіи, а не яко невѣрніи, ниже иномудрствующіи. О милости всѣхъ іерей обычныхъ молитвы о людехъ и Божіи наслѣдіи творить, во еже спастися ему и христіанскому нашему возвысится роду, воіи: спаси Господи люди Твоя и общая молитва — Господи помилуй — воспѣвается какъ о царѣхъ, яко предстоящихъ благочестивымъ, такъ и о вѣрвъ подвизающихся, въ таковыхъ о благочестивыхъ царѣхъ моленіяхъ возглашаются высочайшіе титулы благовѣрія и благочестія“. (Тамъ же стр. 204). Это слова Поморцевъ;—а вотъ разсужденіе на допросѣ о томъ же Феодосѣевца: „о благоденствіи и долгодѣтіи царя и царской фамилии молюсь; но Богъ молитвъ моихъ не пріемлетъ о тѣхъ, кто не радуетъ и не защищаетъ насъ, страдающихъ правовѣрныхъ и кто оказываетъ помощь лукавымъ богопротивнымъ грехамъ... Благочестивѣйшими и благовѣрными царя и всю царскую фамилію признаю тогда, когда они станутъ вѣровать въ истиннаго Ісуса, а не Ісуса, антихриста, и когда освободятъ насъ, вѣрующихъ въ древнюю церковь и страдающихъ въ заточеніи, отъ вашего ложнаго трехперстнаго духовенства, которое состоитъ изъ щепотниковъ, осквернившихъ Церковь и вѣру“ (Кельсіев. Сборн. вып. перв. стр. 220 и 221). О дани Поморцы разсуждаютъ такъ: „въ покореніи царемъ пребывающимъ не вынословити; зае и Христось Богъ св. Петру за Себе и за него повелъ дань водати. Греки у Ту-

отношеніи къ власти съ поповщиной⁽¹⁾. Но тогда какъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ стали учить послѣ Петра, что антихристъ царствуетъ въ Россіи не чувственно, а духовно, что власть свѣтская — только орудіе его, и на этомъ основаніи поставили себя въ менѣе враждебное отношеніе къ ней и ко всѣмъ ея распоряженіямъ, другіе, именно Филиповцы и особенно Странники, развили ученіе о воцареніи въ русскомъ царствѣ сына

рокъ покупаютъ себя покой, покупаютъ вольность церковную, покупаютъ вольность благочестія для души своей. Сице и вси выгопустынные жители подь иго данничества и мірскихъ судищъ подвержены и отъ лѣта 7214 во всякомъ даннословіи не точію мірскихъ сравнительно, но и сугубо содержанія ради древняго благочестія опредѣляются; но Христосъ и апостоловъ преданія повелѣваютъ Бога бояться, царя почитать, и Божія Богови и Кесарю Кесарева отдаати. Сія вся Богу помогающу благое отъ Божіихъ писаній и благопокорное разсужденіе общежителство сіе источаетъ“ (Сборн. Кельсіев. вып. четверт. стр. 206 — 7). „За что даемъ дань, спрашивается въ одномъ еѣдосѣвскомъ сочиненіи, и отвѣчается:—не за службу, не за вѣру ихъ, но за обладаніе и за имущую имъ власть по попущенію святаго Бога. Дабы никто не имѣлъ на насъ гнѣва, во еже до конца обидѣти: аще требуетъ врагъ злата — дадите, аще ризу — дадите, аще почести — дадите, аще вѣру хочетъ отъяти — мужайтесь всячески. Мы въ послѣднее время живемъ и потому всяку дань даемъ всякому просящему, дабы не предалъ врагъ на муку, или бы не заточилъ въ незнаемое мѣсто. Христосъ насъ научаетъ не помѣтати себе въ напасти, не давати мѣсто гнѣву. Самъ Владыка бѣжа отъ Ирода во Египетъ и въ Коричей правила повелѣваютъ дати злата и тѣмъ избѣжати муки; неповинна творить давшаго, а речеть: лучше изводи погубити злато, нежели душу“ (тамъ же стр. 232—3).

(1) Мы говоримъ вообще объ указанныхъ сектантахъ, а не о частныхъ лицахъ того или другаго толка, которыя иногда не сходятся съ общимъ взглядомъ толка на власть. Такъ напр. между Ѣдосѣвцами даже въ настоящее столѣтіе, въ царствованіе Александра Благословеннаго, являлись на Преображенскомъ кладбищѣ, столько облагодѣтельствованномъ этимъ Императоромъ, лица, которыя учили, что и за него грѣшно молиться, за что и были осуждаемы общимъ голосомъ сектантовъ. (См. объ этомъ въ Хр. Чт. 1863 г. ч. II, стр. 31). Точно такъ же по изслѣдованію особой комисіи въ 1821 году оказалось, что петербургскіе Ѣдосѣвцы Волковского кладбища не молились за царя. (Сборн. прав. распор. о раск. Кельсіев. вып. четв. стр. 235).

погибели до крайнихъ размѣровъ и стали проповѣдывать, что не только Петръ былъ антихристъ, но и всѣ послѣдующіе за нимъ Императоры русскіе, какъ продолжатели дѣла Петрова, суть также антихристы, и потому всѣ распоряженія ихъ богопротивны, ведутъ къ гибели и ни подъ какимъ видомъ не должны быть принимаемы къ исполненію послѣдователями древняго благочестія. Само собой понятно, что о молитвѣ за царя, по ихъ понятію, антихриста у этихъ сектантовъ не могло быть и рѣчи. Мы не можемъ указать, по какимъ историческимъ причинамъ и психологическимъ побужденіямъ развилось у Филиповцевъ и у Странниковъ ученіе объ антихриствѣ до такихъ крайностей; но скажемъ, что подобный исходъ дѣла былъ у нихъ довольно послѣдователенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ учили раскольники (и не одни они), Петръ былъ антихристъ; то и послѣдующіе за нимъ Императоры русскіе, продолжавшіе устроить свое государство на началахъ, положенныхъ Петромъ, могли и должны были быть признаны со стороны раскольниковъ также антихристами. А отсюда самое естественное заключеніе—то, что подчиняться власти подобныхъ лицъ, исполнять ихъ распоряженія, какихъ бы вещей они ни касались, и особенно молиться за нихъ—грѣхъ и грѣхъ непрощительный. Остается одно изъ двухъ: или въ случаѣ вліянія подобной власти умирать,—сжигаться, какъ и дѣлаютъ большею частію Филиповцы, или бросить самое общество, которымъ управляетъ антихристъ, разорвать съ нимъ всѣ связи и бѣжать въ пустыню, на что рѣшились Странники. Повторяемъ: недостатокъ свѣдѣній объ указанныхъ сектантахъ не позволяетъ указать, какъ и когда возникло въ расколѣ

такое учение, какъ оно развивалось съ теченіемъ времени и приняло наконецъ тотъ видъ. въ какомъ существуетъ въ настоящее время; но указанное нами отношеніе Филиповцевъ и Странниковъ къ свѣтской власти и ея дѣйствіямъ могло установиться само собою на основаніи ученія ихъ объ антихристѣ. Только о Филиповцахъ можно сдѣлать нѣсколько предположеній для объясненія ихъ фанатически-враждебнаго взгляда на гражданскую власть. Основателемъ этого толка былъ бѣглый стрѣлецъ, называвшійся до постриженія въ монашество Фотіемъ. Быть можетъ, воспоминанія Фотія о казняхъ, какимъ подверглись стрѣльцы при Петрѣ, были первымъ основаніемъ къ составленію ученія Филиповцевъ; а потомъ несчастное столкновеніе Филиповцевъ съ представителемъ власти въ лицѣ Самарина, кончившееся страшною смертію самого учителя ихъ (1), дало новый толчекъ враждебному взгляду сектантовъ на царя и довело этотъ взглядъ до религіознаго фанатизма, способнаго на всякія крайности. А Евѣимій, основатель секты Странниковъ, принадлежалъ сначала, какъ извѣстно, къ Филиповскому толку и держался его ученія. Значитъ, основаніе для того ученія, какое сталъ процо-вѣдывать Евѣимій, отдѣлившись отъ Филиповцевъ, уже было положено; стѣбло только развить его, и уродливая система ученія Странниковъ была готова. Какъ бы впрочемъ ни было, только и въ настоящемъ случаѣ мы сталкиваемся съ г. Щаповымъ и находимся вынужденными, во имя правды, вступить съ нимъ въ полемику. Высказывая свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую демократическую общину, взявшую на свои пле-

(1) Ист. русск. раск. стр. 275.

ча защиту погранныхъ государственною властію правъ земства, г. Щаповъ хотя и говоритъ, что подобное направление въ расколѣ началось со временъ Петра, но нерѣшительно. Болѣе рѣшительное слово его объ этомъ предметѣ относится къ Филиповцамъ, получившимъ свое начало только въ 1737 году (стр. 55 — 6), и окончательное—ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда появилась въ расколѣ секта Странниковъ (1). Въ Филиповцахъ г. Щаповъ видитъ болѣе рѣшительныхъ гражданскихъ демократовъ, чѣмъ въ другихъ безпоповцахъ, а со второй половины XVIII столѣтія, съ появленія секты Странниковъ, въ расколѣ, по его словамъ, окончательно „вырабатывается чисто политическое направление“, такъ что съ этого времени „ученіе раскола вмѣсто прежняго религіозно-полемическаго направленія становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненные данные и силы“. Странники или, какъ называетъ ихъ г. Щаповъ, бѣгуны — это чисто политическіе демократы, и притомъ самые отчаянные, которые избрали бѣгство, какъ „единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанія всякой государственной крѣпостности, крѣпостности правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической“. Въ подтвержденіе своего взгляда на Филиповцевъ г. Щаповъ ссылается на то, что эти сектанты не молятся за царя и отрицаютъ всѣ повелѣнія и установленія власти. Это правда, только подобное явленіе нисколько не доказы-

(1) „Земство и расколъ“ стр. 158 — 9; слес. стр. 48 и статьи его „Бѣгуны“ во „Времени“ 1862 г.

дуетъ гражданскаго демократизма Филиповцевъ, а объясняется ихъ религіознымъ ученіемъ, именно, ихъ взглядомъ на власть царскую, какъ антихриста. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, вмѣсто всякихъ разглагольствій, дослушаемъ лучше самихъ Филиповцевъ, какъ они на допросахъ объясняютъ свой взглядъ на власть и свое отношеніе къ ней. „По неимѣнію священниковъ и диаконовъ, говорилъ инокъ Неофитъ на допросѣ, мы не читаемъ эктеній, ими произносимыхъ; замѣняются же онѣ произношеніемъ молитвы: Господи помилуй—столько разъ, сколько она поется при чтеніи эктеніи и этимъ замѣняется молитва за государя и весь міръ. Тропарь и кондакъ Животворящему кресту у насъ читается такъ: „спаси Господи люди Своя и благослови достоянія своя, побѣды благовѣрнымъ на сопротивныя даруй и Своя сохраняя крестомъ люди“. Имени государя не помещаемъ въ этой молитвѣ потому, что *сомнѣваемся, благовѣрный онъ, или нѣтъ*, оставляя это на судъ Божій. Молимся же за государя вообще со всѣмъ міромъ въ словахъ: „спаси Господи люди Своя“ (1). Здѣсь не названъ прямо государь антихристомъ, а сказано только, что Филиповцы сомнѣваются въ его благовѣріи и потому не молятся за него. Но вѣдь это—допросъ, на которомъ обыкновенно раскольники *лишнее* словъ не говорятъ изъ опасенія, по ихъ словамъ, „за правду въ острогѣ насидѣться, плетей отвѣдать и въ закавказскій рай угодить“ (2). Съ другой стороны если бы Филиповцы составляли оппозицію свѣтской власти не въ слѣдствіе религіознаго разномыслія съ нею, а по при-

(1) Собрн. прав. распор. о раск. Кельсіев. вып. четв. стр. 246.

(2) Тамъ же, вып. перв. стр. 194.

чинамъ гражданскимъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, что они будутъ согласны напр. съ Странниками, которые, по мнѣнію г. Щапова, возстаютъ противъ власти тоже по политическимъ побужденіямъ. А между тѣмъ мы видимъ на дѣлѣ, что какъ Филиповцы чуждаются Странниковъ, не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній, называютъ ихъ еретиками, такъ въ свою очередь и Странники не щадятъ самыхъ оскорбительныхъ наименованій для Филиповцевъ (¹). Чѣмъ объяснить это явленіе? Тѣмъ, что указанные сектанты при общемъ нерасположеніи къ власти вслѣдствіе фанатическаго взгляда на нее, какъ на власть антихристіанскую, имѣютъ и нѣкоторыя особенности въ своихъ вѣрованіяхъ, и эти особенности религіозныя имѣютъ въ глазахъ сектантовъ такую важность, что изъ-за нихъ они, забывая общую вражду свою къ власти, ссорятся между собою. Но если бы, какъ думаетъ г. Щаповъ, религіозныя вѣрованія раскольниковъ были только оболочкой, подъ которой сектанты стараются скрыть свои политическія тенденціи, въ такомъ случаѣ раздоръ ихъ между собою изъ-за этихъ вѣрованій, доходящій часто до открытой вражды, былъ бы невыносимъ. Что же касается наконецъ Странниковъ, то дѣйствительно въ ученіи ихъ дышетъ, повидимому, такой рьяный гражданскій демократизмъ, который могъ бы быть свойственъ самымъ отъявленнымъ западнымъ революціонерамъ. Странники не признаютъ никакой власти, проповѣдуютъ свободу и всеобщее равенство, требуютъ (нѣкоторые) общности имѣнія и проч. (²), — однимъ словомъ: это, повиди-

(¹) Сборн. прав. распор. о раск. вып. четв. стр. 251 и 267.

(²) Тамъ же, стр. 260, 262, 276 и др.

тому, демократы-коммунисты самые отчаянные. Но пусть не смущается православное общество присутствиемъ въ средѣ его такихъ безпокойныхъ людей, — пусть будетъ покойно и правительство, имѣя у себя въ подчиненіи лицъ, которыя не хотятъ знать никакой власти. Если бы эти люди создали свою дикую систему ученія подъ влияніемъ гражданскихъ стремленій къ разнузданности, въ свободѣ, похочей на своеволіе, — въ такомъ случаѣ дѣйствительно они могли бы быть опасны для власти и гражданского порядка если не сами по себѣ, то по крайней мѣрѣ въ рукахъ злонамѣренности... Но побужденія, которыя двигаютъ этими людьми во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ власти и существующему порядку вещей, которыя лежатъ въ основаніи ихъ сумасбродной системы ученія, дѣлаютъ этихъ людей скорѣе жалкими, чѣмъ опасными. Эти побужденія суть ложное, доведенное до фанатизма, убѣжденіе, что власти наши со времени Петра — антихристы, сосуды дьявола, что Церковь существующая — жилище духа лукаваго, что всѣ, кромѣ Странниковъ, слуги сатаны, что все, существующее нынѣ на Руси святой, или произведено антихристомъ, или заклемено его скверною печатію, что даже раскольники не-Странники — еретики, слуги антихриста, такъ какъ живутъ въ обществѣ подъ его властію, что наконецъ „въ настоящіе послѣдніе дни антихристовой прелести единственно спасительный путь сущимъ въ вѣрѣ — путь тѣсный, нуждный и прискорбный, *аже не имѣти града, ни села, ни дому*“, равнорать съ обществомъ всѣ связи и бѣгать изъ одного мѣста въ другое, скрываясь отъ руки сына погибели. Другими словами: основанія, по которымъ Странники являютъ въ своемъ ученіи гражданскими демокра-

тами, чисто религіозныя, и слѣдовательно эти сектанты если и не безвредны, за то и не такъ опасны, какъ если бы они проповѣдывали свое ученіе по принципамъ чисто политическимъ. Не безвредны, потому что Странники, въ силу своего ученія, не живутъ общею всѣмъ русскимъ жизнію, выдѣляютъ себя изъ общества, а слѣдовательно лишаютъ его своего содѣйствія, своей помощи, своихъ рукъ и силъ; но и не особенно опасны для власти и существующаго порядка вещей—частію по своей малочисленности, по своему невѣжеству, но еще больше по особенностямъ своихъ началъ, изъ которыхъ самое главное: бѣгать отъ антихриста, чтобы не подчиниться его волѣ и не погибнуть во вѣки. Не могутъ быть опасны Странники даже при вліяніи на нихъ стороннемъ, чужеземномъ, или и туземномъ. Всякій, кто не принадлежитъ къ ихъ сектѣ, — слуга антихриста; и какъ бы кто ни былъ краснорѣчивъ на словахъ и щедръ на обѣщанія, странники не послушаютъ его и не пойдутъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что, по ученію Странниковъ, основанному ими на словѣ Божіемъ, антихристъ можетъ пасть отъ десницы одного только І. Христа. Мы не споримъ противъ того, что отдѣльныя личности изъ секты Странниковъ, подъ вліяніемъ своего религіознаго фанатизма, способны на самыя рѣзкія проявленія своей вражды къ власти, особенно если она будетъ относиться къ нимъ немиролюбиво; но подобныя безумныя выходки составляютъ исключеніе и притомъ не составляютъ особенности секты Странниковъ, а общи всѣмъ раскольникамъ—безпоповцамъ. Такъ еще при Петрѣ Великомъ, когда Странники, какъ отдѣльная секта, и не существовали, являлись фанатики-раскольники, которые гото-

вы были посягнуть на жизнь Императора (1). Возможность подобнаго явления ужасна; но причины его скрываются не въ общемъ демократически-революціонномъ направленіи раскола, а въ религиозномъ настроеніи отдѣльныхъ личностей, доходящемъ иногда до изступленія, до фанатизма, — въ томъ несчастномъ настроеніи, которое заставляеть нѣкоторыхъ раскольниковъ самовольно идти на костеръ и сожигаться. Долгъ власти — употреблять всѣ средства къ тому, чтобы не раздражать этихъ больныхъ людей и не доводить ихъ до поступковъ, которые напоминаютъ о сумасшествіи. Вѣра — самая дорогая святыня для человѣка; изъ-за ней и для ней онъ можетъ рѣшиться на все, можетъ сдѣлаться самъ мученикомъ, можетъ, при превратномъ направленіи вѣры, замучить и другаго.

А что дѣйствительно Странники выдѣлили себя изъ православнаго общества по принципамъ религиознымъ, а не гражданскимъ, въ этомъ cadaго могутъ убѣдить самыя сочиненія ихъ (2) Мы съ своей стороны сдѣлаемъ только нѣсколько краткихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ. И во первыхъ, намъ кажется, что ученіе Странниковъ объ отношеніи ихъ къ власти, какъ анти-

(1) Хр. Чт. 1863 г. ч. III, стр. 228—9.

(2) Желаящій познакомиться съ ними можетъ обратиться къ четвертому выпуску сборника прав. свѣд. о раск. Кельсіева, въ которомъ помѣщено нѣсколько сочиненій, излагающихъ со всею подробностію ученіе Странниковъ, и вромѣ того можетъ прочесть исторію о Петрѣ 1-мъ (Чт. Моск. Истор. Общ. 1863 г. кн. 1, отд. V, стр. 52 — 71). Это последнее сочиненіе, очевидно, написано также Странникомъ и относится не ко времени Петра, какъ думаетъ авторъ статьи: „состояніе русскаго раскола при Петрѣ 1-мъ“ (Хр. чт. 1863 г. ч. III, стр. 219), но къ началу настоящаго столѣтія. Когда мы говорили о взглядѣ раскольниковъ на преобразование Петра, то ссылались на это сочиненіе. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, мы допустили неточность, но не такую важную, чтобы г.

христу, и существующему порядку вещей доведено до самых крайних предѣловъ въ слѣдствіе того, что другіе раскольническіе толки, проповѣдуя тоже ученіе о наступленіи царства сына погибели, ставили себя иногда въ такія отношенія къ власти, которыхъ Странники никакъ не могли примирить съ мыслию о воцареніи на землѣ антихриста. Такъ, по обличеніямъ Странниковъ, не только поповцы, но и безпоповцы—Поморцы, Федосѣевцы, даже Филиповцы не только записывались подъ двойной окладъ, наложенный на раскольниковъ, и тѣмъ, по мнѣнію Странниковъ, „антихриста признали правовѣрнымъ, а себя зловѣрными и отступниками“, не только брали въ случаѣ нужды паспорта, а вмѣстѣ съ ними и печать *звѣря*, но иногда во избѣжаніе преслѣдованій со стороны власти притворялись православными, записывались въ исповѣдныя росписи и даже въ случаѣ крайности, особенно предъ смертію, чтобы не встрѣчать препятствій къ погребенію, исповѣдывались у православныхъ священниковъ и причащались въ православныхъ церквахъ, принимали къ себѣ во время праздниковъ православное духовенство и свѣтскихъ чиновниковъ, поступали на разныя должности—съ обѣщаніемъ служить вѣрой и правдой нечестивой власти, шли

Щаповъ имѣлъ основаніе упрекнуть насъ за нее, такъ какъ онъ самъ пользовался этимъ сочиненіемъ для той же самой цѣли (русск. раск. старообр. стр. 106—9). Мало этого: мы сдѣлали даже уступку г. Щапову, когда, на основаніи сочиненія настоящаго столѣтія, говорилъ о недовольствѣ раскольниковъ гражданскими реформами Петра. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы раскольники—современники Петра были довольны его преобразованіями, а только выражаемъ ту мысль, что при Петрѣ раскольники, вѣроятно, не такъ отчетливо объясняли себѣ реформы преобразователя въ смыслѣ антихристіанскихъ, какъ это случилось послѣ, но смотрѣли на нихъ просто, какъ на дѣла богопротивныя, противныя вѣрѣ и вѣковымъ преданіямъ, какъ на нечестивую иноземщину.

въ военную службу, или по крайней мѣрѣ нанимали вмѣсто себя рекрутъ и такимъ образомъ другихъ вводили въ нечестіе, даже принимали участіе въ построеніи православныхъ храмовъ, а „въ праздники и табельные царскіе дни плашки запаляли и свѣчи салныя на окнахъ“,—однимъ словомъ старались во внѣшней жизни чѣмъ не отличаться отъ православныхъ, утѣшая себя тою мыслию, что вѣру можно соблюдать и „кромѣ устнаго исповѣданія въ сердцѣ и дѣлѣхъ“ (1). Такое двоедушіе раскольниковъ всѣхъ толковъ и лицемѣріе ихъ предъ властію—антихристомъ показали Странникамъ до того возмутительными и несогласными съ обязанностями истиннаго христіанина, что они рѣшились, вопреки всѣмъ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, разорвать всѣ связи съ обществомъ, надъ которымъ властвуетъ сынъ погибели. И вотъ является ученіе, которое заповѣдуетъ истинному христіанину не только не подчиняться власти, какъ антихристіанской, и всѣмъ ея распоряженіямъ, но избѣгать рѣшительно всего, что могло бы какимъ бы то ни было образомъ связывать Странниковъ съ міромъ, въ которомъ царствуетъ сынъ погибели. Отъ того-то Странники не только не записываются въ ревизіи, не платятъ податей, не исполняютъ никакихъ государственныхъ и гражданскихъ постановленій, но считаютъ грѣхомъ даже жить среди православнаго населенія и убѣгаютъ (2) въ пустыню, въ которой одной, по

(1) Кельсiev. вып. четв. стр. 274 — 277. Уменьшенію фанатизма раскольниковъ и болѣе замѣтному сближенію ихъ съ православнымъ обществомъ, по всей вѣроятности, способствовали снисходительныя мѣры противъ раскола Императрицы Екатерины II. Въ ея же царствованіе явилась и секта Странниковъ.

(2) Мы не оспариваемъ мысли г. Щапова, что еще до появленія секты Странниковъ у насъ развито было до большихъ размѣровъ „бѣгун-

ихъ мнѣнію, можно спастись, какъ чуждой власти антихриста. „Узнать истину невозможно иначе, говорилъ одинъ Странникъ на допросъ, какъ избѣжаніемъ властей и живя въ пустынѣ“ (*). Мысль о царствованіи на землѣ сына погибели не только легла въ основаніе всего ученія Странниковъ, но, такъ сказать, вошла въ плоть и кровь сектантовъ, такъ что они видятъ печать антихриста даже въ такихъ вещахъ, которыя не только

ство“. Бѣжали на волю крестьяне отъ „крѣпости податной и помѣщичьей“, бѣжали солдаты отъ службы тяжелой, бѣжали—всѣ, недовольные правительствомъ за его стѣсненія земства,—бѣжали и раскольники... только послѣдніе бѣжали изъ селъ и городовъ въ лѣса и пустыни, а не рѣдко и за границу, не въ слѣдствіе указанныхъ причинъ, а по побужденіямъ чисто религиознымъ—изъ опасенія быть вынужденными принять „новую еретическую“ вѣру, или отъ гоненій на „старую истинную“ вѣру. А что это такъ, видно напр. изъ слѣдующихъ словъ вышедшей недавно на границѣ раскольничьей книги, подъ заглавіемъ: „церковная исторія“: „здѣсь по крайней мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ не токо по російскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія... како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя оцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя дебри. Населились отъ вѣковъ незаселяемая отдаленныя сибирскія и кавказскія горы; умножились російскимъ народамъ области: малоросійская, будорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція европейская и азіатская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И се таковое безчисленное множество російскаго народа, и многое число духовенства, отъ иноческаго и священническаго чина, единственно по причинѣ невозможности внутрь Россіи содержать древле-церковныхъ чиновъ и уставовъ, которое тамъ запрещено было подъ жестокии притѣсненіемъ и казню, вынуждены были оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ, и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ“ (ч. III, стр. 148—9). Странно только, что г. Щаловъ какъ бы не обращаетъ вниманія на эти слова, приведенныя имъ въ статьѣ: „Бѣгуны“, и по прежнему бѣгство раскольниковъ и въ частности Странниковъ объясняетъ недовольствомъ народа налогами, податями, рекрутчиной и другими стѣснительными для земства распоряженіями власти („Время“—„Бѣгуны“, ст. 2-я въ концѣ).

(*). Сборн. прав. распор. о раск. Кельсѣва, выпускъ четверт. стр. 264.

не отъиснительны для земства, но еще приносятъ ему несомнѣнную пользу. Такъ напр. Странники отъ всей души ненавидятъ учреждаемые на случай голода, по распоряженію правительства, запасные хлѣбные магазины, и пользоваться пособіемъ изъ этихъ магазиновъ считаютъ грѣхомъ непростительнымъ. Это отъ того, что для полученія хлѣба изъ запаснаго магазина нужно взять билетъ съ печатью, которая, по мнѣнію Странниковъ, есть скверная печать антихристовая (¹). Или что напр. нужнѣе въ житейскомъ быту можетъ быть денегъ? Однакоже странники (хотя и не всѣ) и ихъ не берутъ въ руки, потому что на деньгахъ двуглавый орелъ—тоже антихристовая печать. Скажутъ, пожалуй, что все это—маска, хитрость, употребляемая сектантами для того, чтобы скрыть свои заднія мысли—граждански-демократическія? Но во первыхъ, что за расчетъ отказываться отъ денегъ, когда онѣ—необходимая статья для всевозможныхъ предпріятій? Во вторыхъ—раскольники другихъ толковъ, знающіе, разумѣется, больше нашего тайны и задушевные стремленія своихъ собратій, прямо говорятъ, что Странники сами чуждаются денегъ и другихъ осуждаютъ за владѣніе ими именно въ слѣдствіе мысли, что на нихъ печать антихриста. Вотъ что говорится напр. въ одномъ еедосѣевскомъ сочиненіи, написанномъ въ опроверженіе взгляда Странниковъ на деньги. „Портреты и литеры царскія на златѣ и сребрѣ и при тѣхъ царяхъ (нечестивыхъ) были и не безъ ума: каковъ царь, таковъ портретъ и на деньгахъ и литера. И Христось вопросы: чіе лице, указуя сребреникъ? Отвѣща же: кесаревъ. И рече: воздадите убо Ке-

(¹) Кельсиев. вып. четвер. стр. 254 и 290.

сарева Кесареви, а Бомѣи Богови. Видѣть отъ сего и разумѣй—деньги не касаются вѣры, непротивны закону, аще кто съ разумомъ имѣеть ихъ. Злато и серебро Богомъ сотворены: продать, купить и милостыню сотворить, свѣчу и масло купить въ жертву Богу и на всякую потребу. Многіе святые куплю творили: зри о томъ въ прологахъ и четъминеехъ“ (1). Чтобы понять такое фанатическое нерасположеніе странниковъ ко всему, что исходитъ отъ власти, нужно припомнить, что тогда какъ другіе безпоповцы проповѣдуютъ духовное или разумное пребываніе въ мірѣ антихриста, по ученію странниковъ, сынъ погибели царствуетъ нынѣ чувственно—въ лицѣ царей слѣдующихъ одинъ за другимъ. „По вѣрѣ моей разумѣю, говорилъ на допросѣ 1851 года одинъ страннической наставникъ, Осипъ Семеновъ,— что теперь пришелъ антихристъ, который явился не въ одномъ человѣкѣ, а во множествѣ людей постепенно; со времени отставшаго отъ вѣры патріарха Никона царство антихристово настало и представитель этого царства есть вашъ господинъ Императоръ, какъ потомокъ Петра Великаго, до котораго еще можно было жить въ мірѣ, не укрываясь въ пустыню, но съ народной переписи нельзя спастись въ мірѣ“ (2). „Зри и внимай, писалъ въ наставленіе своимъ ученикамъ одинъ еедосѣвскій наставникъ, не плотію антихристъ царствуетъ, но невидимо и разумно, а не такъ, какъ бѣгуны говорятъ. Во плоти всякому-бы можно видѣть, а колыми паче бы тому болѣе видѣть можно, кто по куплямъ обходитъ разныя государства, но не тако, а Богъ даль

(1) Кельсиев. вып. четв. стр.233—4.

(2) Тамъ же, стр. 285.

разумѣть по неалобивымъ сердцамъ“ (1). Съ другой стороны на мало усиливали враждебный взглядъ Странниковъ на власть и все, что отъ нея исходить, стѣснительныя мѣры противъ раскольниковъ. „Въ книгѣ Хронографъ я читалъ; признавался на допросѣ тотъ же Осипъ Семеновъ, что св. отцы велѣли платити дань и Диоклитіану царю, если не будетъ стѣснять ихъ, иначе не признавать его власти; и я платилъ бы дань вацему Государю, если бы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру, и признавалъ бы его власть“ (2). „Аще вы, царю, заключили свое показаніе другой Странникъ въ 1848 году, повелиши соблюсти православную вѣру, якоже двесь пребываю, долженъ воздать дань, честь и поклоненіе; аще же ни, то ниже чести, ниже поклона, ниже дани, что и подписую собственноручно Дометіанъ Теофановъ, рабъ Христовъ“ (3). Такимъ образомъ очевидно, что Странники не признають существующей власти не по демократически—демагогическимъ стремленіямъ своимъ къ анархіи, къ безначалію, не потому, что бы имъ была ненавистна власть вообще сама по себѣ, но потому, что цари, по мнѣнію сектантовъ, нечестивы, антихристы. „Царя и власть считаю нужными, говорилъ на допросѣ тотъ же Дометіанъ Теофановъ, потому что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но того, по повелѣнію коего Странниковъ и христіанъ содержать въ темницахъ, за царя не почитаю, а за мучителя“ (4). „Подъ сводъ законовъ не подхожу, говориль другой фанатикъ, потому что Государь расколь-

(1) Кельсиев. вып. четв. стр. 235, снес. стр. 275.

(2) Тамъ же, стр. 285.

(3) Тамъ же, стр. 287.

(4) Тамъ же.

никъ; христіаниномъ его не признаю, потому что онъ отсталъ отъ истинной вѣры,—и потому власти его не подчиняюсь. Пусть, что хочетъ, со мной творить: вѣрно Господь меня предалъ, я долженъ воспріять и смерть. Если бы вздумалъ признать власть Государя, то обманулъ бы этимъ Бога⁽¹⁾. А послѣ этого не трудно уже понять, какой смыслъ имѣетъ проповѣдь Странниковъ о равенствѣ всѣхъ, о свободѣ и проч. Не признавая власти государей и поставленныхъ имъ чиновъ, какъ нечестивыхъ, Странники естественно пришли къ мысли, что нынѣ, когда нѣтъ и не можетъ быть благочестивой власти, всѣ христіане (т. е. они и, пожалуй, другіе раскольники) должны быть равны между собою, какъ слуги одного и тогоже Царя небеснаго, а не какъ граждане одного и тогоже государства. Потому что Странники очень хорошо знаютъ, что разные „чины и власти“ существовали у насъ и въ то время, когда, по ихъ мнѣнію, въ Россіи царствовало православіе и благочестіе. „Властей мірскихъ я признаю только тѣхъ, говорилъ одинъ раскольникъ на допросѣ 1855 г., кои поставлены были царемъ, а не императоромъ. Начальниковъ надъ нами *правовѣрными* нынѣ вовсе нѣтъ никакихъ, а прежде были бояре и воеводы,⁽²⁾ Свобода же, какой добиваются Странники и которую проповѣдуютъ они со всѣмъ жаромъ, это не свобода отъ всякаго начальственнаго надзора и контроля, нерѣдко стѣснительнаго и несправедливаго, не воля—дѣлать всякому, что ему угодно, но свобода религіозная, свобода Христовой⁽³⁾ вѣ-

(1) Кельсiev. вып. четвер. стр. 285.

*) Тамъ же, стр. 221.

(2) Тамъ же, стр. 276.

вы, которую исповѣдуютъ сектанты, — независимость отъ властей, которыя нечестивы (1), „свобода евангельская, или независимость отъ міра, который весь во злѣ лежитъ, такъ какъ крестоносецъ долженъ быть внѣ міра“ (2). „Покорившіеся ему (указу 1722 г. — о томъ, чтобы раскольники, записавшіеся подъ двойной окладъ, ученія своего не распространяли и книгъ старыхъ у себя не держали) трижды отреклись отъ Христа, писалъ Евѣимій въ 1787 г. къ московскимъ старцамъ, ибо, назвавшись раскольниками, Никона отступника со всѣми послѣдователями правыми быти разрѣшиша, ересь его оправдаша, и весь соборъ святыхъ съ самимъ Господомъ осудиша, сирѣчь Его ученіе похулиша. У нечестивыхъ бо просиша, дабы имъ позволили вѣру Христову пріяти, яко какую купленную рабу“ (3). И въ другомъ мѣстѣ: „нѣсть этого видѣти въ писаніи, егда бо познавъ истину человѣцы, у нечестивыхъ властей своихъ спрашивались, да позволятъ имъ вѣру Христову имѣти, но содѣяша бо вѣру во Христа раболѣпну. Вы (Федосѣевцы и Филиповцы) егда во 2 и 3 ревизіи требовасте, да позволятъ вамъ ону имѣти, безстудное и скверное дѣло сіе являете быти. Имя бо Христово преславно и свято, паче же и христоименито есть: сего ради и мы Христовы люди нарекохомся“ (4).

Наконецъ не малымъ подтвержденіемъ того, что Странники возвели въ догматъ бѣгство для освобожденія себя не отъ „крѣпостности“ всякаго рода, тяжелой для народа, а отъ подчиненія антихристу, могутъ служить

(1) Кельсіев. вып. четв. стр. 255.

(2) Тамъ же, стр. 274.

(3) Тамъ же, стр. 255.

(4) Тамъ же, стр. 267.

такъ называемыя бѣгуны *мірскіе* или *жизловыя*. Известно, что секта Странниковъ раздѣляется на два разряда: на *блгуновъ стремлеющихъ*, которые разрываютъ всѣ связи съ обществомъ и дѣлаются въ собственномъ смыслѣ бродягами, проводя всю жизнь въ переходахъ съ одного мѣста на другое, и на *странниковъ жизловыхъ, мірскихъ*, которые, и послѣ принятія странническаго ученія, живутъ въ городахъ и селахъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ другихъ раскольниковъ, и только при концѣ жизни предаются недолговременному и недалекому странствованію, а иногда предъ самою смертію ограничиваются только переходомъ изъ одного дома въ другой, чтобы умереть Странникомъ. Еслибы секта Странниковъ проповѣдывала бѣгство, какъ средство къ выходу изъ тяжелаго положенія, въ какомъ находятся низшіе классы нашего общества, благодаря „крѣпостности правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической“, въ такомъ случаѣ *блгуны мірскіе* составляли бы необъяснимое явленіе въ сектѣ. Потому что, живя въ обществѣ, они не освобождаются отъ тяжелыхъ обязанностей и отношеній къ власти, и принятіе ими странническаго ученія въ такомъ случаѣ представляется безсмыслицей. Еще большей безсмыслицей должно признать тогда обычай мірскихъ бѣгуновъ предаваться странствованію хотя не надолго, хотя предъ смертію. Г. Щаповъ говоритъ, что странство для мірскихъ бѣгуновъ — одна только *формальность*. Но крошѣ того, что подобный взглядъ на дѣло не мирится съ основною идеею ученія Странниковъ, есть основаніе думать, что странствование, которому предаются хотя не надолго мірскіе бѣгуны, составляетъ, по ученію сектантовъ, самый важ-

тѣмъ шагъ въ ихъ жизни, безъ котораго невозможно самое спасеніе. Тѣмъ; по словамъ самого г. Шапова, въ 1812—13 годахъ между Странниками шелъ споръ о томъ, должно ли преслѣдить вступающихъ въ ихъ общину до выноса ихъ въ странство. Подобнаго спора не могло бы и быть, еслибы, странствование для мірскихъ бѣгуновъ, по мысли сектантовъ, было одною только формальностію. Тогда и самое переименованіе не имѣло бы смысла. А между тѣмъ оно заповѣдуются основателями секты Странниковъ, какъ основной догматъ (*). Но если существованіе въ сектѣ Странниковъ мірскихъ бѣгуновъ представляется нецѣлостностію — въ томъ случаѣ, когда мы будемъ смотрѣть на сектантовъ, какъ на гражданскую общину, рѣшившуюся выдѣлиться изъ общей жизни русскаго сдавленнаго простонародья, — по чисто житейскимъ разсчетахъ, — то при взглядѣ на Странниковъ, какъ на общину религіозную, указанное явленіе объясняется очень просто. Ученіе Странниковъ по своей смѣлости не можетъ не нравиться многимъ любителямъ старины, нарушенной Петромъ I. Но жертвы, какихъ требуетъ это ученіе, до того велики, что не всякій можетъ рѣшиться на нихъ. И вотъ являются люди, которые, вполне сочувствуя мыслямъ сектантовъ, не имѣютъ однакоже въ себѣ достаточно силъ, чтобы мысли эти прилагать къ дѣлу, къ жизни, и потому, поступивъ въ секту, остаются до времени въ антихристовомъ царствѣ, не чуждомъ нѣкоторыхъ и пріятныхъ для ихъ жизни вещей, и только предъ смертію, когда уже житейскіе интересы теряютъ цѣну для человека, предаются нелегкому странствованію, какъ единствен-

(*) Кельсиев, вып. четвер., стр. 270.

тому средству освободиться отъ власти антихриста и пріобрѣсть вѣчное спасеніе. Мірскіе бѣгуны—это, по нашему мнѣнію, люди, для которыхъ дѣло вѣры и спасенія—не послѣдняя статья, но и не до такой степени важная, чтобы они готовы были жертвовать ему всѣми благами міра сего, т. е. люди, какихъ не мало можно найти и въ православномъ обществѣ. Если позволить сравненіе, то жилковые бѣгуны по своему отношенію къ вѣрѣ и вѣчному спасенію могутъ быть сравнены съ тѣми христіанами первыхъ вѣковъ Церкви, которые, вознавъ истину Христову еще въ молодости, отлагали однакоже рѣшительное вступленіе въ Церковь посредствомъ крещенія до старости, или по крайней мѣрѣ до болѣзни, и дѣлали это потому, что считали тяжелымъ разстаться до времени съ прежнею, пріятною для чувственности, языческою жизнію и обречь себя на подвиги благочестія, требуемые Евангеліемъ. Это—люди, религіозное настроеніе которыхъ обозначено еще въ Апокалипсисѣ (III, 15 и 16).

Такимъ образомъ, какъ всякій можетъ видѣть изъ всего вышесказаннаго, не только вообще въ расколѣ, но и въ самыхъ крайнихъ по своимъ выводамъ безпопщинскихъ толкахъ раскольническихъ, нѣтъ ничего противогосударственнаго въ смыслѣ политически-демократическомъ, а есть только большее или меньшее нерасположеніе къ власти и ея постановленіямъ въ слѣдствіе религіознаго разномыслія съ нею и—немиролюбиваго отношенія ея къ заблуждающимъ. Поэтому смотрѣть на расколъ, какъ на чисто политическую, а не религіозную, общину и предполагать въ немъ какія то граждански-демократическія тенденціи, значить, по нашему мнѣнію, или не знать раскола и его стремленій,

или еще хуже—клеветать на него... Богъ знаетъ, для какихъ цѣлей. И однакоже подобный взглядъ на расколъ существуетъ (хотя появился въ литературѣ очень недавно) и признается большинствомъ свѣтскихъ писателей единственно вѣрнымъ. На какихъ же основаніяхъ опирается такой взглядъ и насколько прочны эти основанія? О многомъ, что приводить въ доказательство граждански-демократическаго направленія раскола, у насъ уже была рѣчь и—не въ пользу основательности такого мнѣнія. Теперь коснемся коротко другихъ основаній, приводимыхъ защитниками „новаго взгляда“ на расколъ.

Прежде всего г. Щаповъ указываетъ, какъ на доказательство гражданскаго демократизма раскольниковъ, на бунтъ Стеньки Разина (стр. 46—7). Но въ бунтѣ Стеньки Разина видѣтъ вмѣстѣ и бунтъ раскола, по нашему мнѣнію, болѣе, чѣмъ несправедливо. Если донскіе казаки, принимавшіе участіе въ этомъ народномъ движеніи, и были раскольниками, такъ это потому, что въ то время и очень многіе изъ православныхъ были въ извѣстномъ смыслѣ раскольниками, т. е. крестились двумя перстами и содержали другія обрядовыя разности, признанныя послѣ неправильными. Въ то время, какъ буйствовалъ Разинъ, раскола, какъ отдѣльнаго отъ Церкви и государства общества, еще не было. Точно также и бунтъ Соловецкій ничего не говоритъ въ пользу мысли г. Щапова (стр. 48). Правда, бродяги изъ шайки Стеньки Разина, скрывшіеся въ Соловецкомъ монастырѣ отъ преслѣдованія закона, высказывались прямо противъ царской власти; но лица, которые защищали дѣло раскола, находились совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ царю. Какъ мы уже гово-

рили, они прежде посылали Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой, изъявляя полную покорность царю, просили только одного, чтобы имъ позволено было служить по старопечатнымъ книгамъ. И если послѣ, въ слѣдствіе отказа на ихъ просьбу, рѣшились на открытое сопротивленіе власти, то сдѣлали это противъ воли, по принужденію,—потому, что бывшіе въ монастырѣ мятежники изъ шайки Разина захватили въ свои руки всю власть и, сдѣлавшись сами противниками царю, требовали того же и отъ другихъ. Какъ гласитъ правдивая исторія, многіе жители Соловецкаго монастыря, не желая оказаться противниками царской власти, просились вонъ изъ монастыря, другіе бѣжали изъ него тайно, и даже самъ Геронтій, авторъ челобитной, написалъ „приговоръ, чтобы противъ государевыхъ людей не биться и монастыря не запирать“, за что и попалъ въ темницу. Такихъ ли людей обвинять въ гражданскомъ демократизмѣ? Что же касается пудожскихъ движеній Емельяна Иванова, Власки „лихаго вора“ и другихъ (стр. 49), то и на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на граждански-демократическія движенія раскола. Это были движенія религіознаго фанатизма, вызванныя преслѣдованіями раскола со стороны правительства и кончавшіяся, какъ извѣстно, тѣмъ, что, будучи не въ состояніи отстоять предъ войскомъ свою древнюю вѣру, фанатики сожигались, въ надеждѣ получить мученичскій вѣнецъ.

Гораздо серьезнѣе указаніе г. Щапова на бунты стрѣльцкіе, бывшіе въ Москвѣ въ 1682 году, по смерти Федора Алексѣевича (стр. 52 — 4). Но если справиться съ исторіей и смотрѣть на ея свидѣтельства безъ всякой предзанятой мысли, въ такомъ случаѣ и въ

этихъ бунтахъ мы не найдемъ достаточнаго основанія обвинять расколъ въ гражданскомъ демократизмѣ, въ стремленіяхъ политическихъ. Прежде всего бунтъ стрѣльцовъ, начавшійся 15-го мая 1682 года и продолжавшійся три дня, не имѣлъ никакого отношенія къ расколу. Тутъ дѣйствовали одни стрѣльцы, просто какъ стрѣльцы, а не какъ раскольники, — дѣйствовали не противъ власти, а напротивъ въ ея пользу, дѣйствовали притомъ по прояскамъ и прямому внушенію Софьи и Милославскаго, имѣвшихъ въ виду свои цѣли. Софья хотѣлось устранить отъ управленія царствомъ Петра и самой сдѣлаться правительницей государства за „скорбностію головы“ Іоанна; и вотъ для достиженія этой цѣли она обращается за помощію къ стрѣльцамъ, потому что въ нихъ заключалась тогда вся сила, вступаетъ съ ними въ сдѣлку и намѣренно позволяетъ имъ буйствовать въ Москвѣ. Второй бунтъ стрѣльцовъ, кончившійся соборомъ въ Грановитой палатѣ, дѣйствительно былъ бунтомъ раскола. Но чего домогались стрѣльцы, руководимые Хованскимъ, подстрекаемые Никитой Пустосвятомъ и другими вождями раскола? Достаточно прочесть челобитную, поданную стрѣльцами-раскольниками на соборѣ, и еще сочиненіе Саввы Романова, раскольника, очевидца описываемыхъ событій, чтобы видѣть, что всѣ стремленія этого движенія были направлены къ одному: возстановить въ Москвѣ и во всемъ царствѣ старую вѣру. О ниспроверженіи власти у стрѣльцовъ-раскольниковъ не только не было и мысли, напротивъ они прямо говорили Софьѣ, своей прежней покровительницѣ, а теперь дѣйствовавшей уже противъ мятежниковъ: „пора вамъ, Государыня, давно въ монастырь; полно вамъ царство мутить; намъ бы

царі *болли здоровы*, а и *безъ васъ нѣсто не будетъ*"⁽¹⁾. Правда Милославскій, встрѣтивъ въ Хованскомъ соперника и желая уронить его въ глазахъ Софьи, писалъ ей: „Хованскій питаетъ опасные замыслы. Онъ не безъ цѣли ласкаетъ стрѣльцовъ, привязываетъ ихъ къ себѣ всевозможными снисхожденіями и въ тоже время возстановляетъ противъ правительства. Онъ замышляетъ истребить знатнѣйшихъ бояръ, духовенство и самый домъ царскій и сдѣлаться царемъ русскимъ“⁽²⁾. Но если Милославскій и не клеветалъ на Хованскаго, все же замыслы послѣднiго несправедливо было бы связывать съ расколомъ—потому только, что Хованскій былъ раскольникъ и въ подчиненіи у себя имѣлъ стрѣльцовъ—раскольниковъ же. Софья не была раскольницей, однако же пользовалась услугами стрѣльцовъ, чтобы погубить родственниковъ Петра—Нарышкинскихъ.

Послѣ всего сказаннаго нами уже можно видѣть несправедливость мысли г. Шапова, будто расколъ есть ничто иное, какъ воплощеніе духа Стеньки Разина, духа стрѣльцовъ, будто въ немъ возведены въ доктрину всѣ элементы бунтовъ народныхъ (стр. 52). Если расколъ и принималъ иногда участіе въ народныхъ движеніяхъ, (какъ было и послѣ указанныхъ бунтовъ, напр. во время бунта въ Астрахани (1705 г.), при Пугачевѣ и др.), то вовсе не для того, чтобы выразить свою оппозицію власти и достичь какихъ-либо граждански-демократическихъ цѣлей, а просто или по увлеченію, свойственному массѣ народной, легко поддающейся обольщенію людей смѣлыхъ и хитрыхъ, или

(1) Муравьев. раск. обличаем. свою истор. стр. 109.

(2) Русск. Вѣсти. 1856 г. ст. „правленіе царевнѣ Софіи“, стр. 394.

всего чаще—съ нѣлію отстоять свою старую вѣру, а если можно, то сдѣлать ее и господствующею на Руси святой (¹). И мы думаемъ, что мечты нѣкоторыхъ о томъ, будто въ расколѣ таится гражданскій демократическій элементъ, которымъ при случаѣ можно воспользоваться, не болѣе, какъ мечты. Русскому человѣку не по натурѣ подобныя затѣи, а расколъ, провозгласившій, какъ догматъ, какъ несомнѣнную истину, что нынѣ уже царствуетъ антихристъ, всего менѣе способенъ отдаваться какимъ-либо надеждамъ на лучшее будущее. Въ этомъ случаѣ мы вполне согласны съ г. Мельниковымъ, который говоритъ, что для раскола „идеаль гражданскаго устройства существуетъ въ отдаленномъ, невозвратномъ прошедшемъ, а въ будущемъ ему представляется только грозный призракъ антихриста, который долженъ пасть, но не отъ руки людей, а отъ десницы Самого Иисуса Христа, какъ сказано въ Апокалипсисѣ; а за паденіемъ антихриста немедленно настанетъ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, райскія утѣхи для вѣрныхъ и вѣчный огонь, вѣчный скрежетъ зубовъ для невѣрныхъ. Торжества своихъ общинъ раскольники не ожидаютъ: такое торжество было бы противно ихъ религіознымъ вѣрованіямъ... Поэтому рассчитывать въ будущемъ на какую либо политическую дѣятельность раскольниковъ, какъ гражданской партіи, какъ *status in statu*, значить не понимать ни бывшаго, ни тѣмъ еще менѣе (болѣе) современнаго духа раскола... Что бы ни предстояло Россіи въ будущемъ, раскольники, по духу своихъ вѣрованій, не только неспособны быть политическими дѣятелями, но

(¹) Раскол. дѣл. т. II, стр. 100—107.

даже и орудіемъ такихъ дѣателей... Они слѣпо и не размышляя благоговѣютъ только предъ внѣшностію, передъ обрядомъ давно умершей старины. Симпатія ихъ только въ ней одной, и отъ того на современное состояніе общества они смотрятъ, какъ на состояніе упадка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на отверженіе русской народности, а на будущее, какъ на еще большій упадокъ. Это—Дотова жена, обернувшаяся назадъ и оставшаяся неподвижною“ (1). Признавая вполне справедливыми приведенныя слова, мы не хотимъ сказать, что раскольники довольны существующимъ порядкомъ государственной и общественной жизни,—нѣтъ, они признаютъ его неправильнымъ, даже неправославнымъ, еретическимъ, антихристіанскимъ, только далеки отъ мысли переѣхать его на другой, такой, о какомъ мечтаютъ наши либералы. Другими словами: въ настоящемъ порядкѣ вещей раскольники видятъ дурную сторону не въ стѣсненіи государствомъ древнихъ правъ и привилегій русскаго народа, не въ абсолютизмѣ власти, не въ централизаціи, не въ преобладаніи государственной казны въ ущербъ земству, а въ сочиненности порядка на нѣмецкій еретическій ладъ, по иноземнымъ поганымъ образцамъ, съ нарушеніемъ древнихъ обычаевъ благочестивыхъ и православныхъ,—въ томъ, что „нынѣ царь не въ бородѣ, одѣтъ не въ парчу и жемчугъ, не водится подъ руки боярами, тоже бородатыми, не пьющими проклятаго зелья—табаку“,—что „по судамъ нынѣ сидятъ не бородатые бояре, по городамъ не бородатые воеводы“, что нынѣшніе судьи не строго соблюдаютъ посты, не ходятъ по субботамъ въ баню,

(1) Письм. о раск. стр. 91—2.

а по воскресеньямъ—за крестными ходами; не вѣдятъ часто по святымъ обителямъ на богомолья, дозволяютъ народу „бѣсовскія игры и ристалища, яже отъ Бога отводять, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ“, не истребляютъ театры, не запрещаютъ танцы, музыку, маскарады, не воздвигаютъ гоненія на богохульное, заморское просвѣщеніе, не судятъ по градскому закону Кормчей книги и пр. и пр. (1). Вотъ чего хотѣлось бы раскольникамъ, вотъ ихъ идеаль гражданской и политической жизни. Очевидно, въ подобныхъ желаніяхъ нѣтъ ничего противогосударственного, а видна только привязанность раскольниковъ къ старинѣ, соединенная съ щепетильнымъ религіознымъ взглядомъ на вещи, по которому самыя условія гражданскаго и общественнаго быта имъ хотѣлось бы подчинить религіозному обряду, церковному вліянію. А что слова наши не фантазія, а дѣйствительная правда, въ этомъ убѣждаютъ насъ сочиненія самихъ раскольниковъ такихъ толковъ, которые по справедливости считаются крайними въ расколѣ по оппозиціи ихъ правительству. Такъ напр. Странники, не только не признающіе никакой власти, какъ антихристіанской, но даже возставшіе противъ общественныхъ и семейныхъ узъ, рисуя идеаль гражданскаго общества, царя не только считаютъ первымъ звѣномъ въ этомъ колесѣ, но трактуютъ его, какъ *солнце на земль*, какъ *Христова памѣстника*, только имъ хотѣлось бы, чтобы царь былъ благочестивый и „управлялъ бы отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, кои богопротивны“, напр. „отъ пѣанства и отъ бѣсовскихъ пѣсенъ и въ воскресенье торговать запрещалъ и про-

(1) Письм. о раск. стр. 87.

ція Богу неугодныя дѣла“ (1). Скажемъ короче: раскольники могутъ возставать противъ правительства, если оно слишкомъ немилостиво будетъ относиться къ нимъ; но отвергать вообще царскую власть не въ духѣ раскола, какъ и вообще не въ духѣ русскаго народа.

Послѣ всего сказаннаго нами о несостоятельности тѣхъ данныхъ, на которыхъ г. Шаповъ основываетъ свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую, демократическую, антигосударственную общину, неизбѣжно рождается вопросъ: какъ могла явиться мысль, будто въ расколѣ таится политическое, противогосударственное начало? Не высказывая никакихъ соображеній о субъективныхъ побужденіяхъ къ такому взгляду на расколъ, мы укажемъ только объективныя основанія, которыя, по нашему мнѣнію, могли подать поводъ приписывать расколу гражданскія, демократическія стремленія. Подобнымъ основаніемъ могли послужить существующія въ Россіи секты, которыя подъ религіозной оболочкой дѣйствительно скрываютъ политическія тенденціи и ждутъ торжества своихъ партій еще въ настоящей жизни. Таковы молокане, скопцы, хлысты и др. Такъ молокане ждутъ Араратскаго царства, паденія Ассура (если читать на оборотъ, то выйдетъ: русса) и тысящелѣтняго всемірнаго покоя. Хлысты и скопцы ожидаютъ торжественнаго возвращенія „изъ невѣдомой Иркутской стороны ихъ искупителя-батюшки царя Петра Ш-го Федорыча“. Тѣ и другіе думаютъ, что когда осуществится ихъ чаяніе, наступитъ золотой вѣкъ. Но этотъ золотой вѣкъ наступитъ, по ихъ мнѣнію, только тогда, когда падетъ царствующая династія и воцарится

(1) Письм. о раск. стр. 90.

негннно законный, но страдающій теперь государь Петръ Федорычъ. Такой бредъ, при всей его дикости, дѣйствительно можетъ имѣть дурныя послѣдствія и для государства и для власти, особенно если взять во вниманіе необыкновенную простоту и довѣрчивость нашего народа ко всевозможнымъ таинственнымъ рассказамъ. Эта довѣрчивость въ массахъ обыкновенно спитъ, но только до поры, до времени. Изувѣрство, особенно въ рукахъ неблагонамѣренности, можетъ разбудить ее и направить къ произведенію большихъ беспорядковъ. Примѣръ недалекъ. Всякій знаетъ то несчастное время, когда тоже самое имя, которое скопцы почитаютъ живымъ и безсмертнымъ, было присвоено простымъ казакomъ, и народъ увлекся въ слѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили приказанія самозванца поминать на вѣтенихъ супругу его „благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну“, что не имѣли на то указа изъ св. Синода... Но относить всѣ указанныя нами секты къ расколу и считать ихъ за одно съ нимъ значитъ не понимать дѣла, не знать ни раскола, ни означенныхъ сектъ. „Въ простомъ народѣ, говоритъ г. Мельниковъ, который собственныя дѣла если не постигаетъ ясно, то всегда чувствуетъ вѣрно, ни духоборцы, ни молокане, ни хлысты, ни скопцы и имъ подобные не считаются и не называются раскольниками. Эти *темныя*, по выраженію самого народа, секты существуютъ у насъ совершенными особняками: не только православныя, но и самыя раскольники дичатся послѣдователей этихъ сектъ, питаютъ къ нимъ какое-то отвращеніе и даже суевѣрный страхъ, весьма близкій къ страху чорта или вѣдьмы, считаютъ ихъ каки-

ми-то загадочными кудесниками, плюютъ и крестятся при одномъ воспоминаніи объ нихъ. По понятіямъ простаго народа, и православнаго и раскольниковъ, эти сектаторы — такое явленіе, которое ни на что не похоже въ обычномъ ходѣ и развитіи русской народной жизни. И всѣ послѣдователи этихъ сектъ отрѣшаются отъ интересовъ современной гражданской жизни простаго русскаго народа, они совершенно равнодушны къ успѣхамъ развитія этой жизни, еще менѣе имѣютъ они сочувствія къ преданію, ко временамъ прошлымъ. Для нихъ все въ ихъ баснословномъ будущемъ⁽¹⁾. Дѣйствительно стоитъ познакомиться хотя бѣгло съ ученіемъ указанныхъ сектантовъ, чтобы видѣть, что они не имѣютъ ничего общаго съ раскольниками. Тогда какъ послѣдніе ратуютъ за одну букву въ имени Спасителя: Исусъ, первые смѣло изобрѣли себѣ новаго Батюшку-искупителя и воздаютъ ему божесное почитаніе. Тогда какъ раскольники ставятъ намъ въ вину то, что въ молитвѣ Богородицѣ мы читаемъ: *благодатная* вмѣсто: *обродованная*, скопцы не задумались приобрѣсть себѣ новую богородицу — Акулину Ивановну. Однимъ словомъ: указанные сектанты, по своему ученію, не только не раскольники, но даже не еретики, а совершенно антихристіане. А между тѣмъ г. Шаповъ, развивая свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую, демократическую общину, пользуется для своей дѣли ученіемъ и указанныхъ сектъ (стр. 39, 40, 43—47 и др.). Справедливо ли это, можетъ видѣть всякій.

И. Нильскій.

(1) Письма о раск. стр. 81—2.